

The Collection of Humanitarian Studies. Electronic scientific journal

peer-reviewed * open access journal

ISSN 2500-3585

КОЛЛЕКЦИЯ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Электронный научный журнал

2 (47) 2026

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ

Орлова Е.М., Ковалёва М.В. 6
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Садыков Р.М., Большакова Н.Л. 14
ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРАКТА КАК МЕХАНИЗМА СОКРАЩЕНИЯ БЕДНОСТИ В РЕГИОНЕ И АКТИВИЗАЦИИ ПОТЕНЦИАЛА МАЛОИМУЩИХ СЕМЕЙ

Снедкова Ю.П., Мамонтова Н.М. 26
ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕХАНИЗМОВ ДОКУМЕНТАЦИОННОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ЭТИЧЕСКИХ НОРМ В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ СЛУЖБЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ВНЕДРЕНИЯ ИИ-ТЕХНОЛОГИЙ

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Шелепин К.Ю., Наумова Д.А., Шелепин Е.Ю., Скуратова К.А. 35
ТЕХНИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА АЛЬТЕРНАТИВНОЙ И ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАЕКТОРИИ XX ВЕКА

Молчанова Л.Н., Стулова А.В. 55
ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РОДИТЕЛЬСКИХ УСТАНОВОК НА ВОСПИТАНИЕ У «ВЫГОРАЮЩИХ» МАТЕРЕЙ ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЯМИ СЛУХА

Касьянова К.В., Молчанова Л.Н. 69
ЭМПИРИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНЫХ УСТАНОВОК МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВОЛОНТЕРОВ В УСЛОВИЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Ткаченко П.В., Часовских А.А. 81
К ВОПРОСУ О ЗАВИСИМОСТИ УСПЕВАЕМОСТИ СТУДЕНТОВ ОТ ТИПА ВЫСШЕЙ НЕРВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Беспалов Д.В., Киперман Я.В., Непочатых А.В. 95
РАЗВИТИЕ СИЛОВЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ЛИЦ С НАРУШЕНИЕМ ОПОРНО-ДВИГАТЕЛЬНОГО АППАРАТА СРЕДСТВАМИ ПАРАПАУЭРЛИФТИНГА

Гальченко С.И., Костромина Т.А. 107
ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕКУЛЬТУРНЫХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ДИСЦИПЛИНЫ «ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК» (РАЗДЕЛ КЛИНИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ)

Непочатых А.В. 119
ДИНАМИКА МОТИВИРОВАННОСТИ И ОБЩЕЙ И СПЕЦИАЛЬНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ВУЗА, ЗАНИМАЮЩИХСЯ ДЗЮДО

МОЛОДЕЖНАЯ НАУКА

Гаджиева А.М., Богушевская А.А., Николаева В.Г. 132
ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ВОЛЕВОЙ СФЕРЫ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА, ПЕРЕНЕСШИХ ТРУДНУЮ ЖИЗНЕННУЮ СИТУАЦИЮ

Председатель
редакционного совета
В.А. Лазаренко

Главный редактор
П.В. Ткаченко

Ответственный секретарь
Е.П. Непочатых

Технический секретарь
М.С. Филиппович

Адрес редакции:
305041
г. Курск, ул. К. Маркса, 3
E-mail: collegi@j-chr.com
<http://www.j-chr.com>

При перепечатке
ссылка на журнал
«Коллекция гуманитарных
исследований»
обязательна

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

ЛАЗАРЕНКО Виктор Анатольевич
доктор медицинских наук, профессор, ректор Курского
государственного медицинского университета

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ТКАЧЕНКО Павел Владимирович
доктор медицинских наук, доцент, зав. кафедрой
нормальной физиологии Курского государственного
медицинского университета

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

НЕПОЧАТЫХ Елена Павловна
кандидат психологических наук, доцент кафедры
социальной работы и безопасности жизнедеятельности
Курского государственного медицинского университета

Абрамов А.П. д.с.н., доц.
(ФНИСЦ РАН, г. Москва)

Бабинцев В.П. д.филос., проф.
(НИУ БелГУ, г. Белгород)

Бобынцев И.И. д.м.н., проф.
(ФГБОУ ВО КГМУ Минздрава России, г. Курск)

Волкова О.А. д.с.н.
(ФГБОУИ ВО МГГЭУ, г. Москва)

Василенко Т.Д., д.псих.н., проф.
(ФГБОУ ВО КГМУ Минздрава России, г. Курск)

Запесоцкая И.В. д.психол.н., проф.
(РНИМУ им. Н.И. Пирогова, г. Москва)

Зотов В.В. д.с.н., проф.
(ФГАОУ ВО МФТИ (НИУ), г. Москва)

Ильдарханова Ч.И.
(Академия наук Республики Татарстан, г. Казань)

Каменева Т.Н., д.соц.н., проф.
(Финансовый университет при Правительстве РФ,
г. Москва; Белгородский государственный
национальный исследовательский университет,
г. Белгород)

Кашапов С.М. д.психол.н., проф.
(ФГБОУ ВО ЯрГУ им. П.Г. Демидова, г. Ярославль)

Кузнецова А.А. к.псих.н., доц.
(ФГБОУ ВО КГМУ Минздрава России, г. Курск)
Клюева Н.В. д.психол.н., проф.
(ФГБОУ ВО ЯрГУ им. П.Г. Демидова, г. Ярославль)

Когай Е.А. д.филос.н., проф.
(ФГБОУ ВО КГУ, г. Курск)

Лескова И.В. д.с.н., проф.
(ФГБОУ ВО РГСУ, г. Москва)

Молчанова Л.Н. д.псих.н.
(ФГБОУ ВО КГМУ Минздрава России, г. Курск)

Никишина В.Б., д.псих.н., проф.
(РНИМУ им. Н.И. Пирогова, г. Москва)

Пергаменщик Л.А. д.псих.н., проф.
(БГПУ, Берарусь)

Разуваева Т.Н. д.псих.н., проф.
(Белгородский государственный университет,
г. Белгород)

Сорокоумова Е.А. д.психол.н., проф.
(ФГБОУ ВО МПГУ, г. Москва)

Симоненко И.А. д.псих., проф.
(РНИМУ им. Н.И. Пирогова, г. Москва)

Шульгина Т.А. к.псих.н., доц.
(ФГБОУ ВО КГМУ Минздрава России, г. Курск)

CONTENT

SOCIOLOGY

Orlova E.M., Kovalyeva M.V. 6
 IMPROVING ORGANIZATIONAL AND MANAGERIAL COOPERATION IN THE EDUCATION
 SYSTEM OF THE KURSK REGION

Sadykov R.M., Bolshakova N.L. 14
 THE PRACTICE OF IMPLEMENTING A SOCIAL CONTRACT AS A MECHANISM FOR REDUCING
 POVERTY IN THE REGION AND ACTIVATING THE POTENTIAL OF LOW-INCOME FAMILIES

Snedkova Yu.P., Mamontova N.M. 26
 TRANSFORMATION OF MECHANISMS FOR DOCUMENTING ETHICAL STANDARDS IN THE
 PUBLIC SERVICE SYSTEM IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION AND THE INTRODUCTION
 OF AI TECHNOLOGIES

SOCIAL PSYCHOLOGY

Shelepin K.Yu., Naumova D.A., Shelepin E.Yu., Skuratova K.A. 35
 AUGMENTATIVE AND ALTERNATIVE COMMUNICATION DEVICES: NATIONAL TRAJECTORIES
 IN XX CENTURY

Molchanova L.N., Stulova A.V. 55
 FEATURES OF THE STRUCTURAL ORGANIZATION OF PARENTAL ATTITUDES TOWARDS THE
 EDUCATION OF "BURNOUT" MOTHERS OF CHILDREN WITH HEARING IMPAIRMENTS

Kasyanova K.V., Molchanova L.N. 69
 EMPIRICAL SUBSTANTIATION OF THE MODEL OF SOCIAL ATTITUDES OF INTERPERSONAL
 INTERACTION OF VOLUNTEERS IN THE CONDITIONS OF PROFESSIONALLY ORIENTED
 VOLUNTEER ACTIVITIES

PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY

Tkachenko P.V., Chasovskykh A.A. 81
 ON THE QUESTION OF THE DEPENDENCE OF STUDENTS' ACADEMIC PERFORMANCE ON
 THE TYPE OF HIGHER NERVOUS ACTIVITY

Bespalov D.V., Kiperman Ya.V., Nepochatykh A.V. 95
 DEVELOPMENT OF STRENGTH ABILITIES OF PEOPLE WITH MUSCULOSKELETAL DISORDERS
 BY MEANS OF PARA-POWERLIFTING

Galchenko S.I., Kostromina T.A. 107
 FORMATION OF MEDICAL STUDENTS' GENERAL CULTURAL AND PROFESSIONAL
 COMPETENCIES WHILE STUDYING THE DISCIPLINE "LATIN LANGUAGE" (CLINICAL
 TERMINOLOGY SECTION)

Nepochatykh A.V. 119
 DYNAMICS OF MOTIVATION AND GENERAL AND SPECIAL PHYSICAL TRAINING OF
 UNIVERSITY STUDENTS ENGAGED IN JUDO

YOUTH SCIENCE

Gadzhieva A.M., Bogushevskaya A.A., Nikolaeva V.G. 132
 FEATURES OF THE EMOTIONAL AND VOLITIONAL SPHERE OF PRIMARY SCHOOL CHILDREN
 WHO HAVE EXPERIENCED A DIFFICULT LIFE SITUATION

Chairman
 Editorial Board
 V.A. Lazarenko

Editor-in-chief
 P.V. Tkachenko

Executive Secretary
 E.P. Nepochatykh

Technical Secretary
 M.S. Filippovich

Editorial address:
 305041
 Kursk, st. Marx, 3
 E-mail: j-chr@mail.ru
 http://www.j-chr.com

EDITORIAL BOARD

CHAIRMAN

Dr. Victor Lazarenko
Honored Physician of the RF, MD, Full Professor, Rector of Kursk State Medical University, Russian Federation

EDITOR-IN-CHIEF

Dr. Pavel Tkachenko
MD, Associate Professor, Head of Normal Physiology Department n.a. Professor Zavyalov of Kursk State Medical University, Russian Federation

EXECUTIVE SECRETARY

Dr. Elena Nepochatyh
Candidate of Sciences in Sociology, Associate Professor, Associate Professor of Social Work and Life Safety Department, Kursk State Medical University

Abramov A.P. PhD, Associate Professor
(FCTAS RAS, Moscow)

Babyntsev V.P. PhD, Full Professor
(Belgorod State University, Belgorod)

Zapesotskaya I.V. PhD, Associate Professor
(N.I. Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow)

Zotov V.V. PhD, Full Professor
(Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University), Moscow)

Ildarkhanova Ch.I. PhD
(Tatarstan Academy of Science, Kazan)

Kashapov M.M. PhD, Full Professor
(P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl)

Kameneva T.N. PhD, Professor
(Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow; Belgorod State National Research University, Belgorod)

Klyuyeva N.V. PhD, Full Professor
(P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl)

Kogai E.A. PhD, Full Professor
(Kursk State University, Kursk)

Kuznetsova A.A. PhD, Associate Professor
(Kursk State Medical University, Kursk)

Leskova I.V. PhD, Full Professor
(Russian State Social University, Moscow)

Molchanova L.N. PhD
(Kursk State Medical University, Kursk)

Nikishina V.B. PhD, Full Professor
Moscow State National
(Research University named after N.I. Pirogov)

Pergamenshchik L.A. PhD, Full professor
(Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus)

Razuvaeva T.N. PhD, Full Professor
(Belgorod State University, Belgorod)

Sorokoumova E.A. PhD, Professor
(Moscow Pedagogical State University, Moscow)

Simonenko I.A. PhD, associate Professor
(N.I. Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow)

Shulgina T.A. Candidate of Psychology, associate Professor
(Kursk State Medical University, Kursk)

Vasilenko T.D. PhD, Full Professor
(Kursk State Medical University, Kursk)

Volkova O.A. PhD
(Moscow State University of Humanities and Economics, Moscow)

DOI: 10.21626/j-chr/2026-2(47)/1
УДК: 332.1

Социология

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

© Е.М. Орлова, М.В. Ковалева

6

Орлова Е.М. – кандидат философских наук, доцент кафедры государственного муниципального управления и права, ГОАУ ВО Курской области «Курская академия государственной и муниципальной службы»

e-mail: family.orlova@yandex.ru

Ковалёва М.В. – кандидат философских наук, доцент, кафедра философии, социально-правовых и естественнонаучных дисциплин, ГОАУ ВО Курской области «Курская академия государственной и муниципальной службы»

Адрес: 305044, Курск, ул. Станционная, 9, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность. В условиях динамичного развития общества и экономики региональные системы образования сталкиваются с необходимостью повышения адаптивности и ориентации на удовлетворение меняющихся запросов обучающихся, родителей, работодателей и местного сообщества. Традиционные модели управления, основанные на жесткой вертикали и ведомственной обособленности, оказываются неэффективными перед лицом новых вызовов. Актуальность работы обусловлена потребностью в теоретико-методологическом обосновании комплексных организационно-управленческих преобразований, способных трансформировать региональную образовательную среду в открытую, отзывчивую и ориентированную на устойчивое развитие систему.

Цель исследования – анализ некоторых организационно-управленческих решений, направленных на совершенствование региональной системы образования, и в научном обосновании их эффективности через синтез современных управленческих концепций.

Материалы и методы. Теоретико-методологическую основу исследования составили теории стейкхолдеров (Р. Фримен), человеческого капитала (Г. Беккер, Т. Шульц), социального капитала (П. Бурдьё), а также материалы целевой модели «Курская цифровая школа» и опыт функционирования центров повышения педагогического мастерства.

Выводы. Эффективное управление региональной системой образования достигается исключительно через комплексную трансформацию ее организационно-кадровой, цифровой, общественной подсистем. Набор мер Курской области формирует модель, где каждое направление усиливает другие. Перспективным направлением развития является привлечение ресурсов образовательных организаций к подготовке управленческих кадров.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: управление образованием; инициативное бюджетирование; социальный капитал; государственно-общественное управление; цифровая трансформация.

Конфликт интересов. Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Эффективное администрирование региональной образовательной сферой требует ее максимальной гибкости и способности оперативно реагировать на меняющиеся потребности территории, местных жителей, школьников и их семей. Достичь этого можно исключительно через трансформацию управляющих структур, пересмотр полномочий подразделений и форматов их коммуникации. Данный процесс носит системный характер: он требует аудита текущей ситуации, корректировки финансовых и организационных инструментов, внедрения IT-решений, роста кадрового потенциала и усиления роли общества в принятии решений. Ключевой тезис здесь заключается в том, что модернизация должна охватывать всю архитектуру управления, а не точечно менять ее разрозненные фрагменты.

Теоретико-методологическое обоснование таких преобразований опирается на синтез научных концепций. Во-первых, устойчивое развитие системы, организации в частности, возможно при учете интересов всех групп влияния: обучающихся, родителей, педагогов, работодателей, органов государственной власти и местного самоуправления). В контексте региональной системы образования, если воспользоваться некоторыми аспектами теории стейкхолдеров (Р. Фримен [16]), возможно обосновать необходимость и значимость общественных советов, попечительских советов как механизмов репрезентации интересов групп влияния (стейкхолдеров), сетевое взаимодействие школ, вузов и предприятий как форму партнерства всех заинтересованных сторон и раннюю профориентацию через включение работодателей в образовательных процесс [20].

Однако учет интересов стейкхолдеров невозможно реализовать без признания образования стратегической инвестицией. Именно в данной практике заключается реализация теории человеческого капитала (Т. Шульц [11], Г. Беккер [15]), которая рассматривает образование как ключевую инвестицию в развитие человеческого потенциала, приносящую доход как личности, так и обществу в целом. Согласно данной теории, расходы на образование, повышение квалификации – это не затраты, а вложения в будущую конкурентоспособность региона. Важно отметить, что инвестиции в человеческий капитал неотделимы от социального контекста, в котором они осуществляются. В это связи закономерно использовать и обосновывать деятельность через призму концепции социального капитала (П. Бурдье [3, 13]), которая объясняет ценность социальных связей, доверия и норм взаимности для развития территорий. Инициативное бюджетирование, общественные и попечительские советы как раз становятся теми механизмами накопления и реализации социального капитала в сфере образования.

Нормативной основой для реализации такой комплексной политики выступает Концепция подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 года, которая утверждена Правительством Российской Федерации от 24 июня 2022 года № 1688-р. Одним из основных принципов является взаимодействие образовательных организаций, подготовка педагогических кадров, органов государственной власти и местного самоуправления по вопросам, связанным совершенствования системы подготовки профессиональных кадров [5, 9].

Фундаментальная значимость управления образовательной сферой подтверждается тем, что управление системой образования региона рассматривается как фактор сохранения социально-культурной целостности общества, обеспечения социальной стабильности и конкурентоспособности региональной

экономики [4]. Исследования показывают, что эффективное управление должно обеспечивать адаптивность системы к меняющимся запросам общества и рынка труда, при этом приоритетом является переход от государственно-общественного к общественно-государственному управлению.

Практическим воплощением описанных теоретических подходов становится происходит оптимизация финансовых моделей обеспечения образовательных нужд, в том числе за счет перехода на принципы нормативно-подушевого распределения средств и поиска внебюджетных источников (спонсорская помощь, инициативное бюджетирование). Последнее, инициативное бюджетирование, или «Народный бюджет», в Курской области выступает как механизм решения локальных социальных задач через консолидацию усилий власти, бизнеса и самих граждан [12]. Главная задача инициативы – стимулировать жителей к самостоятельному определению приоритетов и сделать муниципальные траты более прозрачными, обоснованными и эффективными. В образовательной сфере это работает как конкурсный отбор инициатив, выдвигаемых самими жителями. Схема софинансирования выглядит следующим образом: до 60% берет на себя областная казна, 38% - муниципалитет, а оставшиеся 2% собираются в виде добровольных взносов граждан местного бизнеса.

Масштаб распространения подобных практик свидетельствует об их востребованности. На территории Российской Федерации в 29 субъектах реализуются практики школьного, молодежного, студенческого инициативного бюджетирования. В 2023 году всегда была зафиксирована 61 практика финансовыми органами субъектов России, где 17 – региональные, 40 – муниципальные, 4 из них имели автономный внутришкольный характер [6]. Конкретные результаты применения данного механизма в Курской области подтверждают его эффективность. Практика такого формата народного бюджета демонстрирует успешные результаты: в 2022 году обновлены полы и дворы в МБОУ СОШ № 9, заменена кровля в Лицее № 21. В 2024 году произошло обновление двух объектов: капитальный ремонт детского сада № 95 и фасадов гимназий № 25, МБОУ СОШ № 35, детского сада № 67, замена кровель в МБОУ СОШ № 50 и № 57, а также обустроили теневые навесы в детском саду № 122. На 2025 год был запланирован ремонт 21 учреждения, в 2026 году планируется провести 30 инициатив, включая ремонты спортивных залов, школ, дворовых территорий.

Для дальнейшего развития данного направления необходимы организационные меры. Целесообразным кажется продолжить такую практику, обучать директоров школ правилам оформления заявок [1]. Параллельно требуется ввести просветительскую работу с родительским активом и попечителями, объясняя методологию участия в проекте.

Теоретическую основу инициативного бюджетирования составляют несколько взаимосвязанных концепций. Школьное инициативное бюджетирование основывается на концепции «демократии участия», которая ориентируется на идеалы прямой демократии и вовлеченности граждан в управление. Также не исключается подход М. Вебера с идеей понимающей социологии, где социальные практики рассматриваются как социально ответственный процесс, и теория коммуникационного действия Ю. Хабермаса, которая подчеркивает важность процедур коллективного обсуждения и принятия решений [2, 13].

Помимо финансового измерения, важнейшим аспектом управления образованием является его воспитательная и социальная функция. Другим вектором выступает интеграция инновационных социальных практик, усиление роли школы как центра местной культуры и масштабирование системы дополнительного образования. Приоритет отдается воспитательной составляющей: трансляции традиционных духовно-нравственных ориентиров, воспитанию

патриотизма и гражданской позиции. Также важным является вовлекать в эти процессы не только педагогов, но и родителей, НКО и местный бизнес. Отдельное внимание следует уделить ранней профориентации, где требуется выстраивать плотное партнерство между школами, вузами и градообразующими предприятиями для организации стажировок, профессиональных проб, планирования карьерных траекторий [8, 7, 10].

Неотъемлемым условием реализации описанных направлений становится технологическая модернизация. Следующим вектором является развитие цифровой трансформации школ и органов управления. IT-решения внедряются для оптимизации администрирования, мониторинга успеваемости и расширения доступа к знаниям. Базовым стандартом для курских школ выступает целевая модель «Курская цифровая школа», гарантирующая создание современной IT-экосистемы для удовлетворения нужд всех участников учебного процесса. Дальнейшее развитие требует решения инфраструктурных задач: обеспечения учреждений надежным интернетом, компьютерной техникой и интерактивным оборудованием. При этом на первый план выходят вопросы кибербезопасности, фильтрации запрещенного контента и контроля доступа.

Ключевым элементом цифровой трансформации становится компетентность управленческих кадров. Руководители школ должны обладать инструментами цифрового планирования, совместной работы с документами и предиктивной аналитики (прогнозирование рисков в учебном процессе на основе сбора данных внутреннего мониторинга качества).

Однако технологическая инфраструктура не может функционировать без квалифицированных кадров. Следующий вектор – развитие кадрового потенциала, то есть непрерывное повышение квалификации, переподготовка, поддержка молодых педагогов и институт наставничества. В регионе создана разветвленная сеть центров компетенций. Так, факультет дополнительного образования ФГБОУ ВО КГУ реализует профильные программы, с 2021 года при КИРО работает Центр непрерывного повышения профессионального мастерства, располагающий передовой лабораторной базой. Обучение строится на основе предварительной диагностики дефицитов учителей.

Для усиления управленческой составляющей кадрового развития целесообразно привлечь дополнительные ресурсы. В этой связи целесообразными кажется подключить к этой работе Курскую академию государственной и муниципальной службы, сотрудники которой обладают компетенциями для подготовки региональных управленцев.

Важнейшим принципом реализации всех описанных направлений является учет региональной специфики. При разработке управленческих решений нельзя игнорировать локальный контекст, связанный с демографическими и экономическими аспектами, а также географией. Баланс между сохранением единого образовательного стандарта и гибкостью под нужды конкретной территории является эффективным решением. Комплексный подход к администрированию способен обеспечить качественный скачок в результативности развития Курской системы образования [17-19].

Подводя итог проведенному анализу, можно констатировать, что управление системой образования региона в современных условиях должно рассматриваться как сложная адаптивная система, которая опирается на синтез системного подхода, концепции человеческого и социального капитала, а также идей обучающейся организации. Эффективность достигается не точечными изменениями, а комплексной трансформацией всех компонентов – организационных, финансовых, кадровых, цифровых и общественно-участных.

Предложенная модель обладает выраженной синергетической природой.

Комплекс организационно-управленческих мер для Курской области формирует целостную модель региональной образовательной политики, в которой каждое направление взаимодополняет и усиливает другие, создавая синергетический эффект. Инициативное бюджетирование аккумулирует социальный капитал, цифровизация обеспечивает адаптивность, непрерывное профессиональное развитие наращивает человеческий капитал, а сетевое взаимодействие и общественные советы делают систему открытой и отзывчивой.

Таким образом, организационно-управленческие решения системы образования Курской области способны отвечать актуальным требованиям времени, удовлетворять образовательные запросы жителей региона, формировать человеческий капитал как основу социально-экономического развития территории в долгосрочной перспективе. Дальнейшие исследования могут быть посвящены разработке системы индикаторов оценки эффективности предложенных мер и механизмов их мониторинга в динамике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асириян М.А., Кураколов М.В. Управляющие советы и их роль в развитии инициативного бюджетирования в системе образования России // Педагогика. № 6. 2021. С. 38-41
2. Адакин Е. Е., Касаткина Н. Э., Руднева Е. Л. Теоретические основы управления системой образования региона // Ползуновский вестник. 2004. №3.176-179
3. Бурдые П. Формы капитала. 2002. Т. 3. № 5. С. 60-74
4. Гаврилова М. В., Данилова Н. В. Управление системой образования региона // Вестник РУК. 2016. №1 (23). С. 35-41
5. Жадаев Ю. А., Бурякова Т. С. Организационно-управленческие условия взаимодействия субъектов региональной системы образования в процессе сетевой практической подготовки будущих педагогов // Известия ВГПУ. 2023. №10 (183). С. 24-30
6. Куприянов Б.В., Карпова Е.М., Шевелев М.А. Потенциал школьного инициативного бюджетирования в повышении финансовой грамотности обучающихся // Финансовый журнал. 2025. Т. 17. № 2. С. 25-38
7. Николаева Н.В. информационно-образовательная среда вуза в контексте смешанного обучения // Электронный научный журнал "Коллекция гуманитарных исследований". 2022. № 4. С.24-30.
8. Орлова Е.М., Филиппович М.С. Инновационный потенциал личности в условиях современной образовательной среды вуза // Электронный научный журнал "Коллекция гуманитарных исследований". 2024. № 3, С. 65-72
9. Симонова А.А., Дворникова М.Ю. Понятие сетевого взаимодействия образовательных организаций // Педагогическое образование в России. 2018. № 5.
10. Снегирева Л.В. Повышение уровня педагогического мастерства профессорско-преподавательского состава медицинских вузов как ключевое условие модернизации профессионального образования // Электронный научный журнал "Коллекция гуманитарных исследований". 2024. № 2. С. 34-40.
11. Шульц Т. В. Инвестиции в человеческий капитал / Т. В. Шульц // Американское экономическое обозрение. – № 1 (март, 1961). Том 51. С. 1–17.
12. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».
13. Филиппович, Ю. С. Шанс усталости в кризис нарратива: философско-антропологический взгляд / Ю. С. Филиппович // Вестник Бурятского государственного университета. – 2026. – № 1. – С. 56-62.
14. Инициативное бюджетирование: эволюция теории и практики: монография / под ред. Л. А. Васина. Москва: НИФИ Минфина России, 2020. 245 с.
15. Becker G.S. A Theory of Social Interactions // Journal of Political Economy, 1974,v.82, p.1063-1093
16. Freeman R. E. Strategic Management: A Stakeholder Approach. First Edition. Boston: Harpercollins College Div, January 1984. 275 p.
17. Sminia, H., Corvalán, J. (2026). Strategic Management as Wayfinding: The Doing of Strategy Work. In: Zubac, A., Zwikael, O., Tucker, D., More, E., Jiang, Z., Kirkpatrick, S. (eds) The Palgrave Handbook of Strategy, Change and Transformational Project Leadership. Palgrave Macmillan, Singapore.
18. Joma M.H.A., Alashkar A.M., El-Kurdi D.R. The Impact of Strategic Management on the Effec-

tiveness of the Strategic Decision-Making Process in Jordanian Commercial Banks // International Review of Management and Marketing. Vol. 16. Issue 4. 2026. 349-357 pp.

19. Graham L. D., Sasraku-Neequaye B.K. "Strategic Management in Hospitality: A Systematic Review of Theoretical Foundations, Strategic Practices, and Competitive Implications." , vol. 13, no. 3, 2026. 1034-1039 pp.

20. Duchidze G. The role of strategic management in modern organizations. Defence and Science. Volume 4. 2025. 21-33 pp.

Получена: 09.02.2026 г.

Принята к публикации: 28.05.2026 г.

IMPROVING ORGANIZATIONAL AND MANAGERIAL COOPERATION IN THE EDUCATION SYSTEM OF THE KURSK REGION

© Elena M. Orlova, Marina V. Kovaleva

Elena M. Orlova – Candidate of Sciences in Philosophy, Associate Professor, Department of State and Municipal Administration and Law, State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the Kursk Region “Kursk Academy of State and Municipal Service”
e-mail: family.orlova@yandex.ru

Marina V. Kovaleva – Candidate of Sciences in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, Social, Legal and Natural Sciences, Kursk Academy of Public and Municipal Service

Address: 305044, Kursk, Stantsionnaya St., 9, Russian Federation

ABSTRACT

Relevance. In the context of the dynamic development of society and the economy, regional education systems face the need to increase adaptability and focus on meeting the changing demands of students, parents, employers and the local community. Traditional management models based on rigid verticals and departmental isolation are proving ineffective in the face of new challenges. The relevance of the work is determined by the need for a theoretical and methodological justification of complex organizational and managerial transformations capable of transforming the regional educational environment into an open, responsive and sustainable development-oriented system.

The purpose of the study is to analyze some organizational and managerial decisions aimed at improving the regional education system, and to scientifically substantiate their effectiveness through the synthesis of modern management concepts.

Materials and methods. The theoretical and methodological basis of the research was formed by the theories of stakeholders (R. Freeman), human capital (G. Becker, T. Schultz), social capital (P. Bourdieu), as well as materials from the Kursk Digital School target model and the experience of the centers for improving pedagogical skills.

Conclusions. Effective management of the regional education system is achieved exclusively through a comprehensive transformation of its organizational, personnel, digital, and social subsystems. The set of measures of the Kursk region forms a model where each direction reinforces the others. A promising area of development is to attract the resources of educational organizations to the training of managerial personnel.

KEYWORDS: education management; proactive budgeting; social capital; public administration; digital transformation.

Conflict of interests. The authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

REFERENCES

1. Asiryana M.A., Kurakolov M.V. Upravlyayushchie sovety i ih rol' v razvitii iniciativnogo byudzhetrovaniya v sisteme obrazovaniya Rossii // Pedagogika. № 6. 2021. S. 38-41
2. Adakin E. E., Kasatkina N. E., Rudneva E. L. Teoreticheskie osnovy upravleniya sistemoy obrazovaniya regiona // Polzunovskiy vestnik. 2004. №3. 176-179
3. Burd'e P. Formy kapitala. 2002. T. 3. № 5. S. 60-74
4. Gavrilova M. V., Danilova N. V. Upravlenie sistemoy obrazovaniya regiona // Vestnik RUK. 2016. №1 (23). S. 35-41
5. Zhadaev YU. A., Buryakova T. S. Organizacionno-upravlencheskie usloviya vzaimodeystviya sub"ektov regional'noj sistemy obrazovaniya v processe setevoy prakticheskoy podgotovki budushchih pedagogov // Izvestiya VGPU. 2023. №10 (183). C. 24-30
6. Kupriyanov B.V., Karpova E.M., Shevelev M.A. Potencial shkol'nogo iniciativnogo byudzhetrovaniya v povyshenii finansovoy gramotnosti obuchayushchihsya // Finansovyy zhurnal. 2025. T. 17. № 2. S. 25-38
7. Nikolaeva N.V. informacionno-obrazovatel'naya sreda vuza v kontekste smeshannogo obucheniya // Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Kolleksiya gumanitarnykh issledovaniy". 2022. № 4. S.24-30.

8. Orlova E.M., Filippovich M.S. Innovacionnyj potencial lichnosti v usloviyah sovremennoj obrazovatel'noj sredy vuza // Elektronnyj nauchnyj zhurnal "Kollekciya gumanitarnyh issledovanij". 2024. № 3, S. 65-72
9. Simonova A.A., Dvornikova M.YU. Ponyatie setevogo vzaimodejstviya obrazovatel'nyh organizacij // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2018. № 5.
10. Snegireva L.V. Povyshenie urovnya pedagogicheskogo masterstva professorsko-prepodavatel'skogo sostava medicinskih vuzov kak klyuchevoe uslovie modernizacii professional'nogo obrazovaniya // Elektronnyj nauchnyj zhurnal "Kollekciya gumanitarnyh issledovanij". 2024. № 2. S. 34-40.
11. SHul'c T. V. Investicii v chelovecheskij kapital / T. V. SHul'c // Amerikanskoe ekonomicheskoe obozrenie. – № 1 (mart, 1961). Tom 51. S. 1–17.
12. Federal'nyj zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii.
13. Filippovich, YU. S. SHans ustalosti v krizis narrativa: filosofsko-antropologicheskij vzglyad / YU. S. Filippovich // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2026. – № 1. – S. 56-62.
14. Inicijativnoe byudzhetrovanie: evolyuciya teorii i praktiki: monografiya / pod red. L. A. Vasina. Moskva: NIFI Minfina Rossii, 2020. 245 s.
15. Becker G.S. A Theory of Social Interactions // Journal of Political Economy, 1974, v.82, p.1063-1093
16. Freeman R. E. Strategic Management: A Stakeholder Approach. First Edition. Boston: Harpercollins College Div, January 1984. 275 p.
17. Sminia, H., Corvalán, J. (2026). Strategic Management as Wayfinding: The Doing of Strategy Work. In: Zubac, A., Zwikael, O., Tucker, D., More, E., Jiang, Z., Kirkpatrick, S. (eds) The Palgrave Handbook of Strategy, Change and Transformational Project Leadership. Palgrave Macmillan, Singapore.
18. Joma M.H.A., Alashkar A.M., El-Kurdi D.R. The Impact of Strategic Management on the Effectiveness of the Strategic Decision-Making Process in Jordanian Commercial Banks // International Review of Management and Marketing. Vol. 16. Issue 4. 2026. 349-357 pp.
19. Graham L. D., Sasraku-Neequaye B.K. "Strategic Management in Hospitality: A Systematic Review of Theoretical Foundations, Strategic Practices, and Competitive Implications." , vol. 13, no. 3, 2026. 1034-1039 pp.
20. Duchidze G. The role of strategic management in modern organizations. Defence and Science. Volume 4. 2025. 21-33 pp.

Received: 09.02.2026

Accepted: 28.05.2026

DOI: 10.21626/j-chr/2026-2(47)/2
УДК: 364.04

Социология

ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРАКТА КАК МЕХАНИЗМА СОКРАЩЕНИЯ БЕДНОСТИ В РЕГИОНЕ И АКТИВИЗАЦИИ ПОТЕНЦИАЛА МАЛОИМУЩИХ СЕМЕЙ

© Р.М. Садыков, Н.Л. Большакова

Садыков Р.М. – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук
e-mail: SadikovRM@mail.ru

Адрес: 450054, Уфа, Проспект Октября, 71, Российская Федерация

Большакова Н.Л. – старший преподаватель кафедры социальной работы, Уфимский университет науки и технологий
e-mail: bolshakovanl@mail.ru

Адрес: 450076, Уфа, ул. Валиди, 32, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность. Настоящее исследование посвящено комплексному изучению социального контракта как ключевого механизма снижения уровня бедности в регионах и активизации социально-экономического потенциала малоимущих домохозяйств. В статье раскрываются особенности его реализации, проводится оценка эффективности данного инструмента. Анализируется механизм предоставления государственной помощи малоимущим семьям и гражданам с низким уровнем дохода, направленной на профессиональное обучение, содействие в трудоустройстве, развитие семейного предпринимательства и личных подсобных хозяйств, что в совокупности призвано улучшить экономическое положение участников программы.

Целью исследования является углубленное изучение практики применения социального контракта как инструмента преодоления региональной бедности и мобилизации внутреннего потенциала малоимущих семей.

Материалы и методы. Официальные статистические данные, аналитические материалы, законодательные и нормативно-правовые акты Российской Федерации и Республики Башкортостан. Эмпирическую базу исследования составили результаты авторского социологического опроса, проведенного среди потенциальных получателей государственной помощи в городе Уфе Республики Башкортостан.

Результаты. Мотивы, побуждающие к открытию собственного дела, включают стремление к повышению уровня материального обеспечения, достижению независимости, реализации собственных творческих замыслов и обеспечению благосостояния семьи. Эти мотивы подчеркивают крайне важную значимость социально-экономической устойчивости как неотъемлемого условия успешного участия в программе.

Выводы. В числе основных препятствий, мешающих заключению социального контракта, респонденты отметили недостаточный уровень информированности, дефицит необходимых знаний и навыков, сложность административных процедур, а также нехватку первоначальной финансовой поддержки. В заключение были предложены перспективные меры по совершенствованию программы социального контракта, включающие увеличение объема финансовой помощи, повышение информированности населения о возможностях этой программы, предоставление образовательных ресурсов по основам предпринимательства, а также долгосрочное сопровождение участников программы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социальный контракт; практики социальной помощи; бедность; малообеспеченная семья; потенциал; активность; адресная поддержка; предпринимательство; трудоустройство.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-00576-26-00 на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов.

Конфликт интересов. Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

В системе мер государственной поддержки малоимущих граждан особое место занимает социальный контракт, ориентированный не на пассивное предоставление пособий, а на активизацию собственных усилий граждан по преодолению трудной жизненной ситуации [1, 6]. В каждом субъекте Российской Федерации данная технология реализуется с учетом региональных социально-экономических условий и нормативной базы.

В Республике Башкортостан право на заключение социального контракта имеют малоимущие нуждающиеся семьи и одиноко проживающие граждане, чей среднедушевой доход не превышает величину прожиточного минимума, установленного в регионе. Программа реализуется по четырем основным направлениям: открытие собственного бизнеса, развитие личного подсобного хозяйства, поиск работы, а также преодоление трудных жизненных ситуаций. Каждое из направлений предполагает не только финансовую поддержку, но и разработку индивидуальной программы социальной адаптации, выполнение которой является обязательным условием для получения помощи [7].

С 2023 года в республике расширили список категорий, имеющих право заключить социальный контракт для преодоления трудной жизненной ситуации. В этом контексте договор с государством теперь могут заключать следующие группы:

- члены семей участников специальной военной операции (СВО), имеющие детей до трех лет или детей-инвалидов;
- одинокие дети-сироты в возрасте до 30 лет;
- семьи (или граждане), потерявшие жилье из-за стихийных бедствий;
- семьи, где есть дети-инвалиды до 18 лет, инвалиды с детства I группы или пожилые, требующие постоянного ухода;
- неполные семьи с детьми до трех лет, если нет возможности устроить ребенка в детский сад.

С 2026 года демобилизованные участники специальной военной операции смогут воспользоваться возможностями социального контракта для осуществления предпринимательской деятельности без оценки уровня среднедушевого дохода. Новые правила обеспечат дополнительную поддержку участников СВО и их семей, помогут преодолеть временные трудности, реализовать трудовой потенциал и улучшить качество жизни. В процессе осуществления мероприятий, направленных на поддержку граждан в сложных жизненных ситуациях, включается система социального сопровождения [3, 14].

Цель исследования: изучение практики реализации социального контракта как механизма сокращения региональной бедности и активизации потенциала малоимущих семей.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологическую основу работы составил комплекс общенаучных методов, включая системный, сравнительный, функциональный, статистический и социологический анализ. Используются официальные статистические данные, законодательные и нормативно-правовые акты Российской Федерации и Республики Башкортостан. С целью изучения осведомленности о предпринимательской деятельности, мотивации к открытию собственного бизнеса, а также выявления препятствий, возникающих при заключении социального

контракта, проведено анкетирование потенциальных получателей государственной помощи в городе Уфе Республики Башкортостан. В опросе приняли участие 200 респондентов старше 18 лет. В качестве социологического метода исследования выбран анкетный опрос.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

С 2021 года российское правительство активизировало использование средств социального контракта для поддержки развития личных подсобных хозяйств (ЛПХ) в семьях с низким доходом. Выделенные средства предназначены для покупки домашнего скота, кормов или сельскохозяйственной техники, а также для развития индивидуального предпринимательства в сельской местности, включая агротуризм и гостевые дома [16, 18]. Республики Башкортостан, Чувашия, Мордовия и другие регионы России демонстрируют множество успешных примеров устойчивого развития ЛПХ [2]. В ряде регионов создаются готовые бизнес-модели, известные как «коробочные решения». Эти готовые решения получили широкое применение, особенно в сферах красоты и сельского хозяйства.

Государство предоставляет единовременную выплату в размере до 200 тыс. руб. на развитие личного подсобного хозяйства, а также до 30 тыс. руб. на обучение необходимым навыкам. Поддержка осуществляется на основании социального контракта, включает план мероприятий по организации и ведению личного подсобного хозяйства. Подготовительный этап развития ЛПХ предполагает ремонт и оснащение хозяйственных построек: теплиц, парников и иных сооружений, необходимых для ведения деятельности. В период действия социального контракта гражданин обязан приобрести все товары, требуемые для ведения ЛПХ. К таким товарам относится оборудование для ухода за животными и обработки земли, а также продукция, классифицируемая как сельскохозяйственная. Важным условием является наличие у заявителя земельного участка, предназначенного для ведения личного подсобного хозяйства, на праве собственности, аренды или ином законном основании. После завершения ремонтных и подготовительных работ начинается непосредственная деятельность по развитию ЛПХ. Указанный этап включает в себя комплекс мер по обеспечению жизнедеятельности животных, в том числе регулярный уход, заготовку кормовой базы, своевременное привлечение ветеринарных специалистов при возникновении необходимости и др. Следующий этап подразумевает производство и последующую реализацию сельскохозяйственной продукции, которая может быть представлена как в виде сырья, так и в виде готовых продуктов переработки. Для оценки результативности и успешности внедрения социального контракта проводится ежемесячный мониторинг социально-экономического положения получателей государственной помощи [12].

Анализ практических аспектов реализации социальных контрактов свидетельствует о том, что наиболее востребованным направлением является инициирование и развитие индивидуальной предпринимательской деятельности. Это направление демонстрирует стабильно высокие показатели эффективности, обеспечивая достижение целевых индикаторов во всех муниципальных образованиях республики. Эффективное функционирование предпринимательских инициатив либо развитие личных подсобных хозяйств участниками программ социального контракта не только повышает уровень экономической резильентности домохозяйств, но и обеспечивает устойчивый рост их финансового благосостояния. Наблюдаемое увеличение объемов бюджетного финансирования обозначенных программ отражает стратегический курс правительства Республики Башкортостан на расширение инструментов преодоления бедности

[15]. Данную динамику расходования средств правомерно интерпретировать как индикатор возрастающей востребованности мер социальной поддержки со стороны населения, а также как свидетельство уверенности государства в эффективности и социально-экономической значимости реализуемых мероприятий. Последующее масштабирование программных направлений при одновременном ужесточении мониторинга и повышении результативности проводимых действий позволит региону достичь более весомых успехов в социальной сфере [4, 5, 20].

Ключевая роль в оказании адресной поддержки малоимущим категориям граждан, предоставлении социальной помощи на основании социального контракта в рамках комплексных мероприятий по трудоустройству и организации самозанятости (открытию собственного дела) принадлежит центрам занятости населения.

В Республике Башкортостан эта инициатива направлена на адресную поддержку граждан и включает в себя содействие в трудоустройстве и повышении уровня доходов. Процесс реализации социального контракта, как правило, включает в себя несколько ключевых этапов, начиная с поиска и аренды помещения, приобретения необходимого оборудования и материалов и заканчивая поиском эффективных каналов сбыта продукции.

Социальный контракт успешно апробирован в Республике Башкортостан и демонстрирует высокую эффективность в ряде муниципальных образований. Программа активно стимулирует предпринимательскую активность, способствует трудоустройству и повышению квалификации, тем самым положительно влияя на благосостояние и социальную защищенность малоимущих граждан. Среди успешных практик реализации социального контракта выделяются города Уфа, Стерлитамак, а также Туймазинский и Нефтекамский районы. Региональный подход к поддержке граждан варьируется: в Уфе акцент делается на всестороннем сопровождении малоимущих при открытии малого бизнеса, что обеспечивает им уверенный старт. В Стерлитамаке приоритет отдается содействию занятости и профессиональному развитию участников. Туймазинский и Нефтекамский районы демонстрируют высокие результаты благодаря эффективной работе местных социальных служб, способствующих стимулированию предпринимательской инициативы и развитию личных подсобных хозяйств для улучшения финансового положения и укрепления экономической самостоятельности.

В Российской Федерации 57% участников социальных программ впервые занимаются предпринимательской деятельностью, в то время как 43% уже имеют опыт в управлении собственным бизнесом или самозанятости. Наибольшее количество людей, преодолевших бедность, связано с программой трудоустройства - около 40%. Среди регионов, показавших наибольшие достижения в этом аспекте, выделяются Смоленская, Костромская, Курская, Саратовская, Липецкая области, а также республики Татарстан и Марий Эл [13]. На второй позиции по востребованности находится осуществление индивидуальной предпринимательской деятельности (ИПД) [10]. Наиболее популярными сферами для открытия собственного бизнеса являются следующие направления: около 25% предпринимателей предпочитают индустрию красоты и здоровья, что обусловлено устойчивым спросом на эти услуги и продукцию. Вторая по популярности сфера – производство, включающее изготовление уличной и садовой мебели, ульев и прочих товаров, что связано с развитием малого и среднего бизнеса в условиях растущего интереса к локальному производству. Третья позиция принадлежит сельскому хозяйству, где предприниматели находят перспективные ниши для внедрения инноваций и улучшения аграрных

технологий [11].

В г. Уфе Республики Башкортостан было проведено авторское социологическое исследование потенциальных получателей государственной помощи. Исследование было направлено на изучение их осведомленности о предпринимательской деятельности, мотивации к открытию собственного бизнеса, а также выявления проблем, связанных с заключением социального контракта. Анализ демографических характеристик показал, что большинство респондентов (40%) находятся в возрасте 35–44 лет, что говорит о зрелой целевой аудитории, возможно, имеющий жизненный и профессиональный опыт и ищущий стабильный источник дохода. Интересно что в возрастной категории 25–34 года были представлены исключительно женщины (25%). Анализ возрастной структуры респондентов выявил низкую представленность старшей (старше 55 лет) и младшей (до 25 лет) возрастных групп. Такая диспропорция может свидетельствовать как об их относительно меньшей потребности в социальной поддержке или более стабильном финансовом положении, так и о пониженной социальной активности и недостатке жизненного опыта. Среди опрошенных преобладали женщины (85%), что прямо указывает на их повышенную уязвимость на рынке труда и, соответственно, на более высокую потребность в мерах государственной поддержки.

Анализ семейного положения показал, что большинство респондентов (65%) состоят в официальном браке. Этот фактор имеет существенное значение и потенциально может влиять на принимаемые финансовые решения и разрабатываемые стратегии выхода из бедности. 15% опрошенных состоят в незарегистрированном браке, а 20% не состоят в браке вовсе. Подавляющее большинство участников опроса (80%) имеют детей, что подчеркивает актуальность потребности в стабильном и регулярном доходе для обеспечения нужд семьи. Учитывая значительную долю респондентов, состоящих в браке, целесообразно включить в программы поддержки предпринимателей элементы семейного консультирования, ориентированные на совместное управление финансами. Такой подход может способствовать повышению как социальной, так и экономической стабильности домохозяйств.

С точки зрения уровня образования среди респондентов преобладают лица с высшим образованием (65%). Доля лиц со средним специальным образованием составляет 25%, а со средним общим образованием — 10%.

Значительная часть опрошенных респондентов (85%) заявили о своей зависимости от социальных пособий, льгот и выплат различного характера, что подчеркивает их финансовую нестабильность и объективную потребность в дополнительных источниках дохода. Результаты эмпирического исследования зафиксировали выраженную экономическую депривацию и низкую деловую активность среди граждан, обратившихся за государственной социальной поддержкой. Статистические данные распределения доходов респондентов таковы: лишь 5% опрошенных имеют постоянный заработок в виде оплаты труда, 10% получают пенсионное обеспечение. Самооценка материального положения участниками исследования распределилась следующим образом: 45% отнесли свой уровень жизни к категории «ниже среднего», 30% — к категории «низкий», и только 25% - к «среднему». Характерно, что в обследованной целевой группе полностью отсутствуют респонденты, идентифицирующие своё благосостояние как «высокое» либо «выше среднего». Следовательно, доминирующая часть опрошенных находилась в сложных финансовых условиях и сталкивалась с хроническим дефицитом доходов.

Полученные данные обосновывают необходимость разработки и внедрения системных мероприятий, нацеленных на стабилизацию источников дохода и

раскрытие внутренних ресурсов малообеспеченных семей. Приоритетное значение в этой связи приобретает поддержка предпринимательской инициативы и стимулирование перехода в категорию самозанятых, рассматриваемые как действенные механизмы обеспечения социально-экономической устойчивости домохозяйств.

Основными мотивами для открытия собственного бизнеса являются желание увеличить доход и обрести независимость, а также реализация личных инициатив и поддержка семьи (таблица 1).

Таблица 1. Мотивация респондентов к открытию бизнеса, в %

Table 1. Motivation of respondents to start a business, in %

Мотивация к открытию бизнеса, дела	Ответы респондентов
Хочу повысить свой доход	45
Хочу быть независимым (ой)	25
Хочу реализовать собственные идеи	20
Хочу помочь семье	10

Анализ основных потребностей респондентов выявил приоритет финансовой помощи, на который указала половина опрошенных (50%). За ней следуют потребности в консультациях и обучении (20%), а также в содействии в оформлении документов, маркетинге и рекламе (10%). Критическим моментом является низкая осведомленность о программе «Социальный контракт» для ведения бизнеса: 70% респондентов никогда о ней не слышали. Это снижает эффективность государственных инициатив, поскольку целевая аудитория не знает или слабо осведомлена о доступных инструментах поддержки. Понимание условий контракта также крайне низкое: 45% респондентов совершенно не знакомы с ними, еще 10% оценивают их как плохие. Только 5% заявили о высоком уровне осведомленности (при 40% со средним уровнем). Это указывает на острую нехватку информационной и разъяснительной работы.

Наблюдается недостаток наглядных примеров лучших практик реализации программы: 85% опрошенных не знают никого, кто успешно запустил бизнес с помощью социального контракта. Для повышения мотивации и демонстрации преимуществ программы крайне важно активнее использовать истории успеха и лучшие практики в медиапространстве. Основными источниками информации, хоть и ограниченными, являются социальные сети (25%) и сотрудники социальных служб (20%). Участники видят в программе в первую очередь возможность найти работу (30%) и заняться предпринимательской деятельностью (15%).

Среди главных препятствий и проблем на пути к участию в программе лидируют:

- недостаток информации о деталях и процедурах (40%);
- отсутствие необходимых навыков для ведения бизнеса (40%);
- сложность административных процедур (10%);
- недостаточный объем финансовой поддержки для старта (10%).

Участники программы «Социальный контракт» высказали предложения по ее улучшению, сосредоточившись на преодолении существующих проблем и трудностей. Основными пожеланиями стали: увеличение финансовой помощи (65%), что указывает на недостаток средств для начала и развития бизнеса; повышение информированности о программе (65%) через активные информационные кампании, включающие семинары, вебинары, буклеты и широкое использование социальных сетей для подробного разъяснения условий и преимуществ; расширение образовательных возможностей и ресурсов (40%) с акцентом на курсы по основам бизнеса, менеджменту, маркетингу и праву;

обеспечение долгосрочной поддержки и сопровождения (40%) для обеспечения устойчивости экономической деятельности. Также были отмечены потребности в юридической и бухгалтерской помощи (20%) и ресурсах для продвижения продукции и услуг (15%) (таблица 2).

Таблица 2. Меры по совершенствованию программы «Социальный контракт» (выбор нескольких вариантов ответов), в %

Table 2. Measures to improve the «Social Contract» program (selection of several possible answers), in %

Меры	Ответы респондентов
Увеличение финансовой помощи	65
Повышение информированности о программе	65
Расширение образовательных возможностей и ресурсов	40
Обеспечение долгосрочной поддержки и сопровождения	40
Потребности в юридической и бухгалтерской помощи	20
Поддержка в продвижения продукции и услуг	15

Предложенные меры подчеркивают необходимость комплексного подхода к поддержке участников данной социальной программы. Оказываемая помощь должна охватывать многоаспектные направления, включая финансовую, информационную, образовательную, юридическую и маркетинговую составляющие. Внедрение и практическая реализация этих рекомендаций призваны сформировать оптимальную среду и благоприятные условия для успешного старта и последующего устойчивого развития предпринимательской деятельности среди целевой аудитории программы [8, 9, 19].

20

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современных хозяйственных реалиях механизм, основанный на социальном контракте, обнаруживает высокую степень адаптивности и результативности при оказании адресной поддержки социально уязвимым группам населения, способствуя повышению уровня жизни и выходу из состояния бедности. Данный подход ориентирован на преодоление иждивенческих настроений среди граждан, получающих государственную помощь; он открывает перед ними возможности для самостоятельного улучшения своего материального положения за счёт реализации личного и профессионального ресурса. Благодаря выстроенному взаимодействию государственных органов с участниками программы и индивидуализированному подбору поддерживающих мероприятий обеспечивается целенаправленное воздействие на экономическое положение домохозяйств, что позволяет результативно справляться с жизненными трудностями и кризисными явлениями. Наиболее ценными в рамках данной программы представляются направления, связанные со стимулированием предпринимательской инициативы и содействием занятости – они выступают действенными инструментами роста благосостояния.

На основе выводов, полученных в ходе проведённого научного исследования, автором сформулирован ряд рекомендаций, нацеленных на повышение эффективности внедрения социального контракта на территории Российской Федерации:

1. Повышение информированности и усиление мотивации целевых групп. В ходе проведённого исследования установлен существенный дефицит знаний о порядке реализации социального контракта как среди потенциальных реципиентов помощи, так и среди лиц, уже вовлечённых в программу. Для устранения указанного пробела представляется целесообразным интенсифицировать разъяснительную и информационно-просветительскую деятельность среди населения, акцентируя внимание на социально уязвимых категориях. В частности, речь идёт об организации тематических семинаров, проведении

индивидуальных консультаций, а также о планомерном распространении печатных и электронных материалов, содержащих детальное описание принципов, условий и преимуществ адресной поддержки. Дополнительным мотивирующим фактором для потенциальных участников может служить презентация конкретных успешных кейсов реализации программы и реальных историй лиц, которым удалось преодолеть трудную жизненную ситуацию.

2. Развитие предпринимательских компетенций и внедрение системы долгосрочного сопровождения. С целью повышения результативности программных мероприятий необходимо более активно внедрять меры, направленные на формирование навыков ведения предпринимательской деятельности, включая специализированные тренинги по основам бизнеса, управленческим аспектам и финансовой грамотности. Обучение такого рода способствует росту профессиональной компетентности участников и подготавливает их к практической реализации собственных проектов. Не менее значимым условием выступает обеспечение долговременного сопровождения (наставничества) реципиентов на всём протяжении действия социального контракта. Систематическое кураторство позволяет минимизировать риски, связанные с возникновением непредвиденных обстоятельств, оперативно реагировать на форс-мажорные ситуации, корректировать избранную стратегию поведения и своевременно предоставлять необходимые меры поддержки.

3. Учёт региональных особенностей аграрных территорий. Отдельного рассмотрения заслуживают специфические потребности и проблемы сельского населения, детерминированные характерными чертами его социально-экономического положения, сезонностью труда и уровнем доходов [17]. Поддержка личных подсобных хозяйств в аграрных регионах будет содействовать росту объёмов сельскохозяйственного производства, снижению зависимости от импортной продукции и укреплению продовольственной безопасности как на региональном, так и на федеральном уровнях. Кроме того, расширение масштабов личных подсобных хозяйств оказывает позитивное влияние на качество питания и общее состояние здоровья сельских жителей.

4. Углубление партнёрского взаимодействия с работодателями. Повышение эффективности социального контракта в части содействия занятости населения невозможно без усиления партнёрских связей с работодателями. Данное направление предполагает выстраивание долгосрочного сотрудничества, расширение сети партнёров, организацию регулярных встреч и ярмарок вакансий, обеспечивающих прямой контакт соискателей с представителями бизнес-сообщества. Одновременно с этим крайне необходима разработка программ профессиональной подготовки и переподготовки кадров, нацеленных на улучшение качественных характеристик и расширение спектра предлагаемых вакансий, а также систематический мониторинг рынка труда с фокусом на высококвалифицированные позиции.

Систематическое отслеживание передовых практик в различных субъектах Российской Федерации, совершенствование методик и инструментария оценки потребностей граждан в адресной поддержке, а также организация процедур сопровождения участников программы будут способствовать росту результативности социального контракта. Проведение вторичной диагностики и оценки достигнутых результатов на предмет их соответствия актуальным потребностям нуждающихся граждан и, на основе полученных данных, своевременная коррекция последующих действий – всё это непосредственно влияет на успешность реализации программы социального контракта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аброскин, А.С. Перспективы повышения эффективности государственной социальной помощи населению на основании социального контракта / А.С. Аброскин, Н.А. Аброскина // Вестник университета. – 2023. – № 1(6). – С. 177-185. – DOI: 10.26425/1816-4277-2023-6-177-185.
2. Ахметов, В.Я. Перспективы устойчивого развития депрессивных сельских территорий на основе диверсификации их экономики (на примере Республики Башкортостан) / В.Я. Ахметов, Р.М. Садыков // Экономика сельского хозяйства России. – 2025. – № 3. – С. 114-122. – DOI: 10.32651/253-114. – EDN EDRSXE.
3. Вьюговская, Е.В. Социальный контракт как форма государственной поддержки в глазах населения (на примере Ульяновской области) / Е.В. Вьюговская, Н.Г. Ведьманова // Человек. – 2021. – Т. 32. – № 1. – С. 42-62. – DOI 10.31857/S023620070014183-8. – EDN NVGNKC.
4. Данина, Т.М. Роль социального контракта в развитии социальной поддержки населения в современных условиях / Т.М. Данина // Экономика образования. – 2025. – № 6(151). – С. 72-80. – EDN VWPGXL.
5. Даутова, Т.А. «Социальный контракт» как новый метод борьбы с бедностью в Республике Башкортостан / Т.А. Даутова, А.Ф. Галлямова // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 6(169). – С. 434-436. – DOI 10.46320/2073-4506-2022-6-169-434-436.
6. Келлер, П.А. Социальный контракт как форма государственной социальной помощи малообеспеченным категориям населения / П.А. Келлер // Теории и проблемы политических исследований. – 2018. – Т. 7, № 2А. – С. 122-129. – EDN UYMUWA.
7. Киреева, А.В. Эффективность социального контракта: социально-экономические аспекты / А.В. Киреева // Гуманитарный научный вестник. – 2022. – № 5. – С. 64-72. – DOI: 10.5281/zenodo.6560264. – EDN ESNKGG.
8. Кузнецова, М.В. Социальный контракт как инструмент социальной политики государства по снижению уровня бедности / М.В. Кузнецова, Е.Г. Зиновьева, Н.С. Шкурко // Научное обозрение: теория и практика. – 2024. – Т. 14, № 1(101). – С. 126-144. – DOI 10.26088/2226-0226-2024-14-1-126-144. – EDN RIOPZD.
9. Куршиева, Н.М. Эффективность государственной социальной помощи населению на основе социального контракта: опыт регионов / Н.М. Куршиева, М.М. Шабанова, Н.М. Гаджиева // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2024. – № 2(160). – С. 44-58. – DOI 10.26726/1812-7096-2024-2-44-58. – EDN QRZREK.
10. Липина, В.Ю. Эффект социального контракта в контексте экономического роста региона: структурный анализ / В.Ю. Липина // Научный аспект. – 2024. – Т. 4, № 7. – С. 451-458. – EDN TSWGVB.
11. Максимова, М.Н. Актуальные вопросы по заключению и реализации государственной социальной помощи на основании социального контракта малоимущими гражданами / М.Н. Максимова, И.И. Колпаков // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2025. – № 1. – С. 85-96. – DOI: 10.15593/2224-9354/2025.1.6.
12. Малыгин, А.А. Социальный контракт, как инструмент устойчивого развития личных подсобных хозяйств / А.А. Малыгин // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. – 2021. – № 3(67). – С. 31-36. – DOI 10.6060/snt.20216703.0004.
13. Низова, Л.М. Практика реализации пилотных проектов социальной защиты населения в Республике Марий Эл / Л.М. Низова, С.И. Грязина // Отечественный журнал социальной работы. – 2024. – № 1(96). – С. 88-94.
14. Прокофьева, Л.М. Обусловленные социальные трансферты как важное направление развития государственной социальной помощи в России / Л.М. Прокофьева, А.А. Миронова // Журнал исследований социальной политики. – 2022. – Т. 20. – № 1. – С. 149-156. – DOI 10.17323/727-0634-2022-20-1-149-156. – EDN PEBGLU.
15. Садыков, Р.М. Оценка уровня бедности в России и дополнительные меры по ее снижению в регионе / Р.М. Садыков // Финансы и кредит. – 2023. – Т. 29. – № 5. – С. 1192-1208. – DOI 10.24891/fc.29.5.1192
16. Садыков, Р.М. Роль личных подсобных хозяйств в формировании продовольственного рынка региона / Р.М. Садыков // АПК: экономика, управление. – 2015. – № 6. – С. 53-60. – EDN TUUKZF.
17. Садыков, Р.М. Социальные проблемы сельского населения в условиях кризиса в аграрном секторе и пути их решения / Р.М. Садыков // Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 2. – С. 118-126. – EDN SGQNBK.
18. Скальная, М.М. Государственный социальный контракт - организационно-экономический механизм снижения уровня бедности сельского населения / М.М. Скальная // Экономика сельского хозяйства России. – 2022. – № 7. – С. 109-115. – DOI: 10.32651/227-109. – EDN LDSRCB.

19. Соловьева, С.В. Государственная социальная помощь на основании социального контракта: особенности предоставления и меры по повышению эффективности / С.В. Соловьева // Society and Security Insights. – 2025. – Т. 8. – № 3. – С. 134-148. – DOI 10.14258/SSI(2025)3-07.

20. Шабанова, О.В. Организация социальной защиты малообеспеченных граждан посредством активизации личностных ресурсов (на примере социального контракта) / О.В. Шабанова // Симбирский научный вестник. – 2024. – № 1(49). – С. 55-61. – EDN HIFRIW.

Получена: 30.03.2026 г. Доработана после рецензирования: 04.05.2026 г. Принята к публикации: 06.06.2026 г.

THE PRACTICE OF IMPLEMENTING A SOCIAL CONTRACT AS A MECHANISM FOR REDUCING POVERTY IN THE REGION AND ACTIVATING THE POTENTIAL OF LOW-INCOME FAMILIES

© Ramil M. Sadykov, Natalya L. Bolshakova

Ramil M. Sadykov – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Socio-Economic Research of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

e-mail: SadikovRM@mail.ru

Address: 450054, 71 Oktyabrya Avenue, Ufa, Russian Federation

Natalya L. Bolshakova – Senior lecturer at the Department of Social Work, Ufa University of Science and Technology

e-mail: bolshakovanl@mail.ru

Address: 450076, 32 Validi St., Ufa, Russian Federation

ABSTRACT

Relevance. The scientific work is devoted to the analysis of the practice of implementing a social contract as a mechanism for reducing regional poverty, identifying its features and assessing its effectiveness. State assistance is provided to low-income families and citizens with low incomes, promotes vocational training and employment, the development of family entrepreneurship and personal subsidiary farming, which allows to improve the economic situation of the participants.

The purpose of the study: to study the practice of implementing a social contract as a mechanism for reducing regional poverty and activating the potential of low-income families.

Materials and methods. Official statistical data, legislative and regulatory acts of the Russian Federation and the Republic of Bashkortostan were used. The empirical base was formed by the results of the author's sociological survey of potential recipients of state assistance in Ufa, the Republic of Bashkortostan.

Results. The article discusses the best municipal practices of implementing a social contract. According to the results of the sociological survey, it was found that 60% of the respondents have been in a difficult financial situation for less than six months, while 40% have been experiencing financial difficulties for a longer period, which indicates the chronic nature of the problems faced by a significant portion of the low-income population. The data obtained indicate the need to implement programs aimed at increasing the financial stability of the region's residents and creating additional sources of income. The social contract is aimed at activating the citizens' own potential, stimulating their economic activity, increasing their social status and developing entrepreneurship. The main motives for starting your own business have been identified: increasing income, striving for independence, implementing your own ideas and helping your family, which underlines the importance of socio-economic sustainability for the program participants.

Conclusions. Among the key obstacles to concluding a social contract, respondents noted a lack of information, lack of necessary knowledge and skills, complexity of procedures, and lack of financial support. The paper proposes measures to improve the program: increasing the amount of financial assistance, raising public awareness about the possibilities of a social contract, providing educational resources on business management, and ensuring long-term support for participants.

KEYWORDS: social contract; social assistance practices; poverty; low-income family; potential; activity; targeted support; entrepreneurship; employment.

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of the state assignment of UFIC RAS No. 075-00576-26-00 for 2026 and for the planned period of 2027 and 2028.

Conflict of interests. The authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

REFERENCES

1. Abroskin A.S., Abroskina N.A. Perspektivy povysheniya effektivnosti gosudarstvennoy sotsial'noy pomoshchi naseleniyu na osnovanii sotsial'nogo kontrakta // Vestnik universiteta. 2023. № 1(6). S. 177-185. DOI 10.26425/1816-4277-2023-6-177-185.
2. Akhmetov V.YA., Sadykov R.M. Perspektivy ustoychivogo razvitiya depressivnykh sel'ski-

kh territoriy na osnove diversifikatsii ikh ekonomiki (na primere Respubliki Bashkortostan) // *Ekonomika sel'skogo khozyaystva Rossii*. 2025. № 3. S. 114-122. DOI 10.32651/253-114.

3. V'yugovskaya E.V., Ved'manova N.G. Sotsial'nyy kontrakt kak forma gosudarstvennoy podderzhki v glazakh naseleniya (na primere Ul'yanovskoy oblasti) // *Chelovek*. 2021. T. 32. № 1. S. 42-62. DOI 10.31857/S023620070014183-8.

4. Danina T.M. Rol' sotsial'nogo kontrakta v razvitii sotsial'noy podderzhki naseleniya v sovremennykh usloviyakh // *Ekonomika obrazovaniya*. 2025. № 6(151). S. 72-80.

5. Dautova T.A., Gallyamova A.F. «Sotsial'nyy kontrakt» kak novyy metod bor'by s bednost'yu v Respublike Bashkortostan // *Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal*. 2022. № 6(169). S. 434-436. DOI 10.46320/2073-4506-2022-6-169-434-436.

6. Keller P.A. Sotsial'nyy kontrakt kak forma gosudarstvennoy sotsial'noy pomoshchi maloobespechennym kategoriyam naseleniya // *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*. 2018. T. 7. № 2A. S. 122-129.

7. Kireyeva A.V. Effektivnost' sotsial'nogo kontrakta: sotsial'no-ekonomicheskiye aspekty // *Gumanitarnyy nauchnyy vestnik*. 2022. № 5. S. 64-72. DOI 10.5281/zenodo.6560264.

8. Kuznetsova M.V., Zinov'yeva E.G., Shkurko N.S. Sotsial'nyy kontrakt kak instrument sotsial'noy politiki gosudarstva po snizheniyu urovnya bednosti // *Nauchnoye obozreniye: teoriya i praktika*. 2024. T. 14. № 1(101). S. 126-144. DOI 10.26088/2226-0226-2024-14-1-126-144.

9. Kurshiyeva N.M., Shabanova M.M., Gadzhiev N.M. Effektivnost' gosudarstvennoy sotsial'noy pomoshchi naseleniyu na osnove sotsial'nogo kontrakta: opyt regionov // *Regional'nyye problemy preobrazovaniya ekonomiki*. 2024. № 2(160). S. 44-58. DOI 10.26726/1812-7096-2024-2-44-58.

10. Lipina V.YU. Effekt sotsial'nogo kontrakta v kontekste ekonomicheskogo rosta regiona: strukturnyy analiz // *Nauchnyy aspekt*. 2024. T. 4. № 7. S. 451-458.

11. Maksimova M.N., Kolpakov I.I. Aktual'nyye voprosy po zaklyucheniyu i realizatsii gosudarstvennoy sotsial'noy pomoshchi na osnovanii sotsial'nogo kontrakta maloimushchimi grazhdanami // *Vestnik PNIPU. Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki*. 2025. № 1. S. 85-96. DOI 10.15593/2224-9354/2025.1.6.

12. Malygin A.A. Sotsial'nyy kontrakt, kak instrument ustoychivogo razvitiya lichnykh podsobnykh khozyaystv // *Sovremennyye naukoemykiye tekhnologii. Regional'noye prilozheniye*. 2021. № 3(67). S. 31-36. DOI 10.6060/snt.20216703.0004.

13. Nizova L.M., Gryazina S.I. Praktika realizatsii pilotnykh proyektov sotsial'noy zashchity naseleniya v Respublike Mariy El // *Otechestvennyy zhurnal sotsial'noy raboty*. 2024. № 1(96). S. 88-94.

14. Prokof'yeva L.M., Mironova A.A. Obuslovlennyye sotsial'nyye transferty kak vazhnoye napravleniye razvitiya gosudarstvennoy sotsial'noy pomoshchi v Rossii // *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*. 2022. T. 20. № 1. S. 149-156. DOI 10.17323/727-0634-2022-20-1-149-156.

15. Sadykov R.M. Otsenka urovnya bednosti v Rossii i dopolnitel'nyye mery po yeye snizheniyu v regione // *Finansy i kredit*. 2023. T. 29. № 5. S. 1192-1208. DOI 10.24891/fc.29.5.1192.

16. Sadykov R.M. Rol' lichnykh podsobnykh khozyaystv v formirovaniy prodovol'stvennogo rynka regiona // *APK: ekonomika, upravleniye*. 2015. № 6. S. 53-60.

17. Sadykov R.M. Sotsial'nyye problemy sel'skogo naseleniya v usloviyakh krizisa v agrarnom sektore i puti ikh resheniya // *Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki*. 2014. № 2. S. 118-126.

18. Skal'naya M.M. Gosudarstvennyy sotsial'nyy kontrakt - organizatsionno-ekonomicheskiy mekhanizm snizheniya urovnya bednosti sel'skogo naseleniya // *Ekonomika sel'skogo khozyaystva Rossii*. 2022. № 7. S. 109-115. DOI 10.32651/227-109.

19. Solov'yeva S.V. Gosudarstvennaya sotsial'naya pomoshch' na osnovanii sotsial'nogo kontrakta: osobennosti predostavleniya i mery po povysheniyu effektivnosti // *Society and Security Insights*. 2025. T. 8. № 3. S. 134-148. DOI 10.14258/SSI(2025)3-07.

20. Shabanova O.V. Organizatsiya sotsial'noy zashchity maloobespechennykh grazhdan posredstvom aktivizatsii lichnostnykh resursov (na primere sotsial'nogo kontrakta) // *Simbirskiy nauchnyy vestnik*. 2024. № 1(49). S. 55-61.

DOI: 10.21626/j-chr/2026-2(47)/3
УДК: 004.056:35

Социология

26

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕХАНИЗМОВ ДОКУМЕНТАЦИОННОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ЭТИЧЕСКИХ НОРМ В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ СЛУЖБЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ВНЕДРЕНИЯ ИИ-ТЕХНОЛОГИЙ

© Ю.П. Снедкова, Н.М. Мамонтова

Снедкова Ю.П. – заведующий кафедрой государственного, муниципального управления и права, кандидат экономических наук, ГОАУ ВО Курской области «Курская академия государственной и муниципальной службы»

E-mail: shapowalowaj@yandex.ru

Мамонтова Н.М. – магистрант, ГОАУ ВО Курской области «Курская академия государственной и муниципальной службы»

e-mail: natasha.mamontova.85@mail.ru

Адрес: 305044, Курск, ул. Станционная, 9. Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность. Актуальность исследования обусловлена поиском инновационных механизмов, способных трансформировать абстрактные моральные императивы в автоматизированные, юридически обязывающие алгоритмы служебного поведения.

Цель исследования. Исследовать актуальные проблемы и направления модернизации институционально-документационного обеспечения служебной этики в органах государственной власти и местного самоуправления.

Материалы и методы. Методологическую основу статьи составили системно-структурный, сравнительно-правовой и контент-аналитический методы.

Результаты. Традиционные (статичные) форматы Кодексов этики к 2026 году во многом утратили свою превентивную функцию ввиду стремительного изменения цифровой среды публичного управления. Научно обоснована необходимость перехода от декларативных методов к механизмам динамического алгоритмизированного контроля («смарт-комплаенса»).

Выводы. Предложены концепции нормативного закрепления института субсидиарной этической ответственности служащих за использование систем искусственного интеллекта и внедрения автоматизированного скоринга «этического портрета» должностного лица.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государственная служба; муниципальная служба; служебная этика; цифровой комплаенс; конфликт интересов; искусственный интеллект; алгоритмизация.

Конфликт интересов. Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Трансформация института государственной службы в Российской Федерации на современном этапе характеризуется не только совершенствованием нормативно-правовой базы, но и качественным изменением содержания нравственных регуляторов профессиональной деятельности. В 2025-2026 годах проблематика служебной этики переходит из плоскости абстрактных моральных императивов в сугубо практическую плоскость управления репутационными рисками, кадровой безопасности и цифровой компетентности. Цифровизация государственных услуг уже не может рассматриваться исключительно как технический процесс внедрения ГИС и МЭДО. Цифровые компетенции государственного служащего на современном этапе трактуются через призму социального конструктивизма. Цифровая этика (нетикет) становится продуктом взаимодействия трех релевантных групп:

- государство (требование безопасности и формализации ответа);
- IT-вендоры (навязывание архитектуры платформ обратной связи, диктующей стиль общения);
- гражданское общество (ожидание мгновенной, эмпатичной реакции в социальных сетях и мессенджерах).

Процесс масштабной цифровой трансформации системы государственного и муниципального управления к 2026 году привел к качественному изменению характера профессиональной служебной деятельности. Интеграция больших языковых моделей (LLM), генеративного искусственного интеллекта и интеллектуальных агентов в практику ведомств сформировала принципиально новые контуры управленческих отношений [1, с. 45]. Вместе с тем, нормативно-правовое и документационное обеспечение служебной этики обнаруживает признаки глубокого системного запаздывания («временного лага»). Действующие правовые институты, опирающиеся на Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [13] и Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» [14], разрабатывались в эпоху доминирования бумажного документооборота и линейных административных процедур. Традиционный механизм фиксации этических стандартов – подписание должностным лицом статичного текста Типового кодекса этики при поступлении на службу – в современных реалиях демонстрирует низкую эффективность и приобретает сугубо номинальный характер [8, с. 112]. Существующие регуляторные механизмы не учитывают специфику девиантного поведения в цифровой среде, риски алгоритмической дискриминации граждан при автоматизированном принятии решений, а также этические дилеммы, возникающие при делегировании интеллектуальных рутинных задач нейросетям. Необходим поиск инновационных механизмов, способных трансформировать абстрактные моральные императивы в автоматизированные, юридически обязывающие алгоритмы служебного поведения.

Вопросы служебной этики и противодействия коррупции традиционно находятся в фокусе внимания отечественных правоведов и социологов. В фундаментальных трудах Т. Я. Хабриевой [18] и Ю. А. Тихомирова [17] детально разработаны классические доктрины административно-правовых ограничений, запретов и принципов поведения чиновников. В научной периодике сформировалось самостоятельное направление, посвященное цифровому комплаенсу и «этике алгоритмов». Так, А. В. Минбалева указывает на автономизацию цифровых систем и появление специфических рисков правонару-

шений, связанных с использованием искусственного интеллекта [9, с. 18]. И. В. Понкин обосновывает концепцию технологизации публичного управления, где технологии выступают не просто инструментом, а самостоятельным фактором трансформации служебных отношений [15, с. 94]. В то же время, анализ исследований 2026 года показывает, что в литературе обнаружился теоретический пробел. Большинство исследователей по-прежнему предлагают решать новые цифровые проблемы старыми методами – путем расширения текста существующих кодексов. Практически отсутствуют работы, предлагающие прикладные инструменты юридико-технической интеграции этики непосредственно в программный код государственных информационных систем (ГИС).

Анализ трансформации механизмов документационного закрепления этических норм на государственной и муниципальной службе целесообразно начать с констатации фундаментального изменения природы самого документа. Если традиционный этический кодекс представлял собой статичный текст декларативного характера, рассчитанный на интерпретацию человеком, то цифровая среда превращает его в машиночитаемый алгоритм. С.А. Денисов подчеркивает, что в настоящее время наблюдается переход от документа-текста к документу-протоколу, в связи с чем в программный код информационных систем вшивается этическая норма [2, с. 53]. Такое смещение акцента нуждается в пересмотре формы и субъекта контроля. И если до сегодняшнего времени соблюдение этических норм оценивалось руководителем или комиссией по этике, например, то сейчас наблюдается перенос этого функционала на автоматизированную систему, что порождает феномен «алгоритмического комплаенса». Цифровой документооборот находит цифровой след, осуществляет постоянный мониторинг, который качественно отличается от периодических проверок деклараций о доходах, например. Ю.Ю. Бугаев, В.Б. Наумов отмечают, что удаленная идентификация, биометрия обладает уже качественно новым видом – «результатами автоматической фиксации поведенческих аномалий» [11, с. 29]. Тем не менее возникает проблема, которая нуждается в быстром нормативном реагировании. Это происходит в случае реализации этического принципа презумпции добросовестного поведения или поступка служащего, которое вступает в противоречие с логикой предиктивной аналитики, выявляющей коррупционный риск еще до совершения поступка.

Также следует обратить внимание на трансформацию института предотвращения конфликта интересов. В этой связи Е.С. Шугрина обосновывает, что документирование процедур урегулирования конфликта интересов теперь включает в себя не только личное заявление служащего, но и «протоколы сопоставления информации из различных реестров без непосредственного участия человека» [19, с.64]. С одной стороны это минимизирует коррупционные риски, а с другой необходима строгая документальная фиксация алгоритма для того, чтобы исключить цифровой «донос».

Особого внимания заслуживает трансформация института предотвращения конфликта интересов. Цифровая трансформация переводит данный механизм из плоскости реагирования на уведомления в сферу автоматизированной аналитики больших данных. Е.С. Шугрина обосновывает, что документирование процедур урегулирования конфликта интересов теперь включает в себя не только личное заявление служащего, но и протоколы сопоставления данных из разрозненных реестров (налоговых, имущественных, родственных связей), осуществляемого без участия человека [19, с. 64]. Такой подход, с одной стороны, минимизирует коррупционные риски, но с другой – требует строгой документальной фиксации алгоритмов выявления подобных связей, чтобы исключить использование «цифрового доноса» в аппаратной борьбе.

Логика предупреждения коррупционных правонарушений в цифровой среде существенно меняет внутреннюю структуру этической документации. Т.Я. Хабриева и А.М. Цирин указывают на формирование нового слоя служебной документации – «цифрового профиля этичности», который аккумулирует не только сведения о наказаниях, но и данные о пройденных электронных курсах антикоррупционной направленности и оценках поведенческих моделей [18, с. 187]. В таком контексте документационное закрепление этических норм проходит эволюционное развитие от фиксации должествования к фиксации репутационного рейтинга. Это ставит перед законодателем вопрос о легитимности интеграции подобных рейтингов в кадровое делопроизводство, особенно в контексте защиты персональных данных. Сравнительный анализ показывает, что российская система документационного обеспечения этики развивается в русле общемировых трендов, но имеет специфику в акценте на технологический суверенитет. А.А. Каширкина и А.Н. Морозов отмечают, что внедрение отечественных ИИ-решений в государственное управление требует имплементации в национальные кодексы этики таких категорий, как «цифровое доверие» и «суверенный искусственный интеллект», что отсутствует в текущих редакциях федеральных законов [6, с. 38]. Документационное закрепление этих принципов означает, что этическая инфраструктура должна включать требования к используемому программному обеспечению как к части механизма принятия юридически значимых решений.

Переходя к муниципальному уровню, следует отметить, что цифровизация сводит к минимуму разрыв в качестве регулирования между государственной и муниципальной службой, но создает новые уязвимости. В.В. Киреев и Е.В. Титова указывают, что автоматизированные системы поддержки принятия решений на муниципальном уровне часто используют алгоритмы, унаследованные от государственных структур, без учета специфики местного самоуправления [7, с. 74]. Документационное закрепление этических норм здесь требует двойной адаптации: не только к цифровому формату, но и к принципу субсидиарности. Нельзя допустить, чтобы этический контроль полностью ушел в «облачные» алгоритмы, оторванные от местного сообщества. В контексте распоряжения государственными данными обостряется проблема этики служебного взаимодействия с информацией. С.В. Кабышев обращает внимание на то, что традиционное определение служебной тайны размывается, так как в процессе автоматизированного межведомственного обмена данными (принцип «одного окна») исчезает четкий субъект, дающий разрешение на передачу конфиденциальных сведений [4, с. 73]. Следовательно, механизмы документационного закрепления должны включать в себя матрицы доступа и протоколы согласия нового типа, где этические ограничения на использование служебной информации превращаются в технические команды управления цифровыми правами.

В ходе исследования был проведен анализ правоприменения ст. 18 ФЗ № 79-ФЗ («Требования к служебному поведению») [13] и ст. 13 ФЗ № 25-ФЗ («Общие обязанности муниципального служащего») [14]. Анализ показал существование проблемных точек в нормативной структуре. Одна из них, заключается в абстрактности формулировок. Понятия «проявлять корректность» и «уважение» не имеют четких дескрипторов в цифровой текстовой коммуникации (чатах, ведомственных базах данных). Еще одной проблемой является отсутствие понятия «цифрового профиля» служащего. Закон регулирует действия физического лица, но игнорирует ситуации, когда от имени ведомства автоматизированные ответы генерирует обученный ИИ-ассистент. Не менее важной проблемой считаем постфактум-реагирование. Действующие Комиссии по соблюдению требований к служебному поведению собираются лишь после того, как факт

нарушения уже допущен [3, с. 61], в то время как цифровые среды требуют упреждающего контроля.

Интеграция ИИ-технологий неизбежно приводит к пересмотру дисциплинарных и поощрительных производств. Согласно И.М. Япрынцева, модель привлечения к дисциплинарной ответственности в условиях цифрового государства приобретает черты автоматической событийности, где основанием для взыскания становится не докладная записка коллеги, а триггер информационной системы [20, с. 118]. Это требует включения в этические кодексы не только обязанностей служащего, но и гарантий «права на человеческое объяснение» при автоматизированном принятии кадрового решения. Не менее важным является психолого-управленческий аспект. Традиционная документация выполняла ритуальную и воспитательную функцию, формируя корпоративную идентичность. Как отмечает А.В. Оболонский, экранные формы и цифровые подписи десакрализируют процесс принятия этических обязательств, низводя его до клика «я согласен» [12, с. 12]. Трансформация механизмов закрепления должна искать баланс между технологичностью и символизмом. Решение проблемы видится в использовании гибридных форм, где машинная проверка дополняется ценностным диалогом, а цифровой кодекс этики обретает интерактивные формы, реагирующие на изменение поведенческих паттернов служащего в режиме реального времени.

Для преодоления выявленных деструктивных факторов предлагаются следующие механизмы документационного закрепления этических норм публичной службы:

1. Внедрение концепции «Контекстуального смарт-комплаенса» в ГИС. Концептуально изменяется сам носитель этической нормы. Норма должна быть закреплена в архитектуре программного обеспечения (ГИС, СЭД), через которое служащий реализует свои полномочия. На уровне ведомственных актов утверждается «Регламент алгоритмического комплаенс-контроля». В СЭД интегрируется лингвистический модуль, который в режиме реального времени анализирует проекты ответов гражданам. При обнаружении признаков пассивной агрессии или дискриминационных маркеров система блокирует отправку документа. Таким образом, этическая норма документально фиксируется в виде программного кода и алгоритмического запрета.

2. Институт субсидиарной этической ответственности за ИИ-ассистентов. В связи с массовым внедрением генеративных моделей ИИ для обработки первичных обращений граждан возник феномен «распыления ответственности» [5, с. 204]. Служащие склонны перекалывать вину за некорректные или ошибочные решения на алгоритмы. Чтобы избежать этой ситуации можно дополнить ст. 18 ФЗ № 79-ФЗ и ст. 13 ФЗ № 25-ФЗ императивной нормой следующего содержания: «Государственный (муниципальный) служащий несет персональную дисциплинарную ответственность за любые этические, смысловые и фактические нарушения в документах, направляемых в адрес граждан и организаций, независимо от степени автоматизации их подготовки и использования систем искусственного интеллекта. Делегирование ИИ-системам права окончательного утверждения юридически значимых решений не допускается». Такая норма должна быть внесена в Должностные регламенты всех категорий служащих.

3. Автоматизированный скоринг «Этического портрета» служащего. Вместо субъективной оценки сотрудника со стороны руководителя предлагается перевести фиксацию этичности на рельсы объективного «цифрового следа». Осуществляется это путем разработки и утверждения Положения об «Интегральном этическом индексе служащего». Индекс рассчитывается автоматически на

основе верифицируемых данных ГИС: доля ответов с нарушением стандартов вежливости, результаты прохождения ежемесячных интерактивных тестов на знание антикоррупционного законодательства, фиксация системой фактов несвоевременного раскрытия сведений о конфликте интересов. Данный индекс должен быть нормативно признан юридически значимым документом (в форме автоматически генерируемой выписки из личного дела) и учитываться при проведении аттестации и присвоении классных чинов.

Внедрение предложенных механизмов потребует модернизации ведомственных ГИС. Некоторые могут посчитать, что автоматизация контроля ущемляет автономию служащего, но в условиях цифрового госуправления «контролируемая цифровая автономия» является практически единственным способом минимизировать человеческий фактор и исключить коррупциогенные риски [10, с. 88].

Трансформация механизмов документационного закрепления этических норм должна двигаться по пути полной технологизации и алгоритмизации. Переход от декларативных статичных кодексов к динамическому «смарт-комплаенсу», лапидарное закрепление ответственности за использование ИИ и внедрение объективного цифрового скоринга позволят превратить служебную этику из формального набора лозунгов в эффективный инструмент повышения качества публичного управления. Предложенные формулировки и регламенты могут быть непосредственно использованы федеральными и региональными органами исполнительной власти при модернизации локальной нормативной базы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев А. А. Искусственный интеллект в праве и государственном управлении: вызовы и перспективы / А.А. Васильев, Д. Шоппер, Д.Э. Ковров // Государство и право. – 2025. – № 4. – С. 41–52.
2. Денисов С. А. Искусственный интеллект в системе публичного управления: от цифрового регламента к алгоритмическому комплаенсу / С.А. Денисов // Государственная власть и местное самоуправление. – 2026. – № 1. – С. 51–57.
3. Знаменский Д. Ю. Служебный комплаенс как инструмент минимизации девиаций в органах власти / Д.Ю. Знаменский // Социология управления. – 2025. – № 1. – С. 58–66.
4. Кабышев С. В. Этическая дилемма распоряжения государственными данными в автоматизированных системах межведомственного взаимодействия / С.В. Кабышев // Lex russica (Русский закон). – 2025. – № 9. – С. 68–77.
5. Капустин А. С. Алгоритмическая дискриминация и этика ИИ в государственном секторе / А.С. Капустин // Информационное общество. – 2025. – № 6. – С. 200–209.
6. Каширкина А. А. Этико-правовые стандарты внедрения суверенного искусственного интеллекта в государственное управление / А.А. Каширкина, А.Н. Морозов // Вестник Российской правовой академии. – 2025. – № 4. – С. 35–41.
7. Киреев В. В. «Умный муниципалитет»: риски дегуманизации этического контроля и пути их минимизации / В.В. Киреев, Е.В. Титова // Конституционное и муниципальное право. – 2026. – № 4. – С. 70–76.
8. Куракин А. В. Административно-правовые средства предупреждения коррупции в системе государственной службы / А.В. Куракин, Ю.Н. Кононов // Журнал российского права. – 2024. – № 8. – С. 109–119.
9. Минбалеев А. В. Проблемы правового регулирования использования искусственного интеллекта в условиях цифровизации / А.В. Минбалеев // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2025. – № 3. – С. 15–24.
10. Нисневич Ю. А. Публичная власть в цифровую эпоху: прозрачность и подотчетность / Ю.А. Нисневич. – М. : Юрайт, 2024. – 210 с.
11. Наумов В. Б. Информационная этика и процедуры удаленной идентификации в государственном управлении / В.Б. Наумов, Ю.Ю. Бугаев // Информационное право. – 2025. – № 4. – С. 27–32.
12. Оболонский А. В. Мораль и право в цифровой реальности: что меняется в служебной этике? / А.В. Оболонский // Вопросы управления. – 2025. – № 6. – С. 9–17.

13. О государственной гражданской службе Российской Федерации : Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 01.01.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 31. – Ст. 3215.

14. О муниципальной службе в Российской Федерации : Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ (ред. от 01.01.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 10. – Ст. 1152.

15. Понкин И. В. Теория государственного управления: Технологизация и цифровизация публичной власти. /И.В. Понкин. – М.: Буки Веди, 2024. – 184 с.

16. Соколова О. С. Правовое обеспечение антикоррупционной экспертизы в условиях внедрения нейросетевых алгоритмов /О. С. Соколова, А.А. Ефремова // Журнал российского права. – 2026. – № 2. – С. 72–85.

17. Тихомиров Ю. А. Государственное управление: модели и механизмы // Вопросы государственного и муниципального управления. / Ю.А. Тихомирова. – 2024. – № 2. – С. 7–22.

18. Хабриева Т. Я. Цифровые профили государственных служащих: правовые рамки и этические дилеммы / Т.Я. Хабриева, А.М. Цирин// Административное право и процесс. – 2026. – № 5. – С. 185–192.

19. Шугрина Е. С. Трансформация института конфликта интересов в эпоху цифровизации муниципального управления /Е.С. Шугрина // Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2025. – № 3. – С. 62–68.

20. Япрынцева И. М. Дисциплинарная ответственность в условиях цифрового государства: новые вызовы и правовые решения / И.М. Япрынцева // Административная ответственность. – 2026. – № 1. – С. 115–122.

Получена: 04.04.2026 г.

Принята к публикации: 06.06.2026 г.

TRANSFORMATION OF MECHANISMS FOR DOCUMENTING ETHICAL STANDARDS IN THE PUBLIC SERVICE SYSTEM IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION AND THE INTRODUCTION OF AI TECHNOLOGIES

© Yulia P. Snedkova, N.M. Mamontova

Yulia P. Snedkova – Head of the Department of State, Municipal Administration and Law, Candidate of Economic Sciences, Kursk Region State Educational Institution of Higher Education "Kursk Academy of State and Municipal Service"

E-mail: shapowalowaj@yandex.ru

N.M. Mamontova – Master's Student, Kursk Region State Educational Institution of Higher Education "Kursk Academy of State and Municipal Service"

E-mail: natasha.mamontova.85@mail.ru

Address: 305044, 9 Stantsionnaya str., Kursk, Russian Federation

ABSTRACT

Relevance. The relevance of the research is determined by the search for innovative mechanisms capable of transforming abstract moral imperatives into automated, legally binding algorithms of official behavior.

The purpose of the study. To investigate current problems and directions of modernization of institutional and documentary support of professional ethics in public authorities and local governments.

Materials and methods. The methodological basis of the article consists of system-structural, comparative-legal and content-analytical methods.

Results. By 2026, the traditional (static) formats of Codes of Ethics had largely lost their preventive function due to the rapid change in the digital environment of public administration. The need for a transition from declarative methods to dynamic algorithmic control mechanisms ("smart compliance") has been scientifically substantiated.

Conclusions. The concepts of normative consolidation of the institute of subsidiary ethical responsibility of employees for the use of artificial intelligence systems and the introduction of automated scoring of the "ethical portrait" of an official are proposed.

KEYWORDS: public service; municipal service; professional ethics; digital compliance; conflict of interests; artificial intelligence; algorithmization.

Conflict of interests. The authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

REFERENCES

1. Vasil'ev A. A. Iskusstvennyj intellekt v prave i gosudarstvennom upravlenii: vyzovy i perspektivy / A.A. Vasil'ev, D. SHopper, D.E. Kovrov // Gosudarstvo i pravo. – 2025. – № 4. – S. 41–52.
2. Denisov S. A. Iskusstvennyj intellekt v sisteme publichnogo upravleniya: ot cifrovogo reglamenta k algoritmicheskomu komplausu / S.A. Denisov // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. – 2026. – № 1. – S. 51–57.
3. Znamenskij D. YU. Sluzhebnyj komplaus kak instrument minimizacii deviacij v organah vlasti / D.YU. Znamenskij // Sociologiya upravleniya. – 2025. – № 1. – S. 58–66.
4. Kabyshev S. V. Eticheskaya dilemma rasporyazheniya gosudarstvennymi dannymi v avtomatizirovannyh sistemah mezhdedomstvennogo vzaimodejstviya / S.V. Kabyshev // Lex russica (Russkij zakon). – 2025. – № 9. – S. 68–77.
5. Kapustin A. S. Algoritmicheskaya diskriminaciya i etika II v gosudarstvennom sektore / A.S. Kapustin // Informacionnoe obshchestvo. – 2025. – № 6. – S. 200–209.
6. Kashirkina A. A. Etiko-pravovye standarty vnedreniya suverenno go iskusstvenno go intelekta v gosudarstvennoe upravlenie / A.A. Kashirkina, A.N. Morozov // Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii. – 2025. – № 4. – S. 35–41.
7. Kireev V. V. «Umnyj municipalitet»: riski degumanizacii eticheskogo kontrolya i puti ih minimi-

- zicii / V.V. Kireev, E.V. Titova // *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*. – 2026. – № 4. – S. 70–76.
8. Kurakin A. V. Administrativno-pravovye sredstva preduprezhdeniya korrupcii v sisteme gosudarstvennoj sluzhby / A.V. Kurakin, YU.N. Kononov // *ZHurnal rossijskogo prava*. – 2024. – № 8. – S. 109–119.
9. Minbaleev A. V. Problemy pravovogo regulirovaniya ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta v usloviyah cifrovizacii / A.V. Minbaleev // *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA)*. – 2025. – № 3. – S. 15–24.
10. Nisnevich YU. A. Publichnaya vlast' v cifrovuyu epohu: prozrachnost' i podotchetnost' /YU.A. Nisnevich. – M. : YUrajt, 2024. – 210 s.
11. Naumov V. B. Informacionnaya etika i procedury udalenoj identifikacii v gosudarstvennom upravlenii / V.B. Naumov, YU.YU. Bugaev // *Informacionnoe pravo*. – 2025. – № 4. – S. 27–32.
12. Obolonskij A. V. Moral' i pravo v cifrovoj real'nosti: chto menyaetsya v sluzhebnoj etike? / A.V. Obolonskij // *Voprosy upravleniya*. – 2025. – № 6. – S. 9–17.
13. O gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe Rossijskoj Federacii : Federal'nyj zakon ot 27.07.2004 № 79-FZ (red. ot 01.01.2026) // *Sobranie zakonodatel'stva RF*. – 2004. – № 31. – St. 3215.
14. O municipal'noj sluzhbe v Rossijskoj Federacii : Federal'nyj zakon ot 02.03.2007 № 25-FZ (red. ot 01.01.2026) // *Sobranie zakonodatel'stva RF*. – 2007. – № 10. – St. 1152.
15. Ponkin I. V. Teoriya gosudarstvennogo upravleniya: Tekhnologizaciya i cifrovizaciya publichnoj vlasti. /I.V. Ponkin. – M.: Buki Vedi, 2024. – 184 s.
16. Sokolova O. S. Pravovoe obespechenie antikorrupcionnoj ekspertizy v usloviyah vnedreniya nejrosetevyh algoritmov /O. S. Sokolova, A.A. Efremova // *ZHurnal rossijskogo prava*. – 2026. – № 2. – S. 72–85.
17. Tihomirov YU. A. Gosudarstvennoe upravlenie: modeli i mekhanizmy // *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*. / YU.A. Tihomirova. – 2024. – № 2. – S. 7–22.
18. Habrieva T. YA. Cifrovye profili gosudarstvennyh sluzhashchih: pravovye ramki i eticheskie dilemmy / T.YA. Habrieva, A.M. Cirin// *Administrativnoe pravo i process*. – 2026. – № 5. – S. 185–192.
19. SHugrina E. S. Transformaciya instituta konflikta interesov v epohu cifrovizacii municipal'nogo upravleniya /E.S. SHugrina // *Municipal'naya sluzhba: pravovye voprosy*. – 2025. – № 3. – S. 62–68.
20. YAprynceev I. M. Disciplinarnaya otvetstvennost' v usloviyah cifrovogo gosudarstva: novye vyzovy i pravovye resheniya / I.M. YAprynceev // *Administrativnaya otvetstvennost'*. – 2026. – № 1. – S. 115–122.

Received: 04.04.2026

Accepted: 06.06.2026

ТЕХНИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА АЛЬТЕРНАТИВНОЙ И ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАЕКТОРИИ XX ВЕКА

© К.Ю. Шелепин, Д.А. Наумова, Е.Ю. Шелепин, К.А. Скуратова

Шелепин К.Ю. – кандидат медицинских наук, директор института когнитивных наук и нейротехнологий ФГБУ "НМИЦ ПН им.В.П. Сербского" Минздрава России
e-mail: Shelepink@yandex.ru
Адрес: 119034, г. Москва, Кропоткинский переулок, дом 23, Российская Федерация

Наумова Д.А. – студент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа эконо-мики» (НИУ ВШЭ)
e-mail: naumovadi486@gmail.com
Адрес: 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, Российская Федерация

Шелепин Е.Ю. – научный сотрудник лаборатории психофизиологии речи, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт физиологии им. И. П. Павлова Российской академии наук
e-mail: sey2@yandex.ru
Адрес: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д.6, Российская Федерация

Скуратова К.А. – младший научный сотрудник лаборатории физиологии зрения, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт физиологии им. И. П. Павлова Российской академии наук
e-mail: kseskuratova@ gmail.com
Адрес: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д.6, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность. Проведено сравнительно-историческое исследование развития технических средств альтернативной и дополнительной коммуникации (далее АДК) в период 1920–2000 гг. в десяти странах (США, Канада, Великобритания, Швеция, Нидерланды, ФРГ, Франция, СССР/Россия, Япония, Чехословакия/Польша), что обусловлено ростом интереса к инклюзивным технологиям и межстрановым различиям в их формировании и необходимости сопоставительного анализа технологических трансферов.

Цель. Целью исследования является выявление национальных траекторий технологического развития средств АДК, проверка гипотез о приоритетах их создания и построение объяснительной модели межстрановых различий с учетом институциональных и культурных контекстов.

Материалы и методы. Использованы методы сравнительно-исторического анализа, систематизации данных об устройствах, годах их появления и целевых нозологических и возрастных группах; построена картограмма национальных траекторий развития; проверены четыре гипотезы; разработана девятифакторная модель с использованием междисциплинарного подхода и статистической верификации данных.

Результаты. Выделены четыре национальные модели развития: англо-саксонская коммерческо-школьная, скандинавская универсально-государственная, континентальная медико-ассоциативная и советская сенсорно-компенсаторная. Установлено, что советская традиция не создавала специализированных средств АДК для двигательных-речевых нарушений, но внесла значимый вклад в тифлосурдотехнику и восстановление речи при афазии. Построенная картограмма отражает устойчивые различия между странами. Дополнительно выявлены различия в роли образовательных систем, степени участия государства и уровня медицинской интеграции технологий АДК в национальные практики.

Вывод. Показано, что теоретико-методологические рамки национальной специальной педагогики оказывают существенное влияние на технологические приоритеты, сопоставимое с воздействием законодательства, институциональных и финансовых механизмов, что требует учета при разработке современных инклюзивных политик и технологических стандартов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: альтернативная и дополнительная коммуникация, АДК, история специальной педагогики, технические средства реабилитации, тифлосурдотехника, культурно-историческая психология, дефектология.

Благодарность. Статья подготовлена в ходе выполнения научной темы Государственного задания: Аппаратно-программный комплекс ассистивной коммуникации для ди-агностики аффективных и когнитивных нарушений у пациентов, утративших навыки экспрессивной речи и произвольных движений. Регистрационный номер: 125013001136-1

Конфликт интересов. Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Принятие Федерального закона от 24.11.1995 № 181 ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (в ред. от 25.12.2023 г.), в котором «альтернативной и дополнительной коммуникацией при общении с инвалидами, имеющими нарушения коммуникации, признается общение с использованием взгляда, мимики, жеста, предмета, графического изображения, знаковой системы, специальных технических приспособлений» определило правовые основы поддержки инвалидов в Российской Федерации, а также разработка Концепции развития системы альтернативной и дополнительной коммуникации в Российской Федерации до 2030 года [2] актуализируют задачу концептуального и исторического осмысления отечественной системы АДК. В настоящее время в России насчитывается, по оценкам профильных общественных организаций, около 700–750 тысяч неговорящих людей, нуждающихся в технических средствах коммуникации. Между тем разработка российских АДК систем, включая айтрекинговые коммуникаторы для людей с тяжелыми двигательными нарушениями, происходит в условиях существенного методологического отставания от западной практики и также в условиях недостаточной рефлексии национальной историко-технологической специфики [5].

Международная историография АДК, сложившаяся к началу 2000-х годов [29, 31, 24, 19], трактует становление этой области как преимущественно западный феномен, возникший в 1950–1960-е годы в США, Канаде, Великобритании и Скандинавии. Советский вклад школы И. А. Соколянского и А. И. Мещерякова с оригинальной тифлосурдотехникой в канонический нарратив истории АДК не включен. Это создает исследовательский пробел, так как с одной стороны, в русскоязычной специальной педагогике отсутствует систематический сравнительный обзор международной истории АДК, с другой в англоязычной литературе отсутствует корректное представление о советской традиции технических средств коммуникации для людей с сенсорными нарушениями.

СТЕПЕНЬ РАЗРАБОТАННОСТИ ПРОБЛЕМЫ

В англоязычной литературе основные обзоры по истории АДК концентрируются преимущественно на североамериканской и британской традициях [29, 31, 24, 19]. Отдельные исследования посвящены национальным линиям: скандинавскому синтезу речи [20], голландской школе голосового протезирования [20, 23], британской университетской АДК инженерии [17]. Большинство этих работ ограничивается одной-двумя странами и не ставит задачу межнационального сравнения.

В русскоязычной литературе история технических средств коммуникации для лиц с нарушениями речи и сенсорики представлена в виде фрагментарных публикаций. Отдельные фрагменты отечественной традиции представлены в работах Басиловой [1] о наследии И. А. Соколянского и А. И. Мещерякова, исследованиях Л. С. Цветковой [15], посвященных нейропсихологической реабилитации афазии, публикациях Н. Ф. Слезиной [10, 12] об аппаратуре «видимой речи» для обучения глухих и работах С. Л. Таптаповой [14] по восстановлению голоса после ларингэктомии. Систематического сравнительно-исторического исследования разработки технических средств АДК в XX веке

в русскоязычной литературе до настоящего времени не представлено.

Цель исследования - провести сравнительно-исторический анализ разработки технических средств альтернативной и дополнительной коммуникации в десяти странах в период 1920–2000 гг. и предложить объяснительную модель межстрановых различий в приоритетных пользовательских группах.

Научная новизна исследования в том, что впервые в русскоязычной литературе построена сравнительная картограмма технических средств АДК по десяти странам XX века с единой системой классификации по возрастным и нозологическим группам пользователей. Также советская линия тифлосурдотехники и отечественная афазиология военных лет впервые интегрированы в международную сравнительную рамку как самостоятельная историко-технологическая традиция, сопоставимая с западной. Кроме того, предложена оригинальная типология четырех параллельных национальных моделей разработки технических средств АДК: англо-саксонской коммерческо-школьной, скандинавской универсально-государственной, континентальной медико-ассоциативной, советской сенсорно-компенсаторной. Сформулирована и обоснована объяснительная модель межгосударственных различий и обоснован тезис о том, что теоретико-методологическая рамка национальной специальной педагогики объясняет страновые технологические приоритеты не менее сильно, чем законодательство, финансирование и индустриальная база.

Для разработчиков отечественных АДК-систем, включая айтрекинговые коммуникаторы нового поколения, результаты исследования позволяют осознанно позиционировать разработки в международном историко-технологическом контексте и избегать повторения тупиковых ветвей. Для реализации Концепции развития системы АДК в Российской Федерации до 2030 года [2] исторический анализ предоставляет концептуальную базу для формирования нормативной и классификационной рамки с учетом отечественной специфики. Для подготовки специалистов-дефектологов материал статьи может быть включен в учебные модули по истории специальной педагогики и ассистивных технологий.

В исследовании выдвигается предположение о том, что развитие АДК в разных странах определялось различиями в институциональных, медицинских и социальных приоритетах. Предполагается, что в СССР основное внимание уделялось сенсорным нарушениям - глухоте, слепоте и слепоглухоте, тогда как в США и Канаде центральным направлением стали двигательноречевые нарушения, включая ДЦП, БАС и состояния после ларингэктомии. Также предполагается, что в скандинавских странах развитие и распространение средств АДК для пациентов с БАС и после ларингэктомии происходило более системно благодаря модели универсального социального обеспечения и государственным гарантиям права на коммуникацию. Отдельная гипотеза состоит в том, что после принятия в США Закона о реабилитации 1973 года и Закона об образовании всех детей-инвалидов 1975 года детская школьно-ориентированная АДК стала ведущим направлением развития англоязычных исследований в этой области. Наконец, предполагается, что массовые ветеранские когорты после мировых войн способствовали развитию афазиологии и исследований речевых нарушений, однако появление специализированных технических средств АДК для афазии было связано прежде всего с распространением персональных компьютеров и цифровых технологий в 1980-е годы.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Методологической основой исследования выступает сравнительно-исторический анализ в сочетании с историко-институциональным подходом [26] и сравнительным анализом отдельных случаев [27]. Исследование построено

по модели изучения нескольких случаев, где под случаем понимается национальная траектория разработки технических средств АДК.

Нижняя граница исследования (1920 г.) установлена по появлению первого электронного голосообразующего аппарата Western Electric No. 2A, разработанного Bell Laboratories для пациентов после ларингэктомии [29]. До 1920 г. технические средства коммуникации для лиц с нарушениями речи и сенсорики относились к немеханизированной парадигме: рельефно-точечная система Л. Брайля, дактильные алфавиты, коммуникативные доски XIX века для пациентов с афазией и умственной отсталостью, воспитательные практики Парижского национального института молодых слепых и ганноверской школы для глухих. Электронная парадигма качественно отлична от механико-бумажной и образует самостоятельный технологический период, в рамках которого и формируется собственно АДК как дисциплина.

Верхняя граница исследования (2000 г.) установлена по исчерпанию парадигмы «специализированного коммуникационного устройства». С выходом Apple iPad в 2010 году и приложения Proloquo2Go АДК становится программным продуктом на платформе общего назначения, что радикально меняет экономику доступа и профиль пользователя. Параллельно в 2001 г. Всемирной организацией здравоохранения принимается Международная классификация функционирования, сменяющая Международную классификацию нарушений, ограничений жизнедеятельности и социальной недостаточности 1980 г. Нейро-компьютерные интерфейсы второго поколения (BrainGate) представляют качественно иную технологическую парадигму инвазивной корковой регистрации.

В выборку включены десять стран, отобранные по следующим критериям: документированное оригинальное изобретение или методологическая инновация в области технических средств АДК в исследуемый период; наличие самостоятельной институциональной траектории; представительство всех четырёх основных политико-экономических моделей социального обеспечения XX века - англо-саксонской, скандинавской, континентально европейской и советской.

Англо-саксонская модель представлена США, Канадой и Великобританией - тремя странами с различными институциональными конфигурациями. Скандинавская модель представлена Швецией как страной лидером по технологической базе. Дания, Норвегия и Финляндия рассматриваются как дополнительные случаи. Континентально европейская модель представлена Нидерландами, ФРГ и Францией. Советская модель представлена СССР с выделением отдельной линии тифлосурдотехники. Дополнительно включены Япония как незападный референтный случай и Чехословакия и Польша как догоняющие траектории в восточно-европейском социалистическом блоке.

Из выборки исключены: Австралия и Новая Зеландия, так как это производные от британско-американской модели без самостоятельной институциональной траектории; Италия, Испания, страны Латинской Америки, Китай, Южная Корея, так как там развитие АДК началось преимущественно после 2000 г.; Венгрия, Румыния, Болгария, ГДР по причине недоступности национально языковых архивов в рамках настоящего исследования.

Источниковую базу составили три группы материалов. Первая группа - статьи и монографии авторов разработчиков устройств. Вторая группа - историографические обзоры, институциональные истории реабилитационных центров, монографии по истории специальной педагогики, архивные материалы из НИИ. Третья группа - тематические публикации в профильных журналах: «Дефектология» (1969–2000), «Augmentative and Alternative Communication» (с

1985 г.), «Journal of Rehabilitation Research and Development».

Настоящее исследование выполнено в жанре сравнительно исторического обзора, опирающегося на верификацию фактов по опубликованной и рецензируемой научной литературе - монографиям, статьям в профильных журналах, институциональным историям реабилитационных центров. Патентная документация в настоящей работе целенаправленно не привлекается. Это методологическое решение обусловлено тем, что систематический патентный поиск представляет собой самостоятельный методологический жанр – патентно-аналитическое исследование. Задачей настоящего исследования является выявление структурных асимметрий между национальными траекториями и объяснительных факторов различий, что разрешимы на уровне институциональной истории и описания ключевых устройств без обращения к патентной документации. Также корректный патентно-аналитический обзор АДК устройств XX века предполагает поиск по международным базам и по национальным фондам авторских свидетельств СССР, что составляет отдельную исследовательскую задачу, требующую доступа к закрытым секторам патентных архивов. По указанным причинам ссылки на конкретные патентные номера в настоящем обзоре не приводятся.

Критерии отбора устройств для включения в картограмму: специализированное назначение для поддержки коммуникации у лиц с нарушениями речи, языка или сенсорики; документированная дата первого внедрения и авторство; серийное производство либо клиническое применение, либо значимость как прототип для последующих разработок. Из анализа исключены устройства общего назначения, такие как обычные слуховые аппараты, очки, протезы конечностей; логопедические методики без технического инструментария; планшетные приложения после 2010 г. и нейрокомпьютерные интерфейсы второго поколения как выходящие за хронологические рамки исследования.

Операционализация основного вопроса исследования включала проверку четырёх гипотез. Первая гипотеза заключается в том, что в СССР приоритет разработки был смещён в сторону сенсорных нарушений (глухота, слепота, слепоглухота), тогда как в США и Канаде основной фокус приходился на двигательные речевые нарушения (ДЦП, БАС). Вторая гипотеза предполагает, что в скандинавских странах устройства для людей с БАС и после ларингэктомии появились раньше, чем в других регионах, что связано с моделью универсального благосостояния. Третья гипотеза состоит в том, что детская АДК стала доминирующим направлением в англоязычных странах после принятия законодательства семидесятых годов, включая Rehabilitation Act и Education for All Handicapped Children Act. Четвёртая гипотеза утверждает, что разработка средств коммуникации для людей с афазией активизировалась в странах с крупным ветеранским контингентом после мировых войн.

Объяснительная модель опирается на несколько ключевых факторов: на то, как в стране понимается инвалидность; как устроены законодательство и система социальной поддержки; какую роль играют родительские и пользовательские сообщества, благотворительные и религиозные организации. Также учитываются традиции специального образования, уровень развития науки и технологий, наличие ведущих исследовательских центров и их представителей. Важное значение имеют последствия войн и эпидемий, влиявших на демографическую ситуацию, а также лингвокультурные особенности разных стран.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Систематизация материала позволила выделить четыре устойчивые модели разработки технических средств АДК, существовавшие параллельно в течение

XX века. Каждая модель имеет свою приоритетную группу пользователей, свой механизм финансирования и свой характерный набор ключевых устройств. Сводная характеристика в таблице 1.

Таблица 1. Четыре модели национального развития технических средств АДК в XX веке
Table 1. Four Models of National Development of AAC Technical Devices in the 20th Century

Модель	Страны-носители	Приоритетный пользователь	Основной механизм финансирования	Ключевые устройства и системы
Англо-саксонская коммерческо-школьная	США, Канада, Великобритания	Школьники с ДЦП, аутизмом, тяжелыми множественными нарушениями; позже - взрослые с БАС	Школьные бюджеты, медицинское страхование, коммерческий рынок	POSM (1960), Bliss (1971), Auto-Com (1973), Minspeak (1982), DynaVox (1991)
Скандинавская универсально-государственная	Швеция, Дания, Норвегия, Финляндия	Все нозологии через универсальное право на коммуникацию	Прямое государственное финансирование, региональные центры	OVE III (1968), Infovox (1982), Provox (1990), DART, Tiko-teekki
Континентальная медико-ассоциативная	Нидерланды, ФРГ, Франция	Взрослые пациенты с ларингэктомией, миопатиями, поздними приобретенными нарушениями	Медицинское страхование плюс благотворительные ассоциации	Servox (~1958), Groninger prosthesis (1982), Minitel Dialogue (1984), AFM-Téléthon
Советская сенсорно-компенсаторная	СССР, частично ГДР и ЧССР	Дети и взрослые со слепотой, глухотой; ветераны с афазией	Государственное финансирование через НИИ и специальные школы	Телетактор (1930-е - 1940-е), читающая машина (1936), дактилятор (1966), ТЕ-ПРОИВС (1968), аппаратура «видимой речи» (1960-е)

Англо-саксонская коммерческо-школьная модель: США, Канада, Великобритания

В США развитие АДК прошло две последовательные фазы, разделенные резкой сменой приоритетной группы пользователей. До середины 1970-х годов главным адресатом устройств были взрослые с приобретенными нарушениями, ветераны Второй мировой и Вьетнамской войн, жертвы эпидемии полиомиелита 1940–1950-х годов, пациенты после ларингэктомии. Первый электронный голо-сообразующий аппарат был разработан в Bell Laboratories еще в 1920-е годы, его транзисторная версия в конце 1950-х [29]. В 1952 году была опубликована первая академическая работа по применению коммуникативных досок для пациентов с афазией. Именно ее принято считать отправной точкой АДК как дисциплины [22, 31]. В середине 1960-х годов появилась первая система текстового телефона для глухих на основе списанных телетайпов, подключенных к телефонной линии через акустический модем.

Переломным моментом стало принятие в 1973 году Закона о реабилитации и особенно в 1975 году Закона об образовании всех детей-инвалидов, который обязал школы обеспечивать обучение неговорящим детям. Это сместило фокус АДК на детей с ДЦП и аутизмом и создало устойчивый финансируемый рынок.

Институциональной основой стали три организации. В начале 1970-х при Университете Висконсина был открыт Trace R&D Center, ставший главным академическим центром американской АДК. Компания Prentke Romich, действующая с конца 1960-х, и компания Words+, основанная в начале 1980-х, развивали индустриальную сторону. На стыке их работы появились коммуникатор Auto-Com в 1973, первые серийные голосовые коммуникаторы Express (рубеж 1970–1980-х), семантическая система Minspeak [18], которая позволяла кодировать целые фразы небольшим набором значков-пиктограмм, и серия программ для пациентов с БАС.

К концу 1980-х годов появились новые направления. В 1988 году в США был выпущен Lingraphica - первый специализированный коммуникатор для пациентов с афазией. Параллельно велись разработки в области айтрекинговых устройств и интерфейсов «мозг–компьютер». К концу десятилетия был продемонстрирован прототип интерфейса на основе вызванного потенциала P300 для пациентов в состоянии locked-in [21], но массового распространения такие системы тогда не получили. В 1991 году появился DynaVox, голосовой коммуникатор с динамическим сенсорным дисплеем. В 1990-е годы он широко применялся в детской АДК.

В Канаде символьные АДК-системы получили наиболее систематическое развитие. В 1971 году в торонтском Центре помощи детям с ограниченными физическими возможностями под руководством Ширли Макнотон началось систематическое применение блисс-символики для детей с ДЦП. В основе лежала семантическая система Чарльза Блисса 1949 года - набор графических знаков, передающих значения, а не звуки. На базе центра был создан Blissymbolics Communication Foundation. К началу 1980-х годов появилась альтернативная символьная система в виде пиктограмм PIC, ориентированных на детей с интел-лектуальными нарушениями. В 1983 году в Торонто была учреждена Междуна-родная ассоциация альтернативной и дополнительной коммуникации ISAAC, крупнейшая профессиональная организация в этом поле.

Великобритания внесла три различных по логике вклада. Первая линия - электромеханическая пишущая машинка POSM с управлением вдохом-выдохом для пациентов с полиомиелитом и тетраплегией [25]. С середины 1960-х годов POSM бесплатно предоставлялся через Национальную службу и стал одним из первых АДК-устройств, поступивших в массовое применение. Вторая линия

- LightWriter, портативный текстовый коммуникатор для взрослых с приобретенной дизартрией. Его создал Черчилль в начале 1970-х после инсульта в собственной семье. Третья линия - Makaton, система, объединяющая жесты и графические символы для людей с тяжелыми интеллектуальными нарушениями.

Параллельно развивалась академическая АДК-инженерия в Университете Данди в Шотландии. К началу 1990-х годов группа создала систему СНАТ - устройство, поддерживающее темп беседы за счет быстрых готовых реплик для пользователей с БАС и афазией [17].

Скандинавская универсально-государственная модель

Скандинавская модель характеризуется сплюснутым профилем пользователей. Вместо явного возрастного или нозологического приоритета она концентрируется на двух технологических специализациях: синтезе речи и голосо-вом протезировании. Идейной основой модели стала доктрина нормализации, сформулированная в 1960–1970-е годы. К 1990-м годам она трансформировалась в универсальное право на коммуникацию, юридически закрепленное в Швеции в 1993 году Законом о поддержке и услугах для некоторых инвалидов.

В Швеции функцию координации закупки и распределения ассистивных устройств взял на себя государственный Институт по делам инвалидов. Лаборатория речевых технологий при Королевском технологическом институте в Стокгольме (КТН) стала одним из ведущих центров исследований синтеза речи. В конце 1960-х здесь был создан формантный синтезатор OVE III, в начале 1980-х многоязычная система Invox SA-101, поддерживавшая более десяти языков [20]. Около 1982 года в Королевском технологическом институте в рамках исследований речевого синтеза и вспомогательных коммуникационных систем был разработан экспериментальный АДК-прототип на основе Blissymbolics. Система использовала Bliss-таблицу символов и программный модуль синтеза речи, преобразующий последовательности символов в синтезированную речь. В конце 1980-х годов в Гетеборге заработал региональный центр DART, интегрировавший оценку, подбор и обучение АДК.

Голосовое протезирование сложилось в скандинавско-нидерландском регионе как отдельная самостоятельная линия. На рубеже 1980–1990-х годов в Нидерландском институте рака разработали голосовой протез Provox для пациентов после полного удаления гортани [23]. Provox получил широкое международное распространение. В Швеции пациенты получали его через региональные больницы в рамках универсального страхования.

Соседние страны развивали смежные специализации. В Норвегии центр Bredtvet, открытый в 1967 году, занимался афазией, заиканием и расщелинами неба. Финляндия развивала АДК для умственной отсталости, аутизма и ДЦП с финансированием через лотерейный фонд. Дания координировала межскандинавское обучение специалистов по работе со слепоглухими через центр NUD в Дроннинглунне. Собственной АДК-индустрии в Дании, Норвегии и Финляндии практически не сложилось, эти страны адаптировали шведские, канадские и американские системы.

Континентальная медико-ассоциативная модель: ФРГ, Франция

Континентально-европейская модель определяется приоритетом взрослых пациентов с приобретенными нарушениями и опирается на две параллельные финансовые опоры: обязательное медицинское страхование и крупные благотворительно ассоциативные фонды родителей и пациентов.

В ФРГ ранним технологическим вкладом стал электроларинкс Servox - внешнее вибрационное устройство, прикладываемое к шее для генерации звука.

Он появился в конце 1950-х годов и широко распространился в послевоенной Европе благодаря системе обязательного медицинского страхования. Детская АДК в ФРГ развивалась в основном через родительские движения, а организация Lebenshilfe для людей с интеллектуальными нарушениями выросла в крупнейшее европейское родительское объединение. Специфически немецкие системы появились сравнительно поздно. К концу 1990-х - началу 2000-х годов сложились система GuK для детей с синдромом Дауна [30] и символьная система METACOM для пациентов с аутизмом и интеллектуальными нарушениями.

Франция шла собственным телекоммуникационно-академическим путем. Вместо телетайпа, распространенного в англосфере, в 1984 году для глухих был открыт сервис Minitel Dialogue на базе общенациональной сети Minitel. В результате обычный терминал Minitel, стоявший в каждом втором французском доме, превратился в АДК устройство. Параллельно Лаборатория информатики для механики и инженерных наук Национального центра научных исследований вела работы по синтезу речи и алгоритмам обработки речевого сигнала, получившие международное распространение.

Финансирование в этой области во Франции обеспечивали три ключевых источника: Ассоциация парализованных Франции, поддерживавшая людей с ДЦП и последствиями полиомиелита, Французская ассоциация против миопатий, а также благотворительный телемарафон Téléthon, который собирал средства на медицинские исследования и разработку технических средств помощи. Детская символьная АДК пришла во франкоязычное пространство преимущественно через ISAAC Francophone и канадскую блисс-систему.

Советская сенсорно-компенсаторная модель

Советская модель имеет характерный профиль, принципиально отличающийся от западных. Приоритетными группами пользователей были слепоглухие дети и взрослые, глухие дети в процессе обучения произношению, ветераны Великой Отечественной войны с афазией после черепно-мозговых травм. Ни одна из трех главных категорий современной западной АДК, а именно дети с ДЦП, взрослые с БАС, дети с аутизмом, не была приоритетом отечественных разработок до середины 1990-х годов.

Главным направлением стала школа И. А. Соколянского. Харьковская школа клиника для слепоглухонемых детей работала с 1925 по 1938 год. Именно здесь выросла Ольга Скороходова, позднее описавшая собственный опыт в книге «Как я воспринимаю, представляю и понимаю окружающий мир» [11]. После переезда в Москву и начала работы в Институте дефектологии АПН СССР с 1944 года Соколянский продолжил активную изобретательскую деятельность. «Читающая машина», созданная им на основе фотоэлемента, преобразовывала печатный текст в тактильные сигналы. Телетактор, разрабатывавшийся с 1930-х по 1940-е годы, обеспечивал одностороннюю связь учителя со слепоглухим учеником. Учитель набирал текст на клавиатуре, а ученик считывал его в виде брайлевского шрифта.

Линию продолжил ученик Соколянского А. И. Мещеряков. В 1961 году он организовал лабораторию изучения и воспитания слепоглухих при НИИ дефектологии, а в 1963 году Загорский интернат [9, 1]. В 1966 году был усовершенствован дактилятор - устройство, передающее знаки пальцевой азбуки. В 1968 году В. В. Лебедев создал ТЕПРОИВС - телетактор прямой, обратной и взаимной связи. В 1971 году появилась его версия с тактильным дисплеем на 24 рельефно точечных знака. Именно эта версия использовалась в Загорском эксперименте по обучению слепоглухих студентов на факультете психологии МГУ. М. М. Германов разработал клавиатурное устройство, позволявшее зря-

челющащим людям общаться со слепоглыми без специальных навыков.

Параллельно развивалась сурдотехника для обучения глухих произношению. Лаборатория сурдотехники НИИ дефектологии разработала приборы, преобразующие звучащую речь в зрительные сигналы - осциллограммы, спек-трограммы, интонограммы [12, 16]. По функции это аналог западных систем «визуальной речи». Аналогичные коммерческие продукты на Западе появились лишь в конце 1980-х годов. Однако советская линия оставалась замкнутой в педагогическом контексте и не конвертировалась в коммерческий продукт.

Третья линия - афазиология А. Р. Лурии. Работа в эвакогоспитале в 1941–1944 годах и последующие монографии «Травматическая афазия» и «Восстановление функций мозга после военной травмы» [6, 7] создали отечественную школу нейропсихологической реабилитации речи. Эту школу позднее развили Л. С. Цветкова [15] и В. М. Шкловский. Технического устройства для афазии советская школа не создала. Восстановление речи здесь рассматривалось в культурно исторической парадигме [3, 8] как реструктурирование высших психических функций. Американский аналог - коммуникатор Lingraphica, разработанный в Госпитале ветеранов в Пало Альто, появился только в 1988 году.

Речевое протезирование после ларингэктомии в СССР обеспечивалось преимущественно методикой пищеводного голоса С. Л. Таптаповой [14], то есть без технического устройства. Отечественная электрогортань разрабатывалась в ВНИИМП, а более поздний голосообразующий аппарат АГ-80 завода «Ритм» не получил высокой оценки пользователей. Для коррекции заикания была разработана серия «эхо магнитофонов» с отсроченной слуховой обратной связью. Эта технология применялась с 1960-х по 1980-е годы и представляет собой отдельную советскую нишу, не имеющую точных зарубежных аналогов.

Массовые АДК практики для неговорящих детей с ДЦП и аутизмом появились в России только после 1989 года через Центр лечебной педагогики [2, 13], а позднее, уже в 2010-е годы, через Социальную школу Каритас в Санкт-Петербурге. Культурно историческая парадигма Л. С. Выготского рассматривала дефект не как исключительно биологическое нарушение, а как социально опосредованный феномен: «Дефективный ребенок есть прежде всего особенный ребенок, к нему складывается исключительное, не обычное, не такое, как к другим детям, отношение. Его несчастье раньше всего изменяет его социальную позицию, социальную установку в среде. Все связи с людьми, все моменты, определяющие место человека в социальной среде, его роль и судьбу как участника жизни, все функции общественного бытия перестраиваются; физический дефект вызывает как бы социальный вывих. Так же точно и процессы компенсации, возникающие у такого ребенка под влиянием дефекта, направляются в основном не по линии органического восполнения недостатка (что невозможно), а по линии психологического преодоления, замещения, выравнивания дефекта, по линии завоевания социальной полноценности или приближения к ней» [4, С.190]. В рамках данного подхода высшие психические функции ребёнка возникают первоначально как форма совместной деятельности и сотрудничества с другими людьми и лишь впоследствии, в процессе интериоризации, становятся индивидуальными психическими функциями. Как писал Л. С. Выготский: «Всякая функция в культурном развитии ребёнка появляется на сцену дважды, в двух планах, сперва - социальном, потом - психологическом, сперва между людьми, как категория интерпсихическая, затем внутри ребёнка как категория интрапсихическая» [3, С.145].

Япония

Япония развивала собственную траекторию, в значительной мере неза-

ви-симум от западной символической парадигмы. Первый синтез английской речи был реализован в государственной Электротехнической лаборатории в конце 1960-х годов. Исследования синтеза японского языка велись с 1970-х годов в подразделении исследований и разработок национального оператора связи NTT. С распространением факсимильной связи третьего поколения факс стал де-факто основным каналом коммуникации для глухих в Японии, заместив телетайп. Причина отчасти лингвистическая, так как слоговые азбуки катакана и хирагана и логографическая кандзи делали алфавитные телетайпы менее эффективными, чем произвольный рукописный факс. Институциональная АДК оформилась в Японии в середине 1980-х годов. Специфическим японским вкладом стал электроларинкс с управлением высотой тона через выдох, разработанный в конце 1990-х. Детская символическая АДК в Японии развивалась локально и слабо интегрирована с канадско-американскими блисс-системами и пиктограммами.

Догоняющие траектории: Чехословакия и Польша

Восточноевропейский сегмент представлен догоняющей моделью. В Чехословакии довоенный устав в Праге создал старейшую в Центральной Европе школу для детей с физическими нарушениями. Однако до 1989 года системной АДК-инфраструктуры в стране не сложилось, поскольку пражская школа реабилитации фокусировалась на двигательной терапии без коммуникационных устройств. После 1989 года Чехия и Словакия импортировали западные системы - блисс-символику, систему пиктограмм, позднее DynaVox.

Польская траектория началась с инициативы Лехович, которая в конце 1980-х привезла блисс-систему в Польшу из Германии и возглавила Центр символической коммуникации Блисс при Товариществе друзей детей в Варшаве. В середине 1990-х годов проект Программы развития ООН распространил АДК-практику на пациентов с ДЦП, аутизмом и тяжелыми множественными нарушениями. Принятый в 1997 году Закон о профессиональной и социальной реабилитации инвалидов и Государственный фонд реабилитации инвалидов создали финансовую рамку. Для польского и русского языков обнаружилась специфическая методологическая проблема. Богатая флективная морфология с развитой системой падежей плохо совмещалась с исходно англо-ориентированными блисс-модификаторами. Проблема была частично решена через локальные адаптации, но подтверждает более общий тезис о лингвокультурных ограничениях трансфера западных символических систем.

Сравнительный анализ

Систематическая проверка четырех гипотез на собранном материале показала, что в целом они подтверждаются, однако почти каждая из них требует уточнений.

Гипотеза о различии приоритетов между сенсорными и двигательноречевыми нарушениями подтверждается достаточно убедительно. В СССР действительно основное внимание было сосредоточено на сенсорных нарушениях. Международную известность получила линия исследований И. А. Соколянского, А. И. Мещерякова и О. И. Скороходовой, связанная с обучением слепоглухих. Параллельно велись разработки приборов «видимой речи» для глухих, а также устройств отсроченной слуховой обратной связи для коррекции заикания. При этом собственных советских АДК-устройств для людей с тяжелыми двигательноречевыми нарушениями в XX веке практически не появилось. В США и Канаде ситуация была иной. Именно двигательноречевые нарушения стали главным направлением развития АДК. Уже с начала 1970-х годов работал

то-ронтский Ontario Crippled Children's Centre, в 1980-е активно развивалась компания PRC, а в начале 1990-х DynaVox. Вместе с тем эта гипотеза требует уточнения, поскольку до середины 1970-х годов в США значительная часть разработок также была ориентирована на взрослых пользователей, прежде всего ветеранов и людей после ларингэктомии. Технологии для людей с сенсорными нарушениями, такие как телетайпы и системы озвучивания текста, в стране тоже развивались активно, но институционально существовали отдельно от сферы АДК.

Гипотеза о скандинавском приоритете в разработке средств для людей с БАС и после ларингэктомии подтверждается частично. Для пациентов после ларингэктомии устройство Provox, появившееся в 1990 году, действительно стало международным стандартом, скандинавско-нидерландская модель финансирования обеспечила его быстрое распространение. Однако в области БАС раннего технологического лидерства Скандинавии обнаружить не удалось. Ключевой прорыв произошел в США, где компания Words+ в начале 1980-х годов создала коммуникатор Equalizer. В Швеции пациенты с БАС действительно получали доступ к системам Infovox и Bliss через специализированные центры, включая DART, однако собственные специализированные устройства для БАС там появились позже. Поэтому корректнее говорить о более полном охвате пользователей благодаря социальной политике. Закон о поддержке и обслуживании некоторых категорий людей с инвалидностью (LSS) 1993 года гарантировал право на коммуникацию для всех категорий инвалидности, включая БАС, что обеспечило быстрое распространение устройств независимо от страны их происхождения.

Наиболее убедительно подтверждается гипотеза о доминировании детской АДК в англоязычных странах после законодательства 1970-х годов. Распространение школьно-ориентированной АДК происходило постепенно. Сначала в Канаде начала 1970-х годов, затем в США после образовательной реформы 1975 года, позже в Великобритании, ФРГ и Франции, а в 1990-е годы в Восточной Европе и России. Американские законы создали устойчивую систему финансирования, благодаря которой получили широкое распространение устройства PRC, Words+ и DynaVox. В континентальной Европе АДК чаще финансировалась через систему медицинского страхования. Это позволяло обеспечивать пользователей техникой, но не способствовало столь быстрому росту индустрии и школьной интеграции.

Гипотеза о связи между крупными ветеранскими когортами и развитием средств для афазии подтверждается частично. В СССР афазия действительно стала важным направлением исследований после Великой Отечественной войны. Ключевую роль сыграли работы А. Р. Лурии [6, 7, 8], выполненные в годы войны, а позднее исследования Л. С. Цветковой и деятельность Центра патологии речи В. М. Шкловского. В США госпитали Department of Veterans Affairs предоставили большой клинический материал для исследований, однако специализированные устройства для афазии появились значительно позже. Система Lingraphica была создана только в 1988 году. Это показывает, что решающим фактором стали не сами ветеранские когорты, а распространение персональных компьютеров в середине 1980-х годов. Показательно и то, что британский LightWriter возник вне военного контекста как ответ на личный опыт семьи изобретателя, столкнувшейся с последствиями инсульта.

Факторы межстрановых различий

Для каждой выявленной асимметрии объяснительные факторы оценивались по их относительному вкладу в различия между парами стран.

Наиболее значимым фактором, определившим различия между США и Канадой, с одной стороны, и странами континентальной Европы с другой, стал характер законодательного и страхового регулирования. В США развитие АДК значительно ускорилось после серии законов 1970–1990-х годов (Public Law 94-142, Tech Act, ADA), которые закрепили право людей с инвалидностью на образование, технические средства помощи и доступную среду. В результате школы и системы страхового обеспечения начали финансировать коммуникаторы и другие средства АДК. Это создало устойчивый рынок, стимулировало промышленное производство устройств и способствовало быстрому развитию индустрии. Сходный эффект в Канаде дала программа Ontario Assistive Devices Program, запущенная в 1982 году. В странах континентальной Европы ситуация складывалась иначе. В ФРГ закон 1974 года закреплял статус тяжелоинвалида, однако не содержал обязательств по внедрению АДК в школьную систему. В СССР финансирование в целом не предполагало обеспечения индивидуальными АДК-устройствами. Для скандинавских стран ключевое значение имел шведский закон LSS 1993 года и аналогичные нормативные акты, закрепившие универсальное право человека на коммуникацию независимо от характера инвалидности.

Различия между СССР и англо-саксонским миром во многом определялись также различными теоретико-методологическими основаниями специальной педагогики. Культурно-историческая психология Л. С. Выготского, А. Р. Лурии и А. Н. Леонтьева рассматривала дефект прежде всего как социокультурную проблему, преодоление которой возможно через опосредствование и формирование высших психических функций. В этой парадигме техническое устройство понималось скорее как вспомогательный инструмент обучения и компенсации. Именно поэтому в СССР были особенно развиты методики работы со слепоглохими и восстановительное обучение при афазии, тогда как направление АДК для неговорящих детей с ДЦП оставалось сравнительно слабым. В западных странах, напротив, широкое распространение получили символные доски и голосовые коммуникаторы, использование которых не ставило задачу восстановления собственной речи пользователя. Существенную роль здесь сыграли бихевиористская традиция и прикладной поведенческий анализ, ориентированные на прямое обучение по схеме «стимул - реакция», что хорошо соответствовало логике систем Minspeak и PECS. В Скандинавии дополнительное влияние оказала феноменологическая и инклюзивная традиция, связанная с доктриной нормализации в 1960–1970-е годы. Эта рамка усиливала представление о коммуникации как о базовом праве человека, которое государство обязано обеспечивать независимо от медицинского прогноза или уровня восстановления речи.

Родительские и пользовательские движения сильно повлияли на США, Канаду, Великобританию, ФРГ и Францию. В США Ассоциация помощи людям с ДЦП, объединения родителей детей с интеллектуальными нарушениями и Общество помощи людям с аутизмом, оформившиеся между концом 1940-х и серединой 1960-х, лоббировали принятие законов. В ФРГ организация Lebenshilfe, основанная в 1958 году, со временем превратилась в крупнейшее европейское родительское объединение в сфере помощи людям с интеллектуальными и множественными нарушениями. Во Франции важную роль играли Ассоциация парализованных Франции, Французская ассоциация мышечной дистрофии и благотворительный телемарафон Téléthon, которые напрямую финансировали приобретение и распространение технических средств коммуникации. В СССР до конца 1980-х годов сопоставимых родительских движений фактически не существовало. Элементы родительской самоорганизации начали формиро-

ваться лишь после открытия Центра лечебной педагогики в 1989 году.

Технологические прорывы чаще возникают в странах, где хорошо развиты и промышленность, и научные исследования, особенно в рамках сильных технологических кластеров. В Швеции это связка академического центра Королевского технологического института, и промышленных партнеров Ericsson, Atos Medical; в Нидерландах - Гронингенский университет и Нидерландский институт рака; в Японии - национальный оператор связи NTT, государственная Электротехническая лаборатория и компания NEC; в США - лаборатории Bell, Массачусетский и Карнеги-Меллон технологические институты, а также корпорация Digital Equipment. На эти кластеры опираются разработки голосового протезирования в Нидерландах и Швеции, многоязычных синтезаторов речи в Королевский технологический институт и Digital Equipment, ранних интерфейсов «мозг-компьютер» в США. Без подобной базы политика инвалидности не создает устройств. Пример ГДР и Чехословацкой Социалистической Республики показывает, что политическая готовность есть, а индустрии нет.

Институциональные центры и их основатели во многом объясняют появление отдельных технологических и методических прорывов в области АДК. Trace Center при Университете Висконсина, Blissymbolics Institute в Торонто, оксфордский ACE Centre, эдинбургский CALL Centre, АДК-группа в Данди в Шотландии, DART в Швеции сформировали собственную национальную или региональную школу. Институты возникали там, где сходилась треугольник «университет - реабилитационная клиника - благотворительный фонд».

48

Войны и эпидемии работали как демографические драйверы для нескольких национальных траекторий. Великая Отечественная война породила афазиологию Лурии в СССР. В США 1940–1950-х годов эпидемия полиомиелита создала поколение пользователей «железных легких» и коммуникативных досок, а Вторая мировая и Вьетнамская войны линию исследований по применению коммуникативных досок для пациентов с афазией и в дальнейшем специализированный коммуникатор Lingraphica. В Великобритании полиомиелит привел к созданию POSM. Для Скандинавии, Японии, Нидерландов и Франции роль ветеранских когорт была существенно меньше.

Представления об инвалидности менялись постепенно и влияли на развитие АДК скорее косвенно, через законы и систему финансирования. До 1960-х годов преобладал медицинский подход, при котором инвалидность рассматривалась прежде всего как проблема здоровья. Позднее ему на смену пришёл социальный подход, акцентировавший внимание на барьерах среды и необходимости общественной поддержки. Раньше всего этот переход произошёл в Скандинавии, затем в англоязычных странах, позже в континентальной Европе и только в 1990-е годы в СССР и России. В дальнейшем усилилось и правозащитное понимание инвалидности, связанное с идеей равных прав и доступа к коммуникации.

Существенное влияние на развитие средств альтернативной и дополнительной коммуникации оказывали благотворительные и религиозные организации. Во Франции важную роль сыграл благотворительный телемарафон Téléthon, проводившийся с 1987 года, а также связанные с ним фонды, финансировавшие разработку и распространение технических средств коммуникации. В США аналогичное значение имели крупные благотворительные сети помощи людям с физическими нарушениями. В Великобритании и Нидерландах заметную роль в создании специализированных центров играли католические организации и религиозные инициативы. В СССР и скандинавских странах значение благотворительного сектора было значительно слабее, поскольку основные функции поддержки и финансирования брало на себя государство.

Лингвистические и культурные особенности также объясняют ряд специфических различий в распространении коммуникационных технологий. В Японии системы текстовой телефонной связи и блисс-символика не получили широкого распространения, поскольку алфавитные принципы этих систем плохо сочетались с японской силлабической и логографической письменностью. В результате наиболее удобным и массовым каналом коммуникации для глухих пользователей стал факс. В России и Польше блисс-система также не получила значительного распространения, однако по другой причине. Флективная морфо-логия славянских языков с развитой системой падежей требовала сложных сим-вольных модификаций, отсутствовавших в исходных наборах блисс-символов. Поэтому в России блисс-коммуникация осталась маргинальным направлением, тогда как более функциональной и практически применимой оказалась система коммуникации через обмен изображениями.

ОБСУЖДЕНИЕ

Полученные результаты позволяют переосмыслить канонический нарратив истории АДК как преимущественно западного технологического феномена. В XX веке существовали не одна, а как минимум четыре параллельные институциональные модели решения проблемы коммуникации неговорящего человека. Различались они не столько по технологическому уровню, сколько по теоретической рамке и институциональной архитектуре. Советская тифлосурдотехника 1930–1980-х годов была технически сопоставима с западными разработками своего времени. От мировой АДК-литературы ее отделяла принципиально иная концепция пользователя и роли технического средства.

Тезис о теоретической рамке как предикторе технологических приоритетов имеет важные выводы для современной российской АДК-практики. Импорт западных методов в постсоветский период - PECS, блисс-системы, коммуникаторы, происходил без рефлексии теоретико-методологической совместимости с культурно-исторической парадигмой. Этим отчасти объясняется медленное распространение АДК в России до принятия Концепции 2024 года (Битова и др., 2024). Осознанное позиционирование отечественных разработок, включая со-временные айтирекинг-коммуникаторы для людей с тяжелыми двигательными нарушениями, требует одновременного удержания двух линий: наследия Соколянского - Мещерякова, где техника работает как опосредствование, и западной инженерии, где техника работает как протез речи.

Источниковая база исследования имеет неравномерную представленность: материалы по США, Великобритании, Швеции, Нидерландам и СССР значительно более обширны по сравнению с данными по ГДР, Японии и Чехословакии, что может отражать общую асимметрию доступности исторических источников. Кроме того, хронологическая граница 2000 года задает рамки анализа и исключает более поздние технологические форматы, включая мобильные приложения и нейрокомпьютерные интерфейсы, которые могут рассматриваться как предмет отдельного этапа развития АДК.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История АДК в XX веке характеризуется неравномерным распространением западных технологий и процессами догоняющего развития. Англо-саксонская, коммерческо-школьная, скандинавская универсально-государственная, континентальная медико-ассоциативная и советская сенсорно-компенсаторная модели развивались параллельно. Эти модели впервые сошлись в глобальное ISAAC-сообщество только в 1983–1991 годах, и их содержательная конвергенция уже история XXI века.

Советский вклад в технические средства коммуникации в виде школы Соколянского с оригинальной тифлосурдотехникой для слепоглухих, лаборатория сурдотехники НИИ дефектологии и афазиологическая школа Лурии представляет собой самостоятельную историко-технологическую традицию, сопоставимую с западной и заслуживающую интеграции в международную историографию АДК.

Страновые приоритеты в разработке устройств лучше всего объясняются тремя группами факторов в порядке убывания силы: законодательно-страховым режимом, теоретико-методологической рамкой национальной специальной педагогики и демографическими драйверами. Технологический уровень страны как таковой играет существенно меньшую роль, чем обычно предполагается.

Для современной российской АДК-практики и для реализации Концепции до 2030 года полученные результаты указывают на необходимость осознанного удержания одновременно двух теоретических линий - отечественной культурно-исторической и западной инженерно-коммуникативной. Они также указывают на возможность оригинального позиционирования российских разработок, в том числе айтрекинговых коммуникаторов, в глобальном поле АДК.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басилова, Т. А. Теоретическая разработка и практическая реализация системы обучения слепоглухих А. И. Мещеряковым (к 85-летию со дня рождения) / Т. А. Басилова // Культурно-историческая психология. - 2008. - Т. 4, № 3. - С. 51–58.

2. Битова, А. Л. Концепция развития системы альтернативной и дополнительной коммуникации в Российской Федерации до 2030 года / А. Л. Битова, М. В. Переверзева, И. Н. Текоцкая, [и др.] // Образовательная политика. - 2024. - № 3 (99). - Текст : электронный // CyberLeninka. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-razvitiya-sistemy-alternativnoy-i-dopolnitelnoy-kommunikatsii-v-rossiyskoj-federatsii-do-2030-goda> (дата обращения: 27.02.2026).

3. Выготский, Л. С. Мышление и речь: сборник / Л. С. Выготский. - М. : АСТ : Астрель, 2011. - 320 с.

4. Выготский, Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. Основы дефектологии / Л. С. Выготский. - М. : Педагогика, 1983.

5. Козлова, К. М. Обзор способов альтернативной коммуникации, применяемых в отечественной практике специального образования / К. М. Козлова // Проблемы современного педагогического образования. - 2018. - № 58–4. - Текст : электронный // CyberLeninka. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-sposobov-alternativnoy-kommunikatsii-primenyayemyh-v-otechestvennoy-praktike-spetsialnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 27.02.2026).

6. Лурия, А. Р. Травматическая афазия: клиника, семиотика и восстановительная терапия / А. Р. Лурия. - М. : Издательство АМН СССР, 1947.

7. Лурия, А. Р. Восстановление функций мозга после военной травмы / А. Р. Лурия. - М. : Издательство АМН СССР, 1948.

8. Лурия, А. Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга / А. Р. Лурия. - М. : Издательство МГУ, 1962.

9. Мещеряков, А. И. Слепоглухонемые дети: развитие психики в процессе формирования поведения / А. И. Мещеряков. - М. : Педагогика, 1974.

10. Рау, Ф. Ф. Методика обучения произношению в школе глухих: пособие для учителей / Ф. Ф. Рау, Н. Ф. Слезина. - М. : Просвещение, 1981.

11. Скороходова, О. И. Как я воспринимаю, представляю и понимаю окружающий мир / О. И. Скороходова. - М. : Педагогика, 1972.

12. Слезина, Н. Ф. Применение технических средств в обучении глухих произношению / Н. Ф. Слезина. - М. : Педагогика, 1975.

13. Соловьёва, Т. А. Методические рекомендации по использованию средств альтернативной и дополнительной коммуникации в процессе обучения и воспитания детей с ТМНР / Т. А. Соловьёва, М. В. Переверзева, С. Б. Лазуренко, Н. Н. Павлова, Л. А. Головчиц, Т. А. Басилова, А. Л. Битова, Т. Н. Исаева, О. В. Караневская, И. А. Филатова. - М. : ИКП, 2023. - 85 с.

14. Таптапова, С. Л. Восстановление звучной речи у больных после резекции или удаления

гортани / С. Л. Таптапова. - М. : Медицина, 1985.

15. Цветкова, Л. С. Афазия и восстановительное обучение / Л. С. Цветкова. - М. : Просвещение, 1988.

16. Цукерман, И. В. Беседы о глухоте и технике, помогающей глухим / И. В. Цукерман. - Л. : Энергия, 1973.

17. Alm, N. Prediction and conversational momentum in an augmentative communication system / N. Alm, J. L. Arnott, A. F. Newell // *Communications of the ACM*. - 1992. - Vol. 35, no. 5. - P. 46–57. - <https://doi.org/10.1145/129875.129878>

18. Baker, B. Minspeak: A semantic compaction system that makes self expression easier for communicatively disabled individuals / B. Baker // *Byte*. - 1982. - Vol. 7, no. 9. - P. 186–202

19. Beukelman, D. R. Augmentative and alternative communication: Supporting children and adults with complex communication needs / D. R. Beukelman, P. Mirenda. - 4th ed. - Baltimore, MD: Paul H. Brookes, 2013

20. Carlson, R. A multi-language text-to-speech module / R. Carlson, B. Granström, S. Hunnicutt // *Proceedings of the IEEE International Conference on Acoustics, Speech and Signal Processing (ICASSP '82)*. - 1982. - P. 1604–1607

21. Farwell, L. A. Talking off the top of your head: toward a mental prosthesis utilizing event-related brain potentials / L. A. Farwell, E. Donchin // *Electroencephalography and Clinical Neurophysiology*. - 1988. - Vol. 70, no. 6. - P. 510–523. - [https://doi.org/10.1016/0013-4694\(88\)90149-6](https://doi.org/10.1016/0013-4694(88)90149-6)

22. Goldstein, H. New method of communication for the aphasic patient / H. Goldstein, H. Cameron // *Arizona Medicine*. - 1952. - Vol. 8. - P. 17–21

23. Hilgers, F. J. M. A new low-resistance, self-retaining prosthesis (Provox) for voice rehabilitation after total laryngectomy / F. J. M. Hilgers, P. F. Schouwenburg // *Laryngoscope*. - 1990. - Vol. 100, no. 11. - P. 1202–1207

24. Hourcade, J. A history of augmentative and alternative communication for individuals with severe and profound disabilities / J. Hourcade, T. Pilotte, E. West, P. Parette // *Focus on Autism and Other Developmental Disabilities*. - 2004. - Vol. 19, no. 4. - P. 235–244. - <https://doi.org/10.1177/10883576040190040501>

25. Maling, R. G. Electronic controls for the tetraplegic (P.O.S.M.) / R. G. Maling, D. C. Clarkson // *Paraplegia*. - 1963. - Vol. 1. - P. 161–174

26. North, D. C. Institutions, institutional change and economic performance. - Cambridge: Cambridge University Press, 1990

27. Ragin, C. C. The comparative method: Moving beyond qualitative and quantitative strategies. - Berkeley: University of California Press, 1987

28. Vanderheiden, G. C. A journey through early augmentative communication and computer access / G. C. Vanderheiden // *Journal of Rehabilitation Research and Development*. - 2002. - Vol. 39, no. 6 (Suppl.). - P. 39–54

29. Wilken, E. Sprachförderung bei Kindern mit Down-Syndrom: Mit ausführlicher Darstellung des GuK-Systems / E. Wilken. - Stuttgart: Kohlhammer, 2014

30. Zangari, C. Augmentative and alternative communication: An historic perspective / C. Zangari, L. L. Lloyd, B. Vicker // *Augmentative and Alternative Communication*. - 1994. - Vol. 10, no. 1. - P. 27–59. - <https://doi.org/10.1080/07434619412331276740>

Получена: 25.05.2026 г.

Принята к публикации: 06.06.2026 г.

AUGMENTATIVE AND ALTERNATIVE COMMUNICATION DEVICES: NATIONAL TRAJECTORIES IN XX CENTURY

© Konstantin Y. Shelepin, Diana A. Naumova, Evgeny Y. Shelepin, Ksenia A. Skuratova

Konstantin Y. Shelepin – PhD in Medical Sciences, Director of the Institute of Cognitive Sciences and Neurotechnologies, FSBI NMRC PN named after V.P. Serbsky MH of Russia

e-mail: shelepink@yandex.ru

Address: 119034, 23 Kropotkinsky Lane, Moscow, Russian Federation

Diana A. Naumova – Student, National Research University Higher School of Economics

e-mail: naumovadi486@gmail.com

Address: 101000, 20 Myasnitskaya Street, Moscow, Russian Federation

Evgeny Y. Shelepin – Researcher, Laboratory of Speech Psychophysiology, I. P. Pavlov Institute of Physiology, Russian Academy of Sciences

e-mail: sey2@yandex.ru

Address: 199034, 6 Makarova Em-bankment, Saint Petersburg, Russian Federation

Ksenia A. Skuratova – Junior Researcher, Laboratory of Visual Physiology, I. P. Pavlov Institute of Physiology, Russian Academy of Sciences

e-mail: kseskurato-va@gmail.com

Address: 199034, 6 Makarova Em-bankment, Saint Petersburg, Russian Federation

52

ABSTRACT

Relevance. This comparative historical study examines the development of technical aids for Augmentative and Alternative Communication (AAC) across ten countries (the USA, Canada, the UK, Sweden, the Netherlands, West Germany, France, the USSR/Russia, Japan, and Czechoslovakia/Poland) between 1920 and 2000. The topic is relevant due to the growing importance of inclusive communication technologies and the need to understand cross-national differences in their historical formation.

Purpose. The aim of the study is to identify national trajectories of AAC technology development, test hypotheses regarding country-specific priorities in device creation, and construct an explanatory model of cross-national differences incorporating institutional and cultural factors.

Materials and methods. The study applies comparative-historical analysis and systematization of data on AAC devices, their years of introduction, and target clinical and age groups. A cartogram of national technological trajectories is developed. Four hypotheses are tested, and a nine-factor explanatory model is constructed using an interdisciplinary approach supported by structured data analysis.

Results. Four national models are identified: the Anglo-Saxon commercial-educational model, the Scandinavian universal-state model, the Continental medico-associative model, and the Soviet sensor-compensatory model. The Soviet tradition is shown not to have developed specialized AAC devices for motor-speech impairments, but it made significant contributions to assistive technologies for visual-hearing impairments and speech rehabilitation in aphasia. The cartogram reveals stable cross-national differences in technological trajectories and priorities.

Conclusion. The study demonstrates that theoretical and methodological frameworks of national special education systems significantly influence technological priorities in AAC development, with an impact comparable to that of legislation and funding mechanisms.

KEYWORDS: augmentative and alternative communication, AAC, history of special education, assistive technology, typhlosurdotechnology, cultural-historical psychology, defectology.

Conflict of interests. The authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

REFERENCES

1. Basilova, T. A. Teoreticheskaya razrabotka i prakticheskaya realizatsiya sistemy obucheniya slepoglukhikh A. I. Meshcheryakovym (k 85-letiyu so dnya rozhdeniya) / T. A. Basilova // Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya. - 2008. - Vol. 4, no. 3. - P. 51–58.

2. Bitova, A. L. Kontseptsiya razvitiya sistemy al'ternativnoy i dopolni-tel'noy kommunikatsii v Rossiyskoy Federatsii do 2030 goda / A. L. Bitova, M. V. Pereverzeva, I. N. Tekotskaya [et al.] // *Obrazovatel'naya politika*. - 2024. - No. 3 (99). - Tekst : electronic // CyberLeninka. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-razvitiya-sistemy-alternativnoy-i-dopolnitelnoy-kommunikatsii-v-rossiyskoy-federatsii-do-2030-goda> (accessed: 27.02.2026).
3. Vygotsky, L. S. Myshlenie i rech': sbornik / L. S. Vygotsky. - Moscow : AST : Astrel', 2011. - 320 p.
4. Vygotsky, L. S. *Sobranie sochineniy: v 6 t. T. 5. Osnovy defektologii* / L. S. Vygotsky. - Moscow : Pedagogika, 1983.
5. Kozlova, K. M. Obzor sposobov al'ternativnoy kommunikatsii, primenyaemykh v otechestvennoy praktike spetsial'nogo obrazovaniya / K. M. Ko-zlova // *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. - 2018. - No. 58–4. - Tekst : electronic // CyberLeninka. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-sposobov-alternativnoy-kommunikatsii-primenyaemykh-v-otechestvennoy-praktike-spetsialnogo-obrazovaniya> (accessed: 27.02.2026).
6. Luriya, A. R. *Travmaticheskaya afaziya: klinika, semiotika i vosstanov-itel'naya terapiya* / A. R. Luriya. - Moscow : Izdatel'stvo AMN SSSR, 1947.
7. Luriya, A. R. *Vosstanovlenie funktsiy mozga posle voennoy travmy* / A. R. Luriya. - Moscow : Izdatel'stvo AMN SSSR, 1948.
8. Luriya, A. R. *Vysshie korkovye funktsii cheloveka i ikh narusheniya pri lokal'nykh porazheniyakh mozga* / A. R. Luriya. - Moscow : Izdatel'stvo MGU, 1962.
9. Meshcheryakov, A. I. *Slepoglukhonemye deti: razvitie psikhiki v protsesse formirovaniya povedeniya* / A. I. Meshcheryakov. - Moscow : Pedagogika, 1974.
10. Rau, F. F. *Metodika obucheniya proiznosheniyu v shkole glukhikh: posobie dlya uchiteley* / F. F. Rau, N. F. Slezina. - Moscow : Prosveshchenie, 1981.
11. Skorokhodova, O. I. *Kak ya vosprinimayu, predstavlyayu i ponimayu okruzhayushchiy mir* / O. I. Skorokhodova. - Moscow : Pedagogika, 1972.
12. Slezina, N. F. *Primenenie tekhnicheskikh sredstv v obuchenii glukhikh proiznosheniyu* / N. F. Slezina. - Moscow : Pedagogika, 1975.
13. Solov'eva, T. A. *Metodicheskie rekomendatsii po ispol'zovaniyu sredstv al'ternativnoy i dopolnitel'noy kommunikatsii v protsesse obucheniya i vospitaniya detey s TMNR* / T. A. Solov'eva, M. V. Pereverzeva, S. B. Lazurenko, N. N. Pavlo-va, L. A. Golovchits, T. A. Basilova, A. L. Bitova, T. N. Isaeva, O. V. Karanevskaya, I. A. Filatova. - Moscow : IKP, 2023. - 85 p.
14. Taptapova, S. L. *Vosstanovlenie zvuchnoy rechi u bol'nykh posle rezektsii ili udaleniya gortani* / S. L. Taptapova. - Moscow : Meditsina, 1985.
15. Tsvetkova, L. S. *Afaziya i vosstanovitel'noe obuchenie* / L. S. Tsvetko-va. - Moscow : Prosveshchenie, 1988.
16. Tsukerman, I. V. *Besedy o glukhote i tekhnike, pomogayushchey glu-khim* / I. V. Tsukerman. - Leningrad : Energiya, 1973.
17. Alm, N. Prediction and conversational momentum in an augmentative communication system / N. Alm, J. L. Arnott, A. F. Newell // *Communications of the ACM*. - 1992. - Vol. 35, no. 5. - P. 46–57. - <https://doi.org/10.1145/129875.129878>
18. Baker, B. Minspeak: A semantic compaction system that makes self ex-pression easier for communicatively disabled individuals / B. Baker // *Byte*. - 1982. - Vol. 7, no. 9. - P. 186–202
19. Beukelman, D. R. *Augmentative and alternative communication: Sup-porting children and adults with complex communication needs* / D. R. Beukelman, P. Mirenda. - 4th ed. - Baltimore, MD: Paul H. Brookes, 2013
20. Carlson, R. A multi-language text-to-speech module / R. Carlson, B. Granström, S. Hunnicutt // *Proceedings of the IEEE International Conference on Acoustics, Speech and Signal Processing (ICASSP '82)*. - 1982. - P. 1604–1607
21. Farwell, L. A. Talking off the top of your head: toward a mental pros-thesis utilizing event-related brain potentials / L. A. Farwell, E. Donchin // *Electroen-cephalography and Clinical Neurophysiology*. - 1988. - Vol. 70, no. 6. - P. 510–523. - [https://doi.org/10.1016/0013-4694\(88\)90149-6](https://doi.org/10.1016/0013-4694(88)90149-6)
22. Goldstein, H. New method of communication for the aphasic patient / H. Goldstein, H. Cam-eron // *Arizona Medicine*. - 1952. - Vol. 8. - P. 17–21
23. Hilgers, F. J. M. A new low-resistance, self-retaining prosthesis (Provox) for voice rehabilitation after total laryngectomy / F. J. M. Hilgers, P. F. Schouwenburg // *Laryngoscope*. - 1990. - Vol. 100, no. 11. - P. 1202–1207
24. Hourcade, J. A history of augmentative and alternative communication for individuals with severe and profound disabilities / J. Hourcade, T. Pilotte, E. West, P. Parette // *Focus on Autism and Other Developmental Disabilities*. - 2004. - Vol. 19, no. 4. - P. 235–244. - <https://doi.org/10.1177/10883576040190040501>
25. Maling, R. G. Electronic controls for the tetraplegic (P.O.S.M.) / R. G. Maling, D. C. Clarkson //

Paraplegia. - 1963. - Vol. 1. - P. 161–174

26. North, D. C. Institutions, institutional change and economic performance. - Cambridge: Cambridge University Press, 1990

27. Ragin, C. C. The comparative method: Moving beyond qualitative and quantitative strategies. - Berkeley: University of California Press, 1987

28. Vanderheiden, G. C. A journey through early augmentative communication and computer access / G. C. Vanderheiden // Journal of Rehabilitation Research and Development. - 2002. - Vol. 39, no. 6 (Suppl.). - P. 39–54

29. Wilken, E. Sprachförderung bei Kindern mit Down-Syndrom: Mit ausführlicher Darstellung des GuK-Systems / E. Wilken. - Stuttgart: Kohlhammer, 2014

30. Zangari, C. Augmentative and alternative communication: An historic perspective / C. Zangari, L. L. Lloyd, B. Vicker // Augmentative and Alternative Communication. - 1994. - Vol. 10, no. 1. - P. 27–59. - <https://doi.org/10.1080/07434619412331276740>

Received: 25.05.2026

Accepted: 06.06.2026

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РОДИТЕЛЬСКИХ УСТАНОВОК НА ВОСПИТАНИЕ У «ВЫГОРАЮЩИХ» МАТЕРЕЙ ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЯМИ СЛУХА

© Л.Н. Молчанова, А.В. Стулова

Молчанова Л.Н. - доктор психологических наук, профессор кафедры психологии здоровья и нейропсихологии, Курский государственный медицинский университет

e-mail: molchanowa.liuda@yandex.ru

Адрес: 305000, Курск, ул. К. Маркса, 3, Российская Федерация

Стулова А.В. - кандидат психологических наук, дефектолог-логопед, Центр Доступной Абилитации «Добрее»

e-mail: nuta-vasilevna@rambler.ru

Адрес: 180017, Псков, ул. Гражданская, д. 19А, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность. На сегодняшний день состояние выгорания является серьезной проблемой для современного человека, живущего в условиях постоянного стресса. Особенно остро это проявляется в воспитании детей с ограниченными возможностями здоровья, когда родительство представляет собой непрерывный стресс, а хроническое перенапряжение способно разрушить не только психологическое состояние самого родителя, но и гармонию в детско-родительских отношениях и семье в целом.

Цель исследования состоит в выявлении специфики родительских установок у матерей, подверженных родительскому выгоранию, при воспитании детей с нарушениями слуха. Полученные данные станут основой для разработки программ психологической профилактики данного состояния.

Материалы и методы. В исследовании, проведенном на базе курской и белгородской школ-интернатов для детей с нарушениями слуха, приняли участие 88 работающих матерей. Возраст респондентов составил от 24 до 65 лет, стаж работы — от 1 до 40 лет. На основании уровня родительского выгорания выборка была разделена на экспериментальную группу (высокий уровень, $n=44$) и контрольную (низкий уровень, $n=44$).

Результаты. Эмпирически выявлены особенности структурной организации родительских установок «выгорающих» матерей на воспитание детей с нарушениями слуха. Факторами, вызывающими выгорание у родителей, выступают такие компоненты ее структуры, как «Отношение к семейной роли», «Излишняя эмоциональная дистанция с ребенком» и «Излишняя концентрация на ребенке», а ингибирующими его появление - «Оптимальный эмоциональный контакт». Что касается базовых элементов структуры родительских установок, то «Доминирование матери» и «Сверхавторитет родителей», «Излишняя строгость», «Исключение внутрисемейных влияний» и «Чрезвычайное вмешательство в мир ребенка» провоцируют родительское выгорание, а «Партнерские отношения» - предотвращает его появление.

Выводы. Психологическое истощение матерей провоцируется деструктивными установками: авторитарным стилем, гиперопекой и семейной изоляцией. При этом ими устанавливаются непрекрасимые правила и ожидания беспрекословного подчинения, Эмоциональный холод или отстраненность маскируются под воспитательные меры, систему запретов и высокие требования. А фокус на ребенке приобретает форму тотального контроля: «исключение внутрисемейных влияний» и «чрезвычайное вмешательство». Напротив, гармонизация отношений через партнерство выступает главным ресурсом, предотвращающим развитие выгорания. Это связано с тем, что деструктивные установки истощают внутренние резервы психики, а партнерство, доверие и равенство, напротив, создает условия для психологической разгрузки и гармоничного развития ребенка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: родительские установки; родительское выгорание; психологическая структура; матери; дети с нарушениями слуха.

Конфликт интересов. Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Родительское выгорание – состояние эмоционального, физического и психического истощения родителей, связанное с выполнением родительских обязанностей [6]. Хотя родительское выгорание часто рассматривается как следствие чрезмерной нагрузки и стрессовых факторов, влияние иррациональных родительских установок на воспитание [13], а также характера детско-родительских отношений на его развитие до сих пор недостаточно изучено [2, 3]. Базовые родительские установки, согласно можно свести к четырем типам: принятие и любовь; явное отвержение; излишняя требовательность; чрезмерная опека [5]. Согласно Р.В. Овчаровой одним из уровней родительских установок выступает «мы – родители нашего ребенка», то есть установки в детско-родительских отношениях.

Дети с трудностями в поведении, нарушениями психического развития, специфическими потребностями требуют от родителей значительно больших усилий, терпения и ресурсов, что повышает риск родительского выгорания [10]. Постоянный стресс, связанный с управлением поведением ребёнка, негативно сказывается на эмоциональном состоянии родителя. Некоторые дети, независимо от диагнозов, могут быть более тревожными, требовательными к вниманию, нуждаться в постоянном физическом контакте или эмоциональной поддержке. Если родитель не может адекватно удовлетворить эти потребности или чувствует, что они безграничны, это приводит к истощению и снижает чувство удовлетворенности родительство, способствуя развитию родительского выгорания. Так, ведущим фактором родительского выгорания у матерей младших школьников выступает неудовлетворенность материнством в сочетании со сверхтребовательностью к себе и ребёнку. «Выгорающие» матери демонстрируют установки на эссенциализм, интенсивную стимуляцию и трудность. При этом используют стили воспитания с элементами отвержения или гиперопеки, что провоцирует самый высокий уровень родительского выгорания, а искреннее принятие — самый низкий [1]. Родители детей с нарушениями слуха выгорают из-за колоссальной физической и эмоциональной нагрузки, вызванных как искажением стиля воспитания, что снижает уверенность ребёнка в себе и повышает его психологическую зависимость от взрослых [15], так и спецификой самого процесса реабилитации, который требует непрерывного участия родителей и концентрации их внимания в диалоге с детьми, постоянный контроль за аппаратами. Слухопротезирование, занятия с сурдопедагогом и логопедом отнимают много времени и сил, что вовлекают в стресс всю семью.

Родительское выгорание, в свою очередь, существенно влияет на стиль воспитания, качество детско-родительских отношений [4; 8; 9; 12]. Согласно исследованиям родительского стресса и выгорания, проводимым С.С. Савенышевой, для выгорающих матерей характерно использование гипопротекции (недостатка опеки), игнорирование потребностей и неустойчивость стиля воспитания, а также чрезмерность и минимальность санкций [12]. Позднее родительство, в частности матери, подверженные выгоранию, в отношениях с ребёнком характеризуются эмоциональным отвержением, неспособностью к сотрудничеству, дистанцированием и недостаточным контролем, обесцениванием успехов и фиксацией на его неудачах [9]. Истощение эмоциональных ресурсов приводит к снижению эмоциональной доступности родителя. Ребёнок может испытывать недостаток тепла, поддержки и понимания, что негативно сказывается на привязанности и формировании здоровых отноше-

ний. Выгоревший родитель часто испытывает раздражительность, снижение терпения и трудно контактирует с ребенком. Это может приводить к постоянным конфликтам и недопониманию, усугубляя и без того сложные отношения. Родительское выгорание может приводить к изменению стиля воспитания: родитель может стать более авторитарным, жестким или, наоборот, чрезмерно попустительским. Оба варианта негативно сказываются на развитии ребенка. Стремясь контролировать ситуацию и снизить собственный стресс, выгоревший родитель может применять чрезмерный контроль над ребенком, что может привести к еще большему напряжению в отношениях.

Родительское выгорание затрагивает как матерей, так и отцов. Ему способствуют низкий эмоциональный интеллект, стресс на работе и отсутствие семейной поддержки. Уровень выгорания сильно различается в зависимости от страны и культуры. Это состояние разрушает отношения в семье, тормозит эмоциональное развитие детей [17].

Таким образом, целью исследования выступает изучение особенностей структуры родительских установок «выгорающих» матерей на воспитание детей с ограниченными возможностями здоровья (с нарушениями слуха), что послужит основой в разработке мероприятий по психологической профилактике родительского выгорания.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Данное эмпирическое исследование проводилось на базах: ОКОУ «Курская школа-интернат», ГБОУ Белгородская Коррекционная Общеобразовательная школа-интернат № 23. В нем приняло участие 88 работающих матерей детей с нарушениями слуха в возрасте от 24 до 65 лет, имеющих стаж профессиональной деятельности от года до 40 лет. В экспериментальную группу (ЭГ) вошли матери с высоким уровнем родительского выгорания ($n=44$), а в контрольную (КГ) – с низким.

Для диагностики родительского выгорания использовали методику «Родительское выгорание» (И.Н. Ефимова) [6], Диагностику родительских установок осуществляли с помощью опросника PARI (Е. Шефер и К. Белл в адаптации Т.В. Нещерет) [11].

Математико-статистическую обработку информации проводили с помощью программного продукта "Statistica 7.0", метода структурно-психологического анализа А.В. Карпова для оценки степени когерентности, дивергентности и организованности корреляционных плеяд, метод экспресс- χ^2 для сравнения матриц и структурограмм на их гомогенность-гетерогенность [7].

Метод структурно-психологического анализа (А.В. Карпов), в отличие от аналитического подхода, позволяет выявить базовые качества и особенности внутрисистемных изменений не только внутри изучаемой структуры эмоционального выгорания в целом, но и на уровне отдельно взятых его компонентов (фаз). Его применение включает построение на основе матриц интеркорреляций исследуемых параметров структурограмм, вычисление индекса структурной организации, характеризующего меру интегрированности структуры значимо коррелирующих параметров, определения гомогенности и гетерогенности полученных структур. Определение структуры, как подчеркивает А.В. Карпов, представляет собой раскрытие особенностей строения и внутренней организации, выделение основных компонентов и изучение связей между ними [7].

Результаты и их обсуждение. Аналитический уровень анализа родительского выгорания матерей детей с нарушениями слуха засвидетельствовал следующие результаты (см. таблицу 1), которые указывают на эмоциональную опустошенность, нехватку внутренних ресурсов, хроническую усталость, притупление

эмоций и равнодушие, а также восприятие любых потребностей ребенка как непосильной ноши.

Проявлением бездушного, формального отношения к ребенку. является желание дистанцироваться, воспринимать его как набор обязанностей (покормить, одеть, уложить). Негативная оценка себя как родителя, обесценивание своих успехов в воспитании проявляется в виде утраты чувства компетентности. При

Таблица 1. Описательная статистика показателей родительского выгорания матерей ЭГ и КГ
Table 1. Descriptive statistics of parental burnout indicators for mothers in the EG and KG

Наименование показателя	$\bar{X} \pm \sigma$	качеств.
Эмоциональное истощение	20,1±10,08	высокий
Деперсонализация	5,51±4,83	высокий
Редукция родительских достижений	35,13±8,23	средний

* – статистическая значимость при $p < 0.05$:

этом действия по уходу за ребенком упрощаются, сводятся к минимуму, а вера в успешность реализации воспитательной функции исчезает.

Психологическая диагностика родительских установок на воспитание матерей ЭГ и КГ детей с нарушениями слуха позволила получить следующие результаты.

Согласно результатам, отраженным в таблицах 2 и 3, «выгорающие» матери из экспериментальной группы (ЭГ) демонстрируют более выраженные родительские установки. В отличие от контрольной группы (КГ), их показатели по опроснику PARI в отношении воспитания детей с нарушениями слуха сосредоточены преимущественно в диапазоне средних и высоких значений.

Таким образом, матери с высоким уровнем выгорания чаще склонны к гиперопеке, подавлению воли и чрезмерной концентрации на ребенке. В этой связи воспитание слабослышащего ребенка объективно требует от матери постоянного контроля и включенности, и многие установки, являющиеся в

Таблица 2. Описательная статистика показателей родительских установок матерей ЭГ (n=44)
Table 2. Descriptive statistics of parental attitudes of mothers in the EG (n=44)

Наименование показателя	Количественный						Качественный Me
	Mean	Confidence -95,00%	Confidence +95,00%	Median	Percentile 25,00000	Percentile 75,00000	
Вербализация	17,88	16,98	18,79	18,00	16,00	19,00	высокий
Чрезмерная забота	15,47	14,62	16,33	16,00	15,00	16,00	средний
Зависимость от семьи	16,76	15,73	17,80	17,00	16,00	18,00	высокий
Подавление воли	16,65	15,40	17,89	17,00	16,00	18,00	высокий
Ощущение самопожертвования	15,94	14,69	17,19	16,00	15,00	18,00	средний
Опасение обидеть	16,65	15,62	17,67	17,00	16,00	18,00	высокий
Семейные конфликты	16,82	15,46	18,19	17,00	16,00	19,00	высокий
Раздражительность	17,06	15,99	18,13	18,00	17,00	18,00	высокий
Излишняя строгость	16,55	14,98	17,72	17,00	16,00	18,00	высокий

Исключение внутрисемейных влияний	15,88	14,89	16,88	16,00	15,00	17,00	средний
Сверхавторитет родителей	17,18	16,26	18,09	17,00	17,00	18,00	высокий
Подавление агрессивности	16,24	15,15	17,32	17,00	16,00	18,00	средний
Неудовлетворенность ролью хозяйки	14,59	13,68	15,50	14,00	14,00	15,00	средний
Партнерские отношения	16,88	15,68	18,09	17,00	16,00	18,00	высокий
Развитие активности ребенка	16,59	15,07	18,11	17,00	16,00	18,00	высокий
Уклонение от конфликта	16,47	15,47	17,47	17,00	16,00	18,00	средний
Безучастность мужа	16,88	15,50	18,27	17,00	16,00	18,00	высокий
Подавление сексуальности	15,47	14,20	16,74	15,00	15,00	17,00	средний
Доминирование матери	15,35	14,33	16,38	15,00	15,00	17,00	средний
Чрезвычайное вмешательство в мир ребенка	16,53	15,09	17,97	17,00	16,00	19,00	высокий
Уравненные отношения	16,65	15,09	18,20	18,00	16,00	18,00	высокий
Стремление ускорить развитие ребенка	16,24	15,11	17,36	17,00	16,00	17,00	средний
Несамостоятельность матери	16,41	15,00	17,82	17,00	16,00	18,00	средний

норме «негативными, становятся вынужденной, адаптивной реакцией. Высокие баллы по одним шкалам методики Т.В. Нещерет [11] сочетаются с высокими баллами по другим, когда матери могут одновременно демонстрировать и «вербализацию» и «ощущение самопожертвования», что способствует эмоциональному истощению и её и приводит к выгоранию.

Высокие значения по шкалам «излишняя строгость» или «зависимость от семьи» у выгоревших матерей понимаем как компенсаторный механизм, который отражают попытку справиться с тревогой за слабослышащего ребенка. При низком уровне выгорания (см. таблицу 3) родительские установки более гармоничные и демократичные .

Сравнительный анализ степени выраженности показателей воспитательных установок «выгорающих» и «невыгорающих» матерей детей с нарушениями слуха, выполненный с использованием непараметрического критерия U-Манна Уитни, указал на статистическую значимость различий по всем шкалам методики PARI, что свидетельствует о том, что родительское выгорание принципиально изменяет их внутрисемейные отношения и отношение к воспитанию ребенка.

Следовательно, «выгорающие» матери в большей степени демонстрируют авторитаризм, чрезмерную строгость, дефицит оптимального эмоционального контакта, эмоциональную дистанция и отстраненность Их характеризует ощущение зависимости от семьи, повышенная раздражительность, чувство жертвенности и опасения за здоровье ребенка.

На структурном уровне анализа родительских установок матерей ЭГ и КГ на воспитание детей с нарушениями слуха определены меры интегрированности компонентов изучаемых психологических структур (см. таблицу 5) и выявлены их базовые качества (см. таблицу 6).

Величина индекса когерентности и общей организованности психологической

Таблица 3. Описательная статистика показателей родительских установок матерей КГ (n=44)
Table 3. Descriptive statistics of the parental attitudes of the mothers in the control group (n=44)

Наименование показателя	Количественный						Качественный
	Mean	Confidence 95,00%	Confidence +95,00%	Median	Percentile 25,00000	Percentile 75,00000	Me
Вербализация	14,81	13,45	16,18	15,00	14,50	16,00	средний
Чрезмерная забота	13,56	12,38	14,75	14,00	12,00	15,00	низкий
Зависимость от семьи	13,63	12,53	14,72	14,00	12,00	15,00	низкий
Подавление воли	13,06	11,90	14,22	13,50	11,50	14,50	низкий
Ощущение самопожертвования	12,25	10,89	13,61	11,50	10,00	15,00	низкий
Опасение обидеть	11,81	10,25	13,37	11,00	9,50	14,50	низкий
Семейные конфликты	12,63	11,24	14,01	12,50	10,00	15,00	низкий
Раздражительность	12,44	11,10	13,77	13,00	10,50	15,00	низкий
Излишняя строгость	12,19	11,08	13,29	12,00	10,50	14,00	низкий
Исключение внутрисемейных влияний	12,06	11,08	13,04	12,00	10,50	13,50	низкий
Сверхавторитет родителей	12,75	11,35	14,15	13,00	11,50	14,00	низкий
Подавление агрессивности	12,13	10,85	13,40	12,00	10,50	13,50	низкий
Неудовлетворенность ролью хозяйки	11,75	10,56	12,94	11,00	10,50	13,00	низкий
Партнерские отношения	11,69	10,21	13,17	12,00	9,50	14,00	низкий
Развитие активности ребенка	11,88	10,81	12,94	12,00	10,50	13,50	низкий
Уклонение от конфликта	11,63	10,65	12,60	11,00	11,00	13,00	низкий
Безучастность мужа	11,31	10,15	12,48	11,50	9,50	13,00	низкий
Подавление сексуальности	11,38	10,26	12,49	11,50	10,00	13,00	низкий
Доминирование матери	11,88	10,81	12,94	12,00	11,00	13,50	низкий
Чрезвычайное вмешательство в мир ребенка	12,50	11,43	13,57	12,50	11,50	14,00	низкий
Уравненные отношения	12,69	11,34	14,03	13,00	11,00	15,00	низкий
Стремление ускорить развитие ребенка	12,38	11,60	13,15	12,50	11,00	13,50	низкий
Несамостоятельность матери	12,56	11,53	13,59	12,50	11,00	14,50	низкий

структуры родительских установок на воспитание матерей ЭГ выше, чем у КГ, что свидетельствует о развитости за счет высокой степени организованности таких ее компонентов, как «Отношение к семейной роли», «Излишняя эмоциональная дистанция с ребенком» и «Излишняя концентрация на ребенке» - ее катализаторов (см. таблицу 5). Таким образом, высокий уровень родительского выгорания сопровождается формированием жесткой и ригидной, но внутренне согласованной (когерентной) структуры установок. Указанные компоненты объединяются в единый защитный комплекс, который отражает

Таблица 4. Описательная статистика и сравнительный анализ показателей родительских установок матерей ЭГ и КГ на воспитание детей с нарушениями слуха (U-критерий Манна Уитни при $p < 0,05$)

Table 4. Descriptive statistics and comparative analysis of the parental attitudes of mothers in the EG and CG towards raising children with hearing impairments (Mann-Whitney U-test, $p < 0.05$)

Наименование показателя	ЭГ	КГ	U	p-level
	$\bar{X} \pm \sigma$	$\bar{X} \pm \sigma$		
Вербализация	17,88±1,76	14,81±2,56	36,50*	0,000287
Чрезмерная забота	15,47±1,66	13,56±2,22	66,50*	0,010101
Зависимость от семьи	16,76±2,02	13,63±2,06	29,50*	0,000106
Подавление воли	16,65±2,42	13,06±2,17	32,50*	0,000176
Ощущение самопожертвования	15,94±2,44	12,25±2,54	31,00*	0,000123
Опасение обидеть	16,65±2,00	11,81±2,93	20,00*	0,000025
Семейные конфликты	16,82±2,65	12,63±2,60	32,00*	0,000161
Раздражительность	17,06±2,08	12,44±2,50	21,00*	0,000029
Излишняя строгость	16,35±2,67	12,19±2,07	28,50*	0,000096
Исключение внутрисемейных влияний	15,88±1,93	12,06±1,84	20,50*	0,000028
Сверхавторитет родителей	17,18±1,78	12,75±2,62	19,50*	0,000024
Подавление агрессивности	16,24±2,11	12,13±2,39	30,00*	0,000118
Неудовлетворенность ролью хозяйки	14,59±1,77	11,75±2,24	42,00*	0,000605
Партнерские отношения	16,88±2,34	11,69±2,77	22,50*	0,000040
Развитие активности ребенка	16,59±2,96	11,88±2,00	22,00*	0,000037
Уклонение от конфликта	16,47±1,94	11,63±1,82	13,00*	0,000008
Безучастность мужа	16,88±2,69	11,31±2,18	18,50*	0,000022
Подавление сексуальности	15,47±2,48	11,38±2,09	25,00*	0,000056
Доминирование матери	15,35±2,00	11,88±2,00	26,00*	0,000062
Чрезвычайное вмешательство в мир ребенка	16,53±2,81	12,50±2,00	30,00*	0,000122
Уравненные отношения	16,65±3,02	12,69±2,52	37,50*	0,000351
Стремление ускорить развитие ребенка	16,24±2,19	12,38±1,45	17,50*	0,000017
Несамостоятельность матери	16,41±2,74	12,56±1,93	31,50*	0,000148

* – статистическая значимость при $p < 0,05$;

крайнее истощение Сверхконцентрация на семье и ребенке в сочетании с эмоциональной отстраненностью выступает не хаотичной реакцией, а устойчивым защитным механизмом. При этом мать начинает воспринимать материнство как тяжелую повинность, стараясь сохранить баланс между сверхконтролем и отстранением от ребенка, что еще больше усиливает родительское выгорание

У матерей КГ такой компонент, как «Оптимальный эмоциональный контакт», родительских установок на воспитание ингибирует родительское выгорание. Следовательно, при таком контакте принятие ребенка, открытость, интерес к его жизни дают энергию на дальнейшее его воспитание, избавляя от лишних

Таблица 5. Мера интегрированности структурных компонентов родительских установок на воспитание матерей ЭГ и КГ, воспитывающих детей с нарушениями слуха

Table 5. Measure of the integration of the structural components of parental attitudes towards the upbringing of mothers of EG and CG children with hearing impairments

Мера интегрированности структурных компонентов	КГ	ЭГ
Отношение к семейной роли		
ИКС	102	106
ИДС	0	0
ИОС	102	106
Оптимальный эмоциональный контакт		
ИКС	24	18
ИДС	0	0
ИОС	24	18
Излишняя эмоциональная дистанция с ребенком		
ИКС	4	18
ИДС	0	0
ИОС	4	18
Излишняя концентрация на ребенке		
ИКС	86	126
ИДС	0	0
ИОС	86	126
Вся структура в целом		
ИКС	850	1053
ИДС	0	0
ИОС	850	1053

Примечание: ИКС – индекса когерентности структуры; ИДС – индекс дивергентности (дифференцированности) структуры; ИОС – индекс организованности структуры; ЭГ – матери детей с нарушениями слуха, имеющие высокий уровень родительского выгорания; КГ – матери детей с нарушениями слуха, имеющие низкий уровень родительского выгорания

родительских разочарований и обид.

Как видно из таблицы 6, к специфическим базовым элементам, интегрирующим структуру такого компонента, как «Отношение к семейной роли» у матерей ЭГ относятся «Доминирование матери» и «Сверхавторитет родителей», а у матерей КГ – «Зависимость от семьи» и «Ощущение самопожертвования». Структуру компонента «Оптимальный эмоциональный контакт» матерей ЭГ специфицируют базовые элементы «Уравненные отношения», у матерей КГ – «Партнерские отношения»; компонента «Излишняя эмоциональная дистанция с ребенком»: у матерей ЭГ – «Излишняя строгость», а у матерей КГ – «Уклонение от конфликта»; компонента «Излишняя концентрация на ребенке» у матерей ЭГ – «Исключение внутрисемейных влияний» и «Чрезвычайное вмешательство в мир ребенка», а у матерей КГ – «Подавление сексуальности» и «Опасение обидеть». Значимыми катализаторами родительского выгорания матерей, воспитывающих детей с нарушениями слуха, выступают такие базовые элементы структуры их родительских установок на воспитание, как «Доминирование матери» и «Сверхавторитет родителей», «Излишняя строгость», «Исключение внутрисемейных влияний» и «Чрезвычайное вмешательство в мир ребенка», а его ингибиторами – элемент «Партнерские отношения».

Следовательно, жесткий контроль и позиция «родитель всегда прав» заставляют маму постоянно удерживать власть усиливают эмоциональное напряжение. Постоянные высокие требования к ребенку и чрезмерная дисциплина также создают напряженную атмосферу, усиливая тревогу и вину. Отстранение других членов семьи от воспитания приводит к социальной изоляции матери, и вся нагрузка и ответственность за воспитание ребенка ложится на ее плечи.

Таблица 6. Базовые качества структурных компонентов родительских установок на воспитание у матерей ЭГ и КГ, воспитывающих детей с нарушениями слуха

Table 6. Basic qualities of the structural components of parental attitudes towards raising children with hearing impairments

№ при знака	Наименование показателя	КГ				ЭГ			
		Е ⁺	Е ⁻	Е ₀	ранг	Е ⁺	Е ⁻	Е ₀	ранг
Отношение к семейной роли									
3	Зависимость от семьи	15	0	15	2	14	0	14	5
5	Ощущение самопожертвования	14	0	14	4,5	10	0	10	7
7	Семейные конфликты	14	0	14	4,5	16	0	16	3,5
11	Сверхавторитет родителей	14	0	14	4,5	16	0	16	3,5
13	Неудовлетворенность ролью хозяйки	6	0	6	8	2	0	2	8
17	Безучастность мужа	14	0	14	4,5	13	0	13	6
19	Доминирование матери	8	0	8	7	18	0	18	1
23	Несамостоятельность матери	17	0	17	1	17	0	17	2
Оптимальный эмоциональный контакт									
1	Вербализация	5	0	5	3,5	1	0	1	4
14	Партнерские отношения	5	0	5	3,5	5	0	5	3
15	Развитие активности ребенка	8	0	8	1	6	0	6	1,5
21	Уравненные отношения	6	0	6	2	6	0	6	1,5
Излишняя эмоциональная дистанция с ребенком									
8	Раздражительность	2	0	2	1,5	6	0	6	2,0
9	Излишняя строгость	2	0	2	1,5	6	0	6	2,0
16	Уклонение от конфликта	0	0	0	3	6	0	6	2,0
Излишняя концентрация на ребенке									
2	Чрезмерная забота	9	0	9	6,5	12	0	12	7
4	Подавление воли	9	0	9	6,5	17	0	17	4,5
6	Опасение обидеть	13	0	13	2	17	0	17	4,5
10	Исключение внутрисемейных влияний	6	0	6	8	19	0	19	2
12	Подавление агрессивности	17	0	17	1	18	0	18	3
18	Подавление сексуальности	12	0	12	3	8	0	8	8
20	Чрезвычайное вмешательство в мир ребенка	10	0	10	4,5	20	0	20	1
22	Стремление ускорить развитие ребенка	10	0	10	4,5	15	0	15	6

Примечание: ЭГ – матери детей с нарушениями слуха, имеющие высокий уровень родительского выгорания; КГ – матери детей с нарушениями слуха, имеющие низкий уровень родительского выгорания.

Тотальный контроль за каждым шагом, гиперопека и нарушение личных границ не дают ребенку возможность развивать самостоятельность, а маму лишают свободного времени и ресурсов, что способствует родительскому выгоранию. Напротив, выстраивание доверительного, равного общения с ребенком и разделение обязанностей с другими членами семьи снижает груз ответственности и помогает восстанавливать силы, что препятствует родительскому выгоранию.

Оценка гомогенности и гетерогенности компонентов родительских установок на воспитание у «выгорающих» матерей детей с нарушениями слуха, выполненная с помощью метода экспресс-χ², засвидетельствовала отсутствие

корреляционных взаимосвязей между ранговыми распределениями показателей таких структур, как «Отношение к семейной роли», «Оптимальный эмоциональный контакт» и «Излишняя концентрация на ребенке» (см. таблицу 7), что указывает на их гетерогенность и свидетельствует о влиянии родительского выгорания на воспитательные установки матерей детей с нарушениями слуха.

Полученные результаты не противоречат результатам зарубежных исследований.

Количественный этап исследования родительских установок матерей на воспитание детей, проведенное Sema Öngören Özcan (2025), показал высокий

Таблица 7. Корреляционные взаимосвязи показателей рангов структур компонентов родительских установок на воспитание матерей детей с нарушениями слуха (r - Спирмен, $p < 0,05$)

Table 7. Correlation relationships between the ranks of the components of parental attitudes and the upbringing of mothers of children with hearing impairments (r -Spearman, $p < 0,05$)

Компонент Группа	Отношение к семейной роли		Оптимальный эмоциональный контакт		Излишняя эмоциональная дистанция с ребенком		Излишняя концентрация на ребенке	
	1,00	0,28	1,00	0,89	1,00	-	1,00	0,11
ЭГ	1,00	0,28	1,00	0,89	1,00	-	1,00	0,11
КГ	0,28	1,00	0,89	1,00	-	1,00	0,11	1,00

Примечание: ЭГ – матери детей с нарушениями слуха, имеющие высокий уровень родительского выгорания; КГ – матери детей с нарушениями слуха, имеющие низкий уровень родительского выгорания

уровень вовлеченности матерей в процесс воспитания. Результаты качественного анализа свидетельствуют о том, что основой удовлетворенности родительством выступают совместное времяпрепровождение, разнообразные занятия с детьми, выражение чувств и доверительные беседы. Высокий уровень родительской компетентности реализуется в социальной и психологической поддержке, в стремлении к саморазвитию, трансляции позитивного примера и контроле за развитием ребенка. Для удовлетворения детских потребностей матери в первую очередь используют эмпатичное слушание, любовь и организацию совместного досуга [18].

Систематический обзор научных статей, опубликованных с 2010 по июль 2023 года, с использованием баз данных PubMed, Web of Science, EBSCO, CNKI и WanFang и ключевых запросов таких, как «воспитание детей», «родительский», «выгорание», «психологическое выгорание», «синдром выгорания», выделил главные триггеры родительского выгорания. К ним относятся индивидуальные особенности (пол, образование, перфекционизм и стиль привязанности) и межличностные факторы (качество детско-родительских отношений, атмосфера в семье и степень удовлетворенности браком) [20].

Аналогично результатам, полученным Т. Ю. Фадеевой в 2021 году [14], наше исследование выявило, что матери демонстрируют наибольшую взаимосвязь между компонентами родительского выгорания и родительскими установками. Наше исследование подтверждает, что чрезвычайное вмешательство в мир ребенка или сверхконтроль тесно связано с родительским выгоранием. При этом именно психологический контроль выступает механизмом-посредником: эмоциональное истощение родителей опосредованно снижает академическую успеваемость подростков и ухудшает их социализацию [19].

Наш результат о том, что доминирование матери ускоряет развитие родительского выгорания, согласуется с исследованием А.А. Любушиной и С.С.

Савенышевой (2026). Согласно их исследованию, взаимосвязь родительского стресса, выгорания, стиля материнского воспитания и эмоционально-поведенческих трудностей дошкольников, чрезмерное количество запретов, санкций и жестких требований провоцирует у матерей хронический стресс. Возникающее на его фоне родительское выгорание, в свою очередь, способствует усилению гипопротекции [16].

Выводы. Исследование особенностей структурной организации родительских установок на воспитание у «выгорающих» матерей детей с нарушениями слуха с использованием метода структурно-психологического анализа позволило сформулировать следующие выводы:

- на уровне компонентов структуры - излишняя концентрация на ребенке, возникающая как попытка заглушить чувство вины за неосознанное эмоциональное отторжение, чтобы сохранить личностные ресурсы, порождает восприятие воспитания детей с нарушениями слуха как бремени и ощущение постоянного самопожертвования и способствует возникновению и развитию родительского выгорания. Напротив, открытый диалог с ребенком на равных и перераспределение домашних обязанностей между членами семьи снижают психоэмоциональное напряжение и предотвращает родительское выгорание;
- на уровне элементов структуры - жесткая авторитарность матери, подавление личности ребенка, неоправданно высокие требования и наказания за их невыполнение, вызванные страхом за будущее ребенка, его изоляция от других родственников и отстранение отца, когда мать одна выполняет воспитательную функцию - все это лишает ее личностных и физических ресурсов и вызывает родительское выгорание. Партнерские же отношения, основанные на уважении, равноправии, эмоциональном принятии и диалоге, напротив, снижают риск эмоционального истощения, выступая ингибиторами родительского выгорания;
- родительское выгорание матерей выступает предиктором качественных изменений в структурной организации их родительских установках на воспитание детей с нарушениями слуха;
- выявленные с помощью метода структурно-психологического анализа особенности структурной организации родительских установок на воспитание у «выгорающих» матерей детей с нарушениями слуха выступают мишенями коррекционно-профилактической работы с родительским выгоранием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апанович, Т.М. Симптомы эмоционального выгорания матерей младших школьников: роль установок на интенсивное родительство и стилей родительского отношения / Т. М. Апанович, А. Б. Серых, // Российский психологический журнал, 2024. - 21(2), 22–34. - URL : <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.2.2>
2. Базалева, Л.А. Возможности исследования эмоционального «выгорания» у матерей в психологии личности / Л.А. Базалева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Педагогика и психология». - 2010. - № 1. - С. 174-182.
3. Базалева, Л.А., Личностные факторы эмоционального "выгорания" матерей / Л.А. Базалева, А.А. Смирнова // European Social Science Journal. - 2014. - № 2-1 (41). - С. 378-384.
4. Болотова, Е.А. Профилактика родительского выгорания как условия формирования гармоничных детско-родительских отношений / Е.А. Болотова, М.А. Канищева // Матрица научного познания. - 2022. - № 8-1. - С. 77-80.
5. Гришина, А.В. Особенности родительских установок и эмоционального интеллекта в семьях, воспитывающих детей дошкольного возраста / А.В. Гришина, М.В. Косцова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. - Т.10 (76). - 2024. - № 2. - С. 101-110.
6. Ефимова И.Н. Возможности исследования родительского «выгорания» / И.Н. Ефимова

// Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. - №4. - 2013. - С.31-40.

7. Карпов, А.В. Психология принятия управленческих решений / А.В. Карпов. - М.: Юрист, 1998.

8. Мамонова, Е.Б. Синдром родительского выгорания в зарубежной и отечественной психологии / Е.Б. Мамонова, О.Н. Колесникова // Нижегородский психологический альманах. - 2023. - № 2. - С. 186-194.

9. Мелех, Т. Детско-родительские отношения в позднем родителстве в зависимости от уровня родительского выгорания / Т. Мелех / Социокультурные и психологические проблемы современной семьи: актуальные вопросы сопровождения и поддержки: сб. материалов VIII Междунар. науч.-прак. конф. - Чебоксары, 2022. - С. 52-55.

10. Пинчук, О.А. Взаимосвязь эмоционального выгорания с образом ребенка у родителей, воспитывающих детей с ОВЗ / О.А. Пинчук, Ю.Е. Брицкая // Вестник науки. - 2024. - Т. 3. - № 5 (74). - С. 978-986.

11. Психологические тесты / сост. С. Касьянов. - М. : Эксмо, 2006. - 608 с.

12. Савенышева, С.С. Родительский стресс и выгорание матерей детей раннего и дошкольного возраста и семейные отношения / С.С. Савенышева, А.А. Любушина, В.А. Дорошенко / Психология стресса и совладающего поведения: ресурсы и устойчивость в мире неопределенности: сб. материалов VII Международной науч.-прак. конф. - Кострома, 2025. - С. 365-368.

13. Сунцова, Я.С. Связь эмоционального выгорания матерей с иррациональными установками в мышлении / Я.С. Сунцова // Научно-педагогическое обозрение. - 2024. - Вып. 1 (53). - С. 149-158. - URL : <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2024-1-149-158>.

14. Фадеева, Т. Ю. Психологические факторы родительского выгорания отцов и матерей / Т.Ю. Фадеева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. - 2021. - Т. 10, вып. 4 (40). - С. 334-343. - URL : <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2021-10-4-334-343>.

15. Чеканова А.В., Молчанова Л.Н. Проблема детско-родительских отношений в семьях, воспитывающих ребенка с нарушениями слуха / В сборнике: Лучшая научная статья 2016. сборник статей III Международного научно-практического конкурса. Пенза, 2016. - С. 173-176.

16. Liubushina, A.A., Savenysheva, S.S. The relationship between parenting stress, burnout, maternal parenting style, and emotional and behavioral difficulties in preschool children. *Psychological Science and Education*, 2026, 31(2), 69-82. (In Russ.). - URL : <https://doi.org/10.17759/pse.2026310205>

17. Patrik M Bogdán, Katalin Varga, Livia Tóth, Kristóf Gróf, Annamária Pakai Parental Burnout: A Progressive Condition Potentially Compromising Family Well-Being—A Narrative Review // *Healthcare (Basel)*. 2025 Jul 4;13(13):1603. DOI: 10.3390/healthcare13131603

18. Sema Öngören Özcan. Mothers' attitudes towards parenting: The mixed-methods study. *Mehmet Akif Ersoy University Journal of Education Faculty*, 2025, 76 PP. 134-148. DOI:10.21764/mauefd.1738602.

19. Wei Wang, Shen Chen, Shengnan Wang, Geyan Shan, Yongxin Li .Parental Burnout and Adolescents' Development: Family Environment, Academic Performance, and Social Adaptation // *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2023. - № 20(4). – P. 2774. - URL : <https://doi.org/10.3390/ijerph20042774>.

20. Xiaohe Ren, Yingying Cai, Jingyi Wang, Ou Chen. A systematic review of parental burnout and related factors among parents. *BMC Public Health*. 2024 Feb 5;24:376. DOI: 10.1186/s12889-024-17829-y

Получена: 21.03.2026 г.

Принята к публикации: 06.06.2026 г.

FEATURES OF THE STRUCTURAL ORGANIZATION OF PARENTAL ATTITUDES TOWARDS THE EDUCATION OF "BURNOUT" MOTHERS OF CHILDREN WITH HEARING IMPAIRMENTS

© Lyudmila N. Molchanova, AnnaV. Stulova

Lyudmila N. Molchanova - Doctor of Psychology, Professor, Department of Psychology of Health and Neuropsychology, Kursk State Medical University

e-mail: molchanowa.liuda@yandex.ru

Address: 305000, Kursk, K. Marx St., 3, Russian Federation

Anna V. Stulova - PhD in Psychology, speech therapist, Dobreya Accessible Habilitation Center

e-mail: nuta-vasilevna@rambler.ru

Address: 180017, 19A Grazhdanskaya St., Pskov, Russian Federation

ABSTRACT

Relevance. Burnout is a serious problem for modern people living under constant stress. This is especially true when raising children with disabilities, where parenting is a constant stress, and chronic strain can destroy not only the parent's psychological well-being but also the harmony in the parent-child relationship and the family as a whole.

The purpose of this study is to identify the specific parenting attitudes of mothers prone to parental burnout while raising children with hearing impairments. The data obtained will serve as the basis for developing psychological prevention programs for this condition.

Materials and methods. Eighty-eight working mothers participated in the study, conducted at boarding schools for children with hearing impairments in Kursk and Belgorod. Respondents ranged in age from 24 to 65 years, with work experience ranging from 1 to 40 years. Based on their level of parental burnout, the sample was divided into an experimental group (high level, n=44) and a control group (low level, n=44).

Results. The structural features of parental attitudes of "burned-out" mothers regarding raising children with hearing impairments were empirically identified. Such components of its structure as "Attitude to Family Role," "Excessive Emotional Distance from the Child," and "Excessive Focus on the Child" are factors that cause parental burnout. And "Optimal Emotional Contact" inhibits its occurrence. Regarding the basic elements of the parental attitudes structure, "Maternal Dominance," "Parental Over-Authority," "Excessive Strictness," "Exclusion of Intra-Family Influences," and "Excessive Interference in the Child's World" provoke parental burnout, while "Partnership Relationships" prevents it.

Conclusions. Maternal psychological exhaustion is triggered by destructive attitudes: authoritarianism, overprotection, and family isolation. These attitudes impose unquestionable rules and expectations of unquestioning obedience. Emotional coldness or detachment are disguised as discipline, a system of prohibitions, and high demands. The focus on the child takes the form of total control: "eliminating intra-family influences" and "extreme intervention." Conversely, harmonizing relationships through partnership is the main resource preventing burnout. This is because destructive attitudes deplete internal psychological reserves, while partnership, trust, and equality, on the contrary, create conditions for psychological relief and the harmonious development of the child.

KEYWORDS: parental attitudes; parental burnout; psychological structure; mothers; children with hearing impairments.

Conflict of interests. The authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

REFERENCES

1. Apanovich, T.M. Simptomy ehmtsional'nogo vygoraniya materei mladshikh shkol'nikov: rol' ustanovok na intensivnoe roditel'stvo i stilei roditel'skogo otnosheniya / T. M. Apanovich, A. B. Serykh, // Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal, 2024. - 21(2), 22–34. <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.2.2>
2. Bazaleva, L.A. Vozmozhnosti issledovaniya ehmtsional'nogo «vygoraniya» u materei v psikhologii lichnosti / L.A. Bazaleva // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pedagogika i psikhologiya». 2010. № 1. S. 174-182.
3. Bazaleva, L.A., Lichnostnye faktory ehmtsional'nogo "vygoraniya" materei / L.A. Bazaleva, A.A. Smirnova // European Social Science Journal. - 2014. - № 2-1 (41). - S. 378-384.
4. Bolotova, E.A. Profilaktika roditel'skogo vygoraniya kak usloviya formirovaniya garmonichnykh

detsko-roditel'skikh otnoshenii / E.A. Bolotova, M.A. Kanishcheva // *Matritsa nauchnogo poznaniya*. 2022. № 8-1. S. 77-80.

5. Grishina, A.V. Osobennosti roditel'skikh ustanovok i ehmtsional'nogo intellekta v sem'yakh, vospityvayushchikh detei doshkol'nogo vozrasta / A.V. Grishina, M.V. Kostsova // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Pedagogika. Psikhologiya*. - T.10 (76). - 2024. - № 2. - S. 101-110.

6. Efimova I.N. Vozmozhnosti issledovaniya roditel'skogo «vygoraniya» / I.N. Efimova // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki*. - №4. - 2013. - S.31-40.

7. Karpov, A.V. Psikhologiya prinyatiya upravlencheskikh reshenii / A.V. Karpov. - M.: Yurist", 1998.

8. Mamonova, E.B. Sindrom roditel'skogo vygoraniya v zarubezhnoi i otechestvennoi psikhologii / E.B. Mamonova, O.N. Kolesnikova // *Nizhegorodskii psikhologicheskii al'manakh*. - 2023. - № 2. - S. 186-194.

9. Melekh, T. Detsko-roditel'skie otnosheniya v pozdnem roditel'stve v zavisimosti ot urovnya roditel'skogo vygoraniya / T. Melekh / V sbornike: *Sotsiokul'turnye i psikhologicheskie problemy sovremennoi sem'i: aktual'nye voprosy soprovozhdeniya i podderzhki*. Sbornik materialov VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Cheboksary, 2022. S. 52-55.

10. Pinchuk, O.A. Vzaimosvyaz' ehmtsional'nogo vygoraniya s obrazom rebenka u roditel'ei, vospityvayushchikh detei s OVZ / O.A. Pinchuk, Yu.E. Britskaya // *Vestnik nauki*. - 2024. - T. 3. - № 5 (74). - S. 978-986.

11. *Psikhologicheskie testy* / sost. S. Kas'yanov. - M. : Ehksmo, 2006. - 608 s.

12. Savenysheva, S.S. Roditel'skii stress i vygoranie materei detei rannego i doshkol'nogo vozrasta i se3meinye otnosheniya / S.S. Savenysheva, A.A. Lyubushina, V.A. Doroshenko / V sbornike: *Psikhologiya stressa i sovladayushchego povedeniya: resursy i ustoychivost' v mire neopredelennosti*. Materialy VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Kostroma, 2025. - S. 365-368.

13. Suntsova, Ya.S. Svyaz' ehmtsional'nogo vygoraniya materei s irratsional'nymi ustanovkami v myshlenii / Ya.S. Suntsova // *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie*. 2024. Vyp. 1 (53). S. 149-158. <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2024-1-149-158>.

14. Fadeeva, T. Yu. Psikhologicheskie faktory roditel'skogo vygoraniya ottsov i materei / T.Yu. Fadeeva // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya*. - 2021. - T. 10, vyp. 4 (40). S. 334-343. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2021-10-4-334-343>.

15. Chekanova A.V., Molchanova L.N. Problema detsko-roditel'skikh otnoshenii v sem'yakh, vospityvayushchikh rebenka s narusheniyami slukha / V sbornike: *Luchshaya nauchnaya stat'ya 2016*. sbornik statei III Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo konkursa. Penza, 2016. - S. 173-176.

16. Liubushina, A.A., Savenysheva, S.S. The relationship between parenting stress, burnout, maternal parenting style, and emotional and behavioral difficulties in preschool children. *Psychological Science and Education*, 2026, 31(2), 69-82. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/pse.2026310205>

17. Patrik M Bogdán, Katalin Varga, Livia Tóth, Kristóf Gróf, Annamária Pakai Parental Burnout: A Progressive Condition Potentially Compromising Family Well-Being—A Narrative Review // *Healthcare (Basel)*. 2025 Jul 4;13(13):1603. DOI: 10.3390/healthcare13131603

18. Sema Öngören Özcan. Mothers' attitudes towards parenting: The mixed-methods study. *Mehmet Akif Ersoy University Journal of Education Faculty*, 2025, 76 PP. 134-148. DOI:10.21764/mauefd.1738602.

19. Wei Wang, Shen Chen, Shengnan Wang, Geyan Shan, Yongxin Li .Parental Burnout and Adolescents' Development: Family Environment, Academic Performance, and Social Adaptation // *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2023, 20(4), 2774; <https://doi.org/10.3390/ijerph20042774>.

20. Xiaohe Ren, Yingying Cai, Jingyi Wang, Ou Chen. A systematic review of parental burnout and related factors among parents. *BMC Public Health*. 2024 Feb 5;24:376. DOI: 10.1186/s12889-024-17829-y

DOI: 10.21626/j-chr/2026-2(47)/6
УДК: 316.47:378.37

Социальная психология

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНЫХ УСТАНОВОК МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВОЛОНТЕРОВ В УСЛОВИЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

69

© К.В. Касьянова, Л.Н. Молчанова

Касьянова К.В. - ассистент кафедры психологии здоровья и нейропсихологии, Курский государственный медицинский университет
e-mail: sam.meteorit@yandex.ru

Молчанова Л.Н. - доктор психологических наук, профессор кафедры психологии здоровья и нейропсихологии, Курский государственный медицинский университет
e-mail: molchanowa.liuda@yandex.ru

Адрес: 305000, Курск, ул. К. Маркса, 3, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность. Социальная установка является одним из ключевых компонентов участия в любой деятельности. Анализ структуры социальных установок волонтеров позволит понять проявление психологической готовности к добровольчеству, значимость участия и возможности регуляции активности и мотивации. Работа с людьми практически всегда сопряжена со стрессом и важно учитывать особенности мышления, тактики поведения и эмоциональных фон всех участников взаимодействия в возникающих ситуациях.

Цель исследования состоит в построении и эмпирической проверки компонентной модели социальных установок межличностного взаимодействия профессионально-ориентированных волонтеров.

Материалы и методы. Общий объем выборки составили 235 профессионально-ориентированных волонтеров 19-26 лет. Верификация теоретической модели осуществлялась в ходе реализации конфирматорного факторного анализа. Обработка полученных данных проводилась с использованием статистической программы Jamovi версии 2.6.44.

Результаты. Предложена трехфакторная модель социальных установок межличностного взаимодействия волонтеров. Когнитивный компонент включает в себя отношение человека к временному континууму и стресс-преодолевающие копинги. Аффективный представлен эмоциональным интеллектом, а поведенческий компонент ÷ ценностями, мотивационными целями и стилями саморегуляции поведения личности.

Выводы. В ходе проведения конфирматорного факторного анализа доказана достоверность выделения трехкомпонентной модели социальных установок волонтеров. Оценка теоретической модели продемонстрировала соответствие эмпирическим данным.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: модель; верификация; социальные установки; межличностное взаимодействие; профессионально-ориентированные волонтеры; добровольческая деятельность.

Конфликт интересов. Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Социальные установки изучались многими авторами в социальной психологии и социологии Спенсер Г. Айзен А., Занна М., Знанецкий Ф., Катц Д., Ланге Л., Олпорт Г.В., Рокич М., Смит М., Томас У., Фацио Р., Фишбайн М., Узнадзе Д.Н., Мясищев В.Н., Божович Л.И., Леонтьев А.Н.

В психологии XX века объединились представления о моторной и душевной установке в виде одной целостной активности человека. Появились взгляды с точки зрения нейропсихологии, социальных и когнитивных наук (см. таблицу 1).

В исследовании придерживаемся определения С.С. Гордеевой о том, что установка ÷ это состояние психологической готовности индивида к определенным действиям в различных ситуациях, которое оказывает направляющее влияние на поведение личности. Исследователи выделяли разные варианты ее структуры (см. таблицу 2).

Иерархически грамотно представлены потребности от физиологического уровня до социального и в зависимости от включения личности в сферы жизнедеятельности: семейное окружение, трудовая деятельность, социально-классовая система (см. таблицу 3).

Условия деятельности, в которых удовлетворяются определённые потребности личности, иерархичны. Установка выступает специфическим динамическим состоянием - готовностью к удовлетворению той или иной потребности.

Установка воздействует на отношения к вещам, к миру, к окружающим, поэтому содержание и структура личностно значимы как для человека, так и для общества. От степени осознанности установки зависит возможности коррекции и видоизменения, что способствует гармонизации отношений с окружающим миром и людьми [13].

Межличностное взаимодействие рассматриваем как способность понимать внутреннюю структуру личности других людей, управлять эмоциональным фоном (как собственным, так и окружающих), выстаивать аффективные отношения [12,20]. Набор социальных установок помогают человеку выстаивать коммуникативную траекторию с другими людьми. На основе их содержания, ценностных ориентаций, воспитания формируются коммуникативные навыки личности.

Волонтерскую деятельность можно рассмотреть как надситуативную активность [8], когда доброволец человек самостоятельно ставит перед собой цели, избыточные по отношению к исходным требованиям ситуации (надпороговые). Для реализации таких целей необходимо большое количество энергии, мотивации, ресурсов и навыков, сознательно регулируемых установок, что не всегда соответствует реальным возможностям. Тогда возникает феномен активной неадаптивности или эффект непредсказуемости последствий действия, который характеризуется не только избыточностью, но и противоположностью результатов активности исходным ее мотивам [13].

Установка выступает как готовность к активности, которую она обуславливает. В виду различного прошлого опыта волонтеры реализуют закрепленные ранее способы решения задач вне зависимости от их эффективности и соответствия условиям, предъявляемых ситуацией. Если это не приводит к ожидаемым результатам, то происходит накопление негативных эмоций и переживаний [11,23]. Когда неудачные попытки взаимодействия повторяются, усиливается редукция собственных достижений, наблюдаются отстранение и уход от деятельности, растёт эмоциональное напряжение, что приводит к потере личностных ре-

Таблица 1. Категориально-понятийный анализ понятия установка
Table 1. Categorical and Conceptual Analysis of the Concept of Installation

Автор	Определение
Г. Спенсер	душевная установка – та, к которой прислушиваются при выражении мнения и от нее зависит направление нашего рассуждения [1]
Л. Ленгле	установка – это целостная модификация состояния субъекта, направляющие его реакции и взаимодействие [1]
Г. Мюнстерберг	действие внимания определяется установкой, помогающей индивиду в процессе активности [1]
К. Фере	установка – это состояние сознание, обладающее селективной функцией [1]
Thomas, Znaniencki	установка – это психологический процесс, рассматриваемый в отношениях к социальному миру и взятый, прежде всего, в связи с социальными ценностями [26]
Д.Н. Узнадзе	установка - специфическое состояние, возникающее у субъекта в специфической ситуации удовлетворения потребности [14]
И.В. Имедадзе	установка – «это не только теоретический конструкт, но и реальное психическое явление, представляющее собой динамическое состояние готовности субъекта к определенной форме реагирования» [6]
А.Г. Асмолов	установка – это осознанное или бессознательное выражение личностного смысла в виде готовности к определенным образом направленной деятельности, стабилизирует процесс деятельности в целом, придает деятельности устойчивый характер [2]
Д. Катц	установка – это предрасположенность индивида к оценке опыта, выражаемого вербальным или невербальным поведением, в виде мнения или оценки [5]
Б.Г. Мешеряков, В.П. Зинченко	установка – это склонность субъекта к совершению определенного социального поведения и включает в себя: предрасположенность воспринимать, оценивать, осознавать и действовать относительно данного социального объекта или явления определенным образом [3]
А.С. Прангишвили, Ш.Н. Чхартисвили	установка – это основа деятельности, где деятельность является состоянием настройки субъекта, предвосхищающее действие в определенной ситуации [3]
С. Аш	установка – это организация опыта и знаний, связанных с данным объектом; иерархически организованная структура, части которой функционируют в соответствии с их местом в общей структуре [3]
Ах, Мессер, Кюльпе	установка – это целостное психическое состояние сознания, лишенное его наглядного содержания [3]
М. Рокитч	установка – это убеждения или ценности, но соотносённые с определённым объектом или ситуацией [3]
Кригем, Крачфильд и Балачи	установка – это целая система позитивной или негативной оценки объекта, переживая его как приятного или неприятного, тенденцией враждебного или доброжелательного действия по отношению к нему [15]
Г. Оллпорт	установка – это состояние психонервной готовности, складывающееся на основе опыта и оказывающее направляющее и (или) динамическое влияние на реакции индивида относительно объектов или ситуаций, с которыми он связан [3]
А. Турнстон	установка – это аффективная сторона психической активности человека, направленная на определённый объект, которая выражается в полезной или враждебной деятельности личности в отношении предмета [18]
П.Н. Шихирев	установка – это механизм регуляции поведения и представляет собой единство информативного и алгоритмического аспектов самоуправления организма на психологическом уровне [3]
С.С. Гордеева	установка – это состояние психологической готовности индивида к определенным действиям в различных ситуациях, которое оказывает направляющее влияние на поведение личности [4]

сурсов и истощению. Став частью психологической структуры личности, установка закрепляется и оказывает на нее деструктивное влияние. Характер

Таблица 2. Компонентная структура социальных установок
Table 2. Component structure of social attitudes

Авторы	Компоненты
А. Гринвальд, А. Пратканис, Р. Фазно	аффективный и когнитивный компоненты
Д. Катц	аффективный (общее чувство симпатии или антипатии), когнитивный (убеждения) элементы, которые отражают объект установки, его характеристики, его связи с другими объектами
М. Смит	когнитивный (познавательный), аффективный (эмоциональный), поведенческий компоненты
Ф. Зимбардо, М. Ляйппе	ещё одна составляющую установочной системы – поведенческие интенции — намерения, ожидания или планы действий, предваряющие сами действия
П.Н. Шихирев	когнитивный, аффективный, конативный компоненты

Таблица 3. Уровневая структура системы диспозиционных формирований
Table 3. Level structure of the disposition system

Уровень	Содержание
Элементарные установки	образуется из элементарных установок, в основе которых лежат физиологические потребности и простейшие ситуации
Социальные установки	создается на основе оценки отдельных социальных объектов и социальных ситуаций
Базовые социальные установки	раскрывает общую направленность интересов личности в отдельной сфере жизнедеятельности
Ценностные ориентации	базируется на высших социальных потребностях личности и на общесоциальных условиях, предоставляющих возможности реализации социальных и индивидуальных ценностей

72

и эмоциональная валентность ожиданий будет оказывать влияние на степень овладения человеком социальной ролью, что также оказывает негативное влияние на отношение к деятельности, себе и профессии [25].

В волонтерской деятельности эмоции регулируют трудовую, отношения к коллегам и благополучателям, собственное психологическое состояние, восприятие себя и оценку своих способностей и особенностей, а также оказывают влияние на продолжение деятельности [10,16,19]. Эмоциональный компонент социальных установок межличностного взаимодействия включает в себя особенности эмоционального фона личности, способности к пониманию эмоций и чувств, их распознаванию, контролю и регуляции. В настоящем исследовании он представлен эмоциональным интеллектом. Работа с людьми практически всегда сопряжена со стрессом, а при добавлении внешней экстремизации различными условиями важно отметить особенности мышления и тактики поведения в возникающих ситуациях [11,17]. Таким образом, способность к работе в различных условиях и особенности саморегуляции поведения будут составлять когнитивный, а реализации внутреннего плана действий - поведенческий блок социальных установок.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В процедуре модификации методики «Профессионального выгорания» участвовали 235 профессионально-ориентированных волонтеров молодых волонтеров 19 - 26 лет (155 девушек и 80 юношей - 80) с опытом работы от 2 до 5 лет.

С использованием конфирматорного факторного а (программного обеспечения Jamovi версии 2.6.44) осуществляли верификацию теоретической структуры модели социальных установок межличностного взаимодействия волонтеров в условиях профессионально-ориентированной добровольческой деятельности.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В настоящем исследовании социальные установки межличностного взаимодействия волонтеров реализуются в интегральном взаимодействии всех структурных компонентов: когнитивного, аффективного и поведенческого.

Особенностью добровольческой деятельности является ее специфичность. Так, взаимодействие с разным по качеству и уровню жизни контингентом благополучателей, нестабильности окружающей обстановки (условия экстремизации деятельности), работа с выгоревшим персоналом, собственные реакции на стресс влияет на мировоззрение, эмоциональный фон, установки, а так же и качество жизни самого волонтера [9].

Данное направление специфично тем, что для работы с больными людьми требуется наличие определенных социально-психологических характеристик таких, как эмоциональная стабильность, умение работать в экстремальных условиях, гибкость мышления при взаимодействии, высоким уровнем коммуникабельности и подстройкой под ситуации [22,27].

Ранее выявлено то, что социальные установки, сформированные на основе собственного опыта в деятельности, имеют большее влияние на человека, чем косвенно сформированные [7].

Формирование социальных установок происходит исключительно к значимым стимулам, где основную роль выделяют конативному и когнитивному компонентам.

Когнитивный фактор социальных установок. Д. Катц выделял когнитивный компонент установки, который представляет собой элементы (убеждения), отражающие объект установки, его характеристики, его связи с другими объектами. М. Смит выделял когнитивный (познавательный) компонент, который отражает осознание объекта социальной установки. В теории А.А. Девяткина содержит в себе прошлый опыт и полученные навыки.

Когнитивный компонент может включать в себя мнения, представления, знания и убеждения (в том числе бессознательные).

В.Н. Мясищев разграничивает понятия «социальные установки» и «психологические отношения». Отношение, согласно В.Н. Мясищеву, трактуется как «система временных связей человека как личности - субъекта со всей действительностью или с её определёнными сторонами» [12]. Так, отношение является временным фактором с вектором в будущее.

Временная перспектива участвует и в профессионально-личностном саморазвитии. Учет времени открывает возможности к особому восприятию происходящего здесь и сейчас, что значимо в целеполагании, планировании, моделировании, расставлении приоритетов и обеспечивает психическое благополучие.

Ориентация на будущее для волонтеров имеет высокую значимость, так как сама деятельность предполагает получение и отработку профессиональных и особых универсальных навыков (soft skills), что положительно коррелирует с будущими карьерными возможностями [24].

Негативное восприятие прошлого опыта может сказываться на деятельности. Так, восприятие собственных навыков и возможностей сглаживается, проис-

ходит снижение самооценки, возникновение тревог, страхов, апатии, неудовлетворенность жизненными успехами в настоящем. И наоборот, позитивное отношение способствует более высоким показателям самооценки, радости от деятельности, более адекватной оценкой собственных возможностей.

Способы совладающего поведения имеют направленность на преодоление стресса с помощью когнитивных, эмоциональных и поведенческих усилий личности, а в процессе психологической адаптации проявляются индивидуальные тенденции [21]. Наличие дезадаптивных копинг-стратегий приводит к деструктивным установкам, снижением качества прилагаемых усилий для помощи, а так же волонтерам важно контролировать собственные эмоции и продумывать действия для качественной оценки ситуации, планировать этапы оказания поддержки и помощи, выбирать наиболее благоприятные стратегии поведения, осуществлять рефлекссию отзывов благополучателей.

Таким образом, когнитивный компонент представлен когнитивной оценкой поведения и стратегиями действий в стрессовых (проблемных) ситуациях в виду функционирования волонтеров в экстремальных условиях.

Эмоциональный фактор социальных установок. Д. Катц в своей теории обозначил аффективный компонент как общее чувство симпатии или антипатии по отношению к объекту или субъекту. М. Смит трактует компонент как эмоционально-оценочное отношение к объекту. В теории А.А. Девяткина - отношением к прошлому опыту и научению.

Аффективный компонент социальной установки обладает мотивирующей функцией. Так, положительные эмоции подкрепляют навыки в деятельности, а негативные – отстраняют.

Направление волонтерства оказывает определяющее влияние на эмоции волонтеров. Так, эмоциональный интеллект у профессионально-ориентированных волонтеров-медиков и непрофессионально-ориентированных различается [11].

Таким образом, эмоциональный компонент содержит способности к управлению, распознаванию и анализу эмоций как собственных, так и других людей, или эмоциональный интеллект.

Поведенческий фактор социальных установок представлен общими поведенческими тенденциями личности и ценностными характеристиками аттитюда.

М. Смит представляет последовательность в поведении к объекту, включающие в себя непосредственные действия (те, которые человек готов совершить) и интенции (замыслы, планы, склонности, стремления, ожидания от деятельности). В теории А.А. Девяткина представлен тенденцией к действию.

Воздействие на социальные установки оказывает объект и ситуация. Реакция личности на определенный объект в некоторой ситуации складывается из собственных установок относительно этой ситуации и установок относительно объекта, что оказывает влияние на его поведение. При анализе поведения важно учитывать этот факт. В процессе социального взаимодействия в различных ситуациях у человека формируются определенный набор ценностно-установочных ориентаций и выстраивается в иерархичную систему.

Установка сочетает в себе ответ и действие на определенный стимул. Так, она выступает результатом последовательных, формировавшихся ранее решений, которые проявляются при воздействии определенных условий [7]. Таким образом, человек может реагировать в ситуации без дополнительного сознательного контроля, анализа и синтеза, а используя лишь определенные навыки, что сохраняет энергетический потенциал, эмоции и ресурсы. Для ее

преодоления необходимо активация сознательного контроля.

Таким образом, поведенческий фактор социальных установок представлен ценностными особенностями межличностного взаимодействия и реализацией плана действий.

Для качественной проверки и эмпирического обоснованного выделения трехкомпонентной структуры социальных установок в модели был использован конфирматорный факторный анализ. Обработка данных проводилась в программе Jamovi версии 2.6.44.

Структурная модель с двумя факторами не соответствовала критериям принятия (в соответствии с Hu, Betntler, 1999): $\chi^2 = 1467$, $df = 639$, $p < 0.001$, $CFI=0.823$, $TLI=0.763$, $SRMR = 0.0908$, но свидетельствует об адекватности разделения. При добавлении третьего фактора получены следующие данные.

Данные конфирматорного факторного анализа позволили оценить, соответствие нашей модели реальным данным. Как видно из таблиц 5-7 факторные

Таблица 5. Результаты конфирматорного факторного анализа когнитивного компонента социальных установок

Table 5. Results of the confirmatory factor analysis of the cognitive component of social attitudes

№	Индикатор	Вес	SE	Z	p	Стандартная оценка
1	Негативное прошлое	0,5987	0.0581	10.308	<0.001	0.9237
2	Позитивное прошлое	-0.3528	0.0596	-5.924	<0.001	-0.6223
3	Фаталистическое настоящее	-0.3527	0.1024	-3.445	<0.001	-0.3668
4	Гедонистическое настоящее	-0.4345	0.0640	-6.793	<0.001	-0.7058
5	Будущее	-0.6353	0.0553	-11.480	<0.001	-0.9849
6	Конфронтация	-0.6049	0.0606	-9.979	<0.001	-0.9122
7	Дистанцирование	0.6594	0.0613	10.754	<0.001	0.9513
8	Самоконтроль	-0.5364	0.0539	-9.948	<0.001	-0.9111
9	Поиск социальной поддержки	-0.5518	0.0590	-9.355	<0.001	-0.8761
10	Принятие ответственности	-0.5492	0.0651	-8.431	<0.001	-0.8197
11	Бегство-избегание	0.7299	0.0706	10.338	<0.001	0.9291
12	Планирование решение проблемы	-0.4415	0.0716	-6.166	<0.001	-0.6559
13	Положительная переоценка	-0.5385	0.0680	-7.922	<0.001	-0.7786

Таблица 6. Результаты конфирматорного факторного анализа аффективного компонента социальных установок

Table 6. Results of the confirmatory factor analysis of the affective component of social attitudes

№	Индикатор	Вес	SE	Z	p	Стандартная оценка
1	Понимание чужих эмоций	0.6020	0.0634	9.495	<0.001	0.8831
2	Управление чужими эмоциями	0.4713	0.0706	6.671	<0.001	0.6836
3	Управление своими эмоциями	0.5674	0.0630	9.011	<0.001	0.8555
4	Контроль экспрессии	0.4442	0.0625	7.104	<0.001	0.7162
5	Общий уровень эмоционального интеллекта	0.5187	0.0640	8.100	<0.001	0.8000
6	Межличностный эмоциональный интеллект	0.5137	0.0755	6.806	<0.001	0.6760
7	Внутриличностный эмоциональный интеллект	0.3312	0.0623	5.314	<0.001	0.5794
8	Понимание эмоций	0.3778	0.0761	4.963	<0.001	0.5479
9	Управление эмоциями	0.6037	0.0692	8.721	<0.001	0.8255

нагрузки между наблюдаемыми переменными (индикаторами) и латентными факторами, имеют значения как меньше 0,4 (слабая связь), так и $\geq 0,7$, что свидетельствует о том, что скрытый фактор объясняет более 50% дисперсии индикатора.

Показатели соответствия трехкомпонентной теоретической модели эмпири-

Таблица 7. Результаты конфирматорного факторного анализа поведенческого компонента социальных установок

Table 7. Results of confirmatory factor analysis of the behavioral component of social attitudes

№	Индикатор	Вес	SE	Z	p	Стандартная оценка
1	Конформность	0.5108	0.0758	6.740	<0.001	0.7013
2	Традиции	0.3743	0.0625	5.991	<0.001	0.6400
3	Доброта	-0.4389	0.0741	-5.920	<0.001	-0.6318
4	Универсализм	-0.2412	0.0684	-3.524	<0.001	-0.4037
5	Самостоятельность (как ценность)	-0.5034	0.0700	-7.192	<0.001	-0.7325
6	Гедонизм	0.3066	0.0881	3.479	<0.001	0.3944
7	Достижения	-0.2570	0.0802	-3.205	0.001	-0.3692
8	Власть	-0.4095	0.0654	-6.263	<0.001	-0.6609
9	Безопасность	-0.4510	0.0806	-5.594	<0.001	-0.6044
10	Планирование	-0.5319	0.0755	-7.042	<0.001	-0.7236
11	Моделирование	-0.6048	0.0536	-11.277	<0.001	-0.9758
12	Программирование	-0.4300	0.0563	-7.638	<0.001	-0.7655
13	Оценивание	-0.2982	0.0719	-4.148	<0.001	-0.4676
14	Гибкость	-0.6262	0.0609	-10.274	<0.001	-0.9279
15	Общий уровень саморегуляции	-0.6949	0.0640	-10.859	<0.001	-0.9563

Таблица 8. Результаты конфирматорного факторного анализа поведенческого компонента социальных установок

Table 8. Results of confirmatory factor analysis of the behavioral component of social attitudes

Факторные ковариации	Факторы	Вес	SE	Z	p	Стандартная оценка
Когнитивный	Когнитивный	1.000*				
	Аффективный	-0.845	0.01144	-83.5	<0.001	-0.845
	Поведенческий	1.000	0.00219	456.3	<0.001	1.000
Аффективный	Аффективный	1.000*				
	Поведенческий	-0.843	0.00856	-113.7	<0.001	-0.843
Поведенческий	Поведенческий	1.000*				

ческим данным следующие: $\chi^2 = 246,7$, $df = 639$, $p < 0.001$, $CFI = 0.943$, $TLI = 0.921$, $SRMR = 0.0608$. Так, полученные результаты расцениваются как умеренное соответствие данных.

Стандартная оценка факторных ковариаций $< 0,85$ (см. таблицу 8), что свидетельствует о том, что компоненты «Когнитивный», «Аффективный», «Поведенческий» независимые, а переменные в каждом компоненте не имеют слишком сильной связи с другими переменными.

ВЫВОДЫ

В ходе экспериментальной проверки теоретической модели социальных установок межличностного взаимодействия профессионально ориентированных волонтеров статистически обосновано выделение трехкомпонентной структуры: когнитивного, аффективного и поведенческого компонентов. Когнитивный компонент включает в себя отношение человека к временному континууму и копинг-стратегиями. Аффективный представлен эмоциональным интеллектом, а поведенческий компонент ÷ ценностями- мотивационными целями и стилями саморегуляции поведения личности (рис.1).

Когнитивный компонент включает в себя негативное прошлое, дистанцирование, стратегию избегания стрессовых ситуаций, получение удовольствия от настоящего, оценку перспективы своего будущего, конфронтацию, самоконтроль, поиск социальной поддержки, принятие ответственности, планирование в решении проблемы и ее положительная переоценка.

Эмоциональный компонент складывается из понимания эмоций других людей, управление своим и чужим эмоциональным фоном, контроль экспрессии, уровнем развитости эмоционального интеллекта в целом.

Поведенческий компонент состоит из приверженности к таким ценностям как конформность, доброта, традиции, самостоятельность, власть, безопасность, а так же общего уровня саморегуляции, планирования, моделирования, программирования и гибкости.

Таким образом, была эмпирически доказана трехкомпонентная модель социальных установок межличностного взаимодействия волонтеров и определено содержание каждого компонента (см. рис.1).

Рисунок 1. Теоретическая схема эмпирического исследования социальных установок межличностного взаимодействия волонтеров

Figure 1. The theoretical scheme of empirical research of social attitudes of interpersonal interaction of volunteers

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева, Г.М. Социальная психология: учебник / Г.М. Андреева. – М.: ПЕР СЭ, 2003. – 236 с.
2. Асмолов, А.Г. О соотношении понятия установки в общей и социальной психологии / А.Г. Асмолов, М.А. Ковальчук // Теоретические и методологические проблемы социальной психологии. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977 – С. 143-163.
3. Башкатов, С.А. Анализ отечественных диссертационных исследований, посвященных психологическому феномену установки / С.А. Башкатов, А.А. Шахов // Психология. Психофизиология. - 2021. - Т. 14, №2. - С. 5-16.
4. Гордеева, С.С. Сущность и структура социальной установки в социологии и социальной психологии / С.С. Гордеева // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. - 2016. - Вып. 3(27). - С. 135-140. – URL : <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2016-3-135-140> (дата обращения :15.02.2026)
5. Девяткин, А.А. Явление социальной установки в психологии XX века / А.А. Девяткин. – Калининград: Калинингр. ун-т., 1999. - 309 с.
6. Имедадзе, И.В. Категория поведения и теория установки: автореферат диссертации доктора психологических наук по специальности 19.00.01 - Общая психология, психология личности, история психологии. / И.В. Имедадзе. - Тбилиси, 1989. - 44 с.
7. Коломиец, О. В. Анализ теоретических подходов к определению социальных установок в зарубежной и отечественной психологии / О. В. Коломиец, А. И. Марченко // Научные труды КубГУ. – 2017 – № 6 – С. 126–132.

8. Кретьова, У. П. Особенности исследования психологических особенностей волонтеров / У. П. Кретьова // Полевые исследования на Камчатке - 2015 : сб. отчетных материалов по итогам проведения летних профильных научно-исследовательских лагерей и школ-экспедиций ФГБОУ ВПО «Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга». – Петропавловск-Камчатский : Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга, 2016. – С. 104-128.
9. Маркова, М. В. Профессиональный дистресс у лиц, оказывающих помощь в сфере детской онкологии: причины возникновения, клинические проявления, содержание медико-психологической помощи / М. В. Маркова, О. В. Пионтковская // Психиатрия, психотерапия и клиническая психология. – 2013. – № 1(11). – С. 34-44.
10. Мартыненко А.Б. Разработка инструментария для измерения эмоциональной составляющей волонтерской деятельности и его апробация / А.Б. Мартыненко // Социологический журнал. - 2023. - Том 29, № 4. - С. 8–30. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.1
11. Молчанова, Л. Н. Особенности структурной организации эмоционального интеллекта «выгорающих» волонтеров в условиях профессионально ориентированной добровольческой деятельности / Л. Н. Молчанова, К. В. Касьянова // Перспективы науки и образования. – 2025. – № 4(76). – С. 418-431. – DOI 10.32744/pse.2025.4.27.
12. Мясичев В.Н. Психология отношений. Избр. психол. Труды; под ред. А.А. Бодалева. - М., Воронеж: МОДЕК, 1998. - 363 с.
13. Петровский В.А. Психология неадаптивной активности / В.А. Петровский // Российский открытый университет. М.: ТОО «Горбунок», 1992. - 224 с.
14. Узнадзе Д.Н. Теория установки; под ред. Ш.А. Надирашвили и В.К. Цава. – М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж, НПО «МОДЭК», 1998. – 448 с.
15. Allport H. Social Attitudes and Social Consciousness // Classic Contribution to Social Psychology. N.Y.: Oxford University Press, 1972 P. 189–190.
16. Brown MV. How they cope: a qualitative study of the coping skills of hospice volunteers. Am J Hosp Palliat Care. 2011 Sep;28(6):398-402. doi: 10.1177/1049909110393946.
17. Esguerra S. et al. Are medical students happy despite unhappy conditions: a qualitative exploration of medical student cohorts during disruptive conditions. BMC Medical Education, 2023, 23:214. DOI: 10.1186/s12909-023-04203-6.
18. Gouda P, Kirk A, Sweeney AM, O'Donovan D. Attitudes of Medical Students Toward Volunteering in Emergency Situations. Disaster Med Public Health Prep. 2020 Jun;14(3):308-311. doi: 10.1017/dmp.2019.81.
19. Gu L, Liu F, Wang J, Li J, Wei J, Xu J. Stress load and volunteer motivation of patient volunteers in Fangcang shelter hospitals in Shanghai, China during the COVID-19 pandemic: a cross-sectional survey. BMJ Open. 2023 Apr 4;13(4):e066930. doi: 10.1136/bmjopen-2022-066930.
20. Han H, Workman CI, May J, Scholtens P, Dawson KJ, Glenn AL, Meindl P. Which moral exemplars inspire prosociality? Philos Psychol. 2022;35(7):943-970. doi: 10.1080/09515089.2022.2035343.
21. Li J, Ge C, Li S. The Association of Volunteer Motivation and Thriving at Work of College Students During COVID-19: Job Burnout and Psychological Capital as Mediators. Front Public Health. 2022 Jun 22;10:923196. doi: 10.3389/fpubh.2022.923196.
22. Liu X, Fan W, Ge S, Ma L, Ping Z, Zhang Z, Mei Y, Lin B, Wang J, Li H. Relationship between benefit finding and volunteer motivation among nursing students: The mediating role of perceived social support. Nurse Educ Today. 2024 Aug;139:106193. doi: 10.1016/j.nedt.2024.106193.
23. Lutz R.A. Functional Approach to Consumer Attitude // Advances in Consumer Research / eds. by K. Hunt, A. Abor. MI: Association for Consumer Research, 1978 Vol. 5 P. 360–369.
24. Okun MA, Schultz A. Age and motives for volunteering: testing hypotheses derived from socio-emotional selectivity theory. Psychol Aging. 2003 Jun;18(2):231-9. doi: 10.1037/0882-7974.18.2.231.
25. Reasoner K., Desai M.J, Lee D.H. A Helping Hand: The Case for Volunteerism. The Journal of Hand Surgery, 2018, 43(10):941-944. DOI: 10.1016/j.jhsa.2018.03.024.
26. Thomas W., Znaniecki F. The Polish peasant in Europe and America. 2nd edition. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1927 Vol. 1 1115 p.
27. Yandan Wu, Chunxiao Li Helping Others Helps A Self-Determination Theory Approach on Work Climate and Wellbeing among Volunteers. Applied Research in Quality of Life, 2019, no 14, pp.1099–1111. DOI: 10.1007/s11482-018-9642-z.

Получена: 03.04.2026 г.

Принята к публикации: 06.06.2026 г.

FEATURES OF THE STRUCTURAL ORGANIZATION OF PARENTAL ATTITUDES TOWARDS THE EDUCATION OF "BURNOUT" MOTHERS OF CHILDREN WITH HEARING IMPAIRMENTS

© Kristina V. Kasyanova, Lyudmila N. Molchanova

Kristina V. Kasyanova - Assistant Department of Health Psychology and Neuropsychology, Kursk State Medical University
e-mail: sam.meteorit@yandex.ru

Lyudmila N. Molchanova - Doctor of Psychology, Professor, Department of Psychology of Health and Neuropsychology, Kursk State Medical University
e-mail: molchanowa.liuda@yandex.ru
Address: 305000, Kursk, K. Marx St., 3, Russian Federation

ABSTRACT

Relevance. Social attitudes are one of the key components of participation in any activity. The analysis of the structure of social attitudes among volunteers will allow us to understand the manifestation of psychological readiness for volunteering, the significance of participation, and the possibilities of regulating activity and motivation. Working with people is almost always associated with stress, and it is important to take into account the specific features of thinking, behavior tactics, and emotional background of all participants in the interaction.

The purpose is to build and empirically test a component model of social attitudes in interpersonal interaction among professionally oriented volunteers.

Materials and Methods. The total sample size was 235 professionally oriented volunteers aged 19-26. The theoretical model was verified using confirmatory factor analysis. The data were processed using Jamovi version 2.6.44.

Results. A three-factor model of social attitudes of interpersonal interaction of volunteers is proposed. The cognitive component includes a person's attitude to the time continuum and stress-coping coping. The affective component is represented by emotional intelligence, and the behavioral component ÷ values, motivational goals and styles of self-regulation of personality behavior.

Conclusions. In the course of conducting a confirmatory factor analysis, the validity of the allocation of a three-component model of social attitudes of volunteers is proved. The assessment of the theoretical model demonstrated good compliance with the empirical data.

KEYWORDS: model; verification; social attitudes; interpersonal interaction; professionally oriented volunteers; volunteer activities.

Conflict of interests. The authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

REFERENCES

1. Andreeva G.M. Social psychology: Textbook, 2003. 236c.
2. Asmolov A.G., Kovalchuk M.A. On the relationship between the concept of attitude in general and social psychology// Theoretical and methodological problems of social psychology. Moscow, Moscow Publishing House. University, 1977, pp.143-163
3. Bashkatov S.A., Shakhov A.A. analysis of domestic dissertation research on the psychological phenomenon of attitude // Psychology. Psychophysiology. 2021. Vol. 14, No. 2. pp. 5-16.
4. Gordeeva S.S. The essence and structure of social attitudes in sociology and social psychology // Bulletin of the Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology. 2016. Issue 3(27). pp. 135-140. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2016-3-135-140>
5. Devyatkin A.A. The phenomenon of social attitude in psychology of the twentieth century / Kaliningr. univ. Kaliningrad, 1999. 309 p.
6. Imedadze I.V. Category of behavior and theory of attitude: abstract of the dissertation. ... Doctor of Psychological Sciences: 19.00.01: General Psychology, personality psychology, history of psychology. Tbilisi, 1989. 44 p .
7. Kolomiets, O. V. Analysis of theoretical approaches to the definition of social attitudes in

foreign and domestic psychology / O. V. Kolomiets, A. I. Marchenko // Scientific works of KubSTU. - 2017 - No. 6 - pp. 126-132.

8. Kretova, U. P. Features of the study of psychological characteristics of volunteers / U. P. Kretova // Field research in Kamchatka - 2015 : a collection of reporting materials based on the results of the summer specialized research camps and expedition schools of the Vitus Bering Kamchatka State University. Petropavlovsk-Kamchatsky : Kamchatka State University named after Vitus Bering, 2016. pp. 104-128.

9. Markova, M. V. Professional distress in persons providing care in the field of pediatric oncology: causes, clinical manifestations, content of medical and psychological care / M. V. Markova, O. V. Piontkovskaya // Psychiatry, psychotherapy and clinical psychology. - 2013. - № 1(11). - Pp. 34-44.

10. Martynenko A.B. Development of tools for measuring the emotional component of volunteer activity and its testing // The Sociological journal. 2023. Volume 29. No. 4. pp. 8-30. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.1

11. Molchanova, L. N. Features of the structural organization of emotional intelligence of "burn-out" volunteers in the context of professionally oriented volunteerism / L. N. Molchanova, K. V. Kasyanova // Perspectives of science and education. - 2025. - № 4(76). - Pp. 418-431. - DOI 10.32744/pse.2025.4.27.

12. Myasishchev V.N. Psychology of relations. Text. // Selected psychological works / edited by A.A. Bodalev. Moscow, Voronezh: MODEK, 1998. 363 p.

13. Petrovsky V.A. Psychology of maladaptive activity // Russian Open University. Moscow: Gorbunok LLP, 1992. 224 p.

14. Uznadze D.N. Installation theory. 1998. Edited by S.A. Nadirashvili and V.K. Tsaava. Moscow, Publishing house "Institute of Practical Psychology", Voronezh, NPO MODEK, 448s.

15. Allport H. Social Attitudes and Social Consciousness // Classic Contribution to Social Psychology. N.Y.: Oxford University Press, 1972 P. 189-190.

16. Brown MV. How they cope: a qualitative study of the coping skills of hospice volunteers. Am J Hosp Palliat Care. 2011 Sep;28(6):398-402. doi: 10.1177/1049909110393946.

17. Esguerra S. et al. Are medical students happy despite unhappy conditions: a qualitative exploration of medical student cohorts during disruptive conditions. BMC Medical Education, 2023, 23:214. DOI: 10.1186/s12909-023-04203-6.

18. Gouda P, Kirk A, Sweeney AM, O'Donovan D. Attitudes of Medical Students Toward Volunteering in Emergency Situations. Disaster Med Public Health Prep. 2020 Jun;14(3):308-311. doi: 10.1017/dmp.2019.81.

19. Gu L, Liu F, Wang J, Li J, Wei J, Xu J. Stress load and volunteer motivation of patient volunteers in Fangcang shelter hospitals in Shanghai, China during the COVID-19 pandemic: a cross-sectional survey. BMJ Open. 2023 Apr 4;13(4):e066930. doi: 10.1136/bmjopen-2022-066930.

20. Han H, Workman CI, May J, Scholtens P, Dawson KJ, Glenn AL, Meindl P. Which moral exemplars inspire prosociality? Philos Psychol. 2022;35(7):943-970. doi: 10.1080/09515089.2022.2035343.

21. Li J, Ge C, Li S. The Association of Volunteer Motivation and Thriving at Work of College Students During COVID-19: Job Burnout and Psychological Capital as Mediators. Front Public Health. 2022 Jun 22;10:923196. doi: 10.3389/fpubh.2022.923196.

22. Liu X, Fan W, Ge S, Ma L, Ping Z, Zhang Z, Mei Y, Lin B, Wang J, Li H. Relationship between benefit finding and volunteer motivation among nursing students: The mediating role of perceived social support. Nurse Educ Today. 2024 Aug;139:106193. doi: 10.1016/j.nedt.2024.106193.

23. Lutz R.A. Functional Approach to Consumer Attitude // Advances in Consumer Research / eds. by K. Hunt, A. Abor. MI: Association for Consumer Research, 1978 Vol. 5 P. 360-369.

24. Okun MA, Schultz A. Age and motives for volunteering: testing hypotheses derived from socioemotional selectivity theory. Psychol Aging. 2003 Jun;18(2):231-9. doi: 10.1037/0882-7974.18.2.231.

25. Reasoner K., Desai M.J, Lee D.H. A Helping Hand: The Case for Volunteerism. The Journal of Hand Surgery, 2018, 43(10):941-944. DOI: 10.1016/j.jhssa.2018.03.024.

26. Thomas W., Znaniecki F. The Polish peasant in Europe and America. 2nd edition. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1927 Vol. 1 1115 p.

27. Yandan Wu, Chunxiao Li Helping Others Helps A Self-Determination Theory Approach on Work Climate and Wellbeing among Volunteers. Applied Research in Quality of Life, 2019, no 14, pp.1099-1111. DOI: 10.1007/s11482-018-9642-z.

DOI: 10.21626/j-chr/2026-2(47)/7
УДК: 378.146:612.821

Педагогическая психология

К ВОПРОСУ О ЗАВИСИМОСТИ УСПЕВАЕМОСТИ СТУДЕНТОВ ОТ ТИПА ВЫСШЕЙ НЕРВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© П.В. Ткаченко, А.А. Часовских

Ткаченко П.В. - заведующий кафедрой нормальной физиологии, доктор медицинских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России
e-mail: pwtkachenko@rambler.ru

81

Часовских А.А. - студент, ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России
e-mail: artm.nigmatzyanov.00@bk.ru
Адрес: 305041, г. Курск, ул. К. Маркса, д. 3, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность. Успешность обучения в медицинском вузе зависит от множества факторов, включая индивидуальные психофизиологические особенности. Хотя темперамент влияет на динамику обучения и формирование компетенций, данные о его прямом влиянии на успеваемость противоречивы, особенно в условиях высокой когнитивной нагрузки.

Цель. Изучить влияние типа высшей нервной деятельности на академическую успеваемость студентов по дисциплине «Нормальная физиология человека», оценив тестовые баллы и итоговые оценки в группах с разным темпераментом.

Материалы и методы. Проведено анонимное анкетирование 256 студентов 2 курса Курского государственного медицинского университета. Тип темперамента определялся методом стандартизированного тестирования (сангвиник, холерик, флегматик, меланхолик). Показатели успеваемости включали балл за итоговое тестирование и оценку за тему «Кровь» по 5-балльной шкале. Статистический анализ включал описательную статистику, критерии Шапиро-Уилка, Граббса, Краскела-Уоллиса и линейный регрессионный анализ при уровне значимости $p < 0,05$.

Результаты. Преобладали сангвиники (34,8 %) и холерики (28,5 %). Средние тестовые баллы варьировали от 72,96 до 75,49, итоговые оценки - от 3,40 до 3,73. Статистически значимых различий в успеваемости между группами темперамента не выявлено ($H=3,072$; $p=0,381$). Однако обнаружена сильная положительная связь между тестовым баллом и итоговой оценкой во всех группах (R^2 до 0,964; $p < 0,0001$).

Выводы. Тип высшей нервной деятельности не оказывает статистически значимого влияния на академическую успеваемость студентов. Ключевым фактором, определяющим итоговую оценку, выступает результат текущего тестирования. Это позволяет предположить, что стандартизированные методы контроля знаний минимизируют влияние психофизиологических особенностей, позволяя студентам компенсировать особенности темперамента через организованную учебную деятельность и мотивацию.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: тип ВНД; темперамент; успеваемость студентов; сангвиник; холерик; флегматик; меланхолик.

Конфликт интересов. Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Успешность обучения в высшем учебном заведении является многокомпонентным результатом, на который оказывает влияние широкий спектр факторов, среди которых важное место занимают индивидуальные психофизиологические особенности обучающегося [18]. Студенческий возраст представляет собой ключевой период профессионального становления личности, когда формируются базовые компетенции и стиль будущей деятельности [1]. В этой связи изучение внутренних факторов, лежащих в основе академических достижений, сохраняет высокую научную и практическую значимость.

Одной из фундаментальных психофизиологических характеристик индивида является тип высшей нервной деятельности (ВНД), или темперамент. Он рассматривается как совокупность формально-динамических свойств, которые влияют на динамику и продуктивность любой деятельности, включая учебную [1, 18]. Темперамент определяет такие аспекты поведения, как скорость выполнения задач, устойчивость и переключаемость внимания, эмоциональную реактивность и общий уровень психической активности. Следовательно, можно предположить, что тип ВНД может в значительной степени опосредовать процесс обучения и его итоговую эффективность.

Ряд научных исследований указывает на существование связи между свойствами нервной системы, темпераментом и академическими результатами. Так, часть работ подтверждает, что успеваемость учащихся находится в определённой зависимости от силы и подвижности нервных процессов, а также типа темперамента [2]. Например, отмечается, что среди студентов с высокой успеваемостью чаще встречаются лица с сангвиническим и холерическим типами темперамента [8]. Было установлено, что работоспособность, являющаяся ключевым компонентом учебной деятельности, напрямую зависит от типа ВНД и качества подвижности нервных процессов [7]. Более того, такие нейрокогнитивные характеристики, как сила нервной системы и объём внимания, рассматриваются в качестве потенциальных предикторов успешности обучения [11]. Исследования памяти также демонстрируют её зависимость от индивидуальных особенностей ВНД, что непосредственно влияет на способность к восприятию и усвоению информации [21].

Однако эмпирические данные в данной области носят противоречивый характер, что свидетельствует о нерешённости вопроса. Результаты некоторых исследований не обнаруживают прямой статистически значимой связи между темпераментом и успешностью учебной деятельности [4, 19]. Авторы приходят к выводу, что темперамент может не определять результат обучения напрямую, а скорее влияет на индивидуальный стиль учебного поведения, который, в свою очередь, опосредованно воздействует на итоговую успеваемость [4]. Отмечается, что в одинаковых условиях обучающиеся с разными типами темперамента достигают результатов разными путями [5], а влияние типа темперамента в учебном процессе может носить как положительный, так и отрицательный характер в зависимости от конкретных педагогических условий и вида деятельности [1, 10].

Причины выявленных противоречий могут быть обусловлены несколькими факторами. Во-первых, в исследованиях анализируются различные, хотя и взаимосвязанные, параметры: от типов темперамента до базовых свойств нервной системы (силы, подвижности, уравновешенности процессов возбуждения и торможения). Во-вторых, влияние типа ВНД на успеваемость, вероятно, не является прямым, а осуществляется через комплекс промежуточных звеньев,

таких как работоспособность и её суточная динамика, параметры внимания, особенности памяти, способность к концентрации и переключению произвольного внимания [14, 16]. В-третьих, функциональное состояние нервной системы, включая её силу и подвижность, не статично и может существенно изменяться под воздействием учебной нагрузки и на протяжении образовательного процесса [13], что также необходимо учитывать при анализе.

Современные исследования показывают, что влияние психофизиологических особенностей на успеваемость реализуется через комплекс когнитивных и адаптационных механизмов. Установлено, что эффективность обучения зависит от силы и подвижности нервных процессов, при этом к третьему курсу у большинства студентов нарастает состояние динамического рассогласования ЦНС, усугубляемое высокой тревожностью [22]. Выявлены корреляции успеваемости с показателями внимания, памяти и функциональным состоянием сердечно-сосудистой системы, причем структура этих связей меняется в процессе обучения [12].

Наиболее низкие результаты демонстрируют меланхолики, что связывают со сниженным адаптационным потенциалом и особенностями когнитивных функций [6, 17]. Характер трудностей адаптационного периода также зависит от темперамента: холерики и сангвиники острее переживают сессию, а флегматики - начальный этап обучения [9].

При этом свойства нервной системы определяют не столько конечный результат, сколько стратегию деятельности: инертные студенты действуют медленнее, но качественнее, подвижные - быстрее, но с большим количеством ошибок, при сопоставимой итоговой эффективности [15]. Это подтверждает возможность компенсации природных особенностей за счет мотивации и индивидуального стиля [20].

Несмотря на наличие корреляций между свойствами ВНД, когнитивными функциями и успеваемостью [6, 9, 12, 15, 17, 22], прямой зависимости итоговых оценок от типа темперамента может не наблюдаться, особенно при наличии мотивации [3, 20], что обосновывает актуальность настоящего исследования.

Цель исследования. Изучить влияние типа высшей нервной деятельности (темперамента) на академическую успеваемость студентов на примере результатов тестирования и итоговой оценки по дисциплине «Нормальная физиология человека», а также выявить статистически значимые различия в показателях успеваемости между группами студентов с различными типами темперамента (сангвиники, холерики, флегматики, меланхолики).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Исследование проводилось методом анонимного анкетирования с использованием платформы «Yandex Forms». В опросе приняли участие 256 студента 2 курса Курского государственного медицинского университета. Собранные данные включали самооценку типа темперамента по классическим типам высшей нервной деятельности (сангвиник, холерик, флегматик, меланхолик), балл за итоговое тестирование и итоговую оценку за итоговое занятие по теме «Кровь» в рамках дисциплины «Нормальная физиология человека».

Статистическая обработка данных проводилась с использованием описательных и аналитических методов. Для характеристики центра распределения, разброса и формы распределения тестовых баллов и итоговых оценок в каждой группе применялись: среднее арифметическое, медиана, мода, усечённое и винсоризованное средние; стандартное отклонение (SD), коэффициент вариации (CV), общий и квартильный размах; коэффициенты асимметрии и эксцесса. Точность оценок центра и разброса оценивалась с помощью стандартной

ошибки среднего (SEM) и 95% доверительных интервалов (ДИ). Проверка на наличие статистически значимых выбросов выполнялась с помощью критерия Граббса, а проверка соответствия распределений нормальному закону - с помощью критерия Шапиро-Уилка. Для оценки силы и значимости связи между тестовым баллом и итоговой оценкой в каждой группе использовался линейный регрессионный анализ с расчётом коэффициента детерминации (R^2), стандартизованного и нестандартизованного коэффициентов регрессии, а также F-критерия. Во всех анализах уровень статистической значимости был установлен на уровне $p < 0,05$.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

В исследовании приняли участие 256 студентов второго курса, добровольно и анонимно заполнивших анкету. Распределение участников по типам высшей нервной деятельности представлено на Рисунке 1. Как видно из диаграммы, в выборке преобладают студенты с сангвиническим типом темперамента, которые составляют 34,8% ($n=89$) от общего числа респондентов. На втором месте по представленности находятся холерики (28,5%, $n=73$), затем флегматики (19,1%, $n=49$) и меланхолики (17,6%, $n=45$). Такое распределение обеспечивает достаточную численность каждой группы для проведения сравнительного статистического анализа и отражает общую картину разнообразия психофизиологических типов в студенческой среде. Несколько более высокая доля сангвиников и холериков может косвенно указывать на преобладание в медицинском вузе студентов с высокой активностью и скоростью нервных процессов, что, однако, не является предметом непосредственного анализа в данной работе.

84

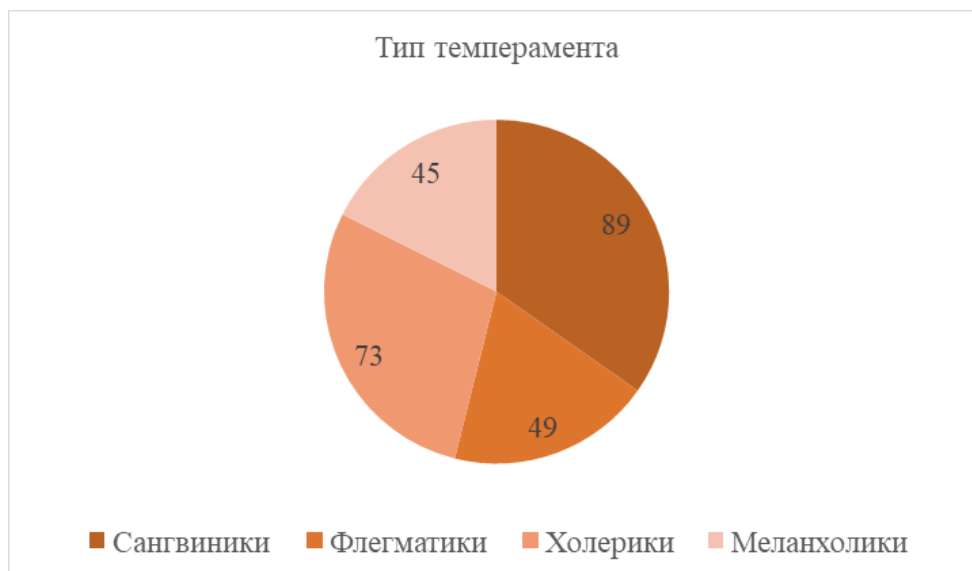

Рисунок 1. Распределение выборки по типу темперамента

Figure 1. Distribution of the sample by temperament type

Анализ тестовых баллов для каждого типа высшей нервной деятельности был дополнен расчётом устойчивых оценок центра распределения. На Рисунке 2 представлено сравнение трёх показателей: среднего арифметического (M), усечённого среднего (исключающего 5% наименьших и 5% наибольших значений) и винсоризованного среднего (в котором крайние 5% значений заменены на граничные величины 5-го и 95-го перцентилей). Использование этих методов позволяет оценить, насколько среднее значение подвержено влиянию потенциальных выбросов. Как видно из диаграммы, значения всех трёх оценок демонстрируют высокую степень совпадения внутри каждой группы.

Практическое совпадение среднего арифметического, усечённого и винсоризованного средних для сангвиников, флегматиков, холериков и меланхоликов свидетельствует о том, что оценка центра распределения является стабильной и не искажается экстремальными значениями. Это указывает на внутреннюю однородность данных в каждой группе по показателю успеваемости и подтверждает корректность использования среднего арифметического в качестве основной меры для описательного сравнения.

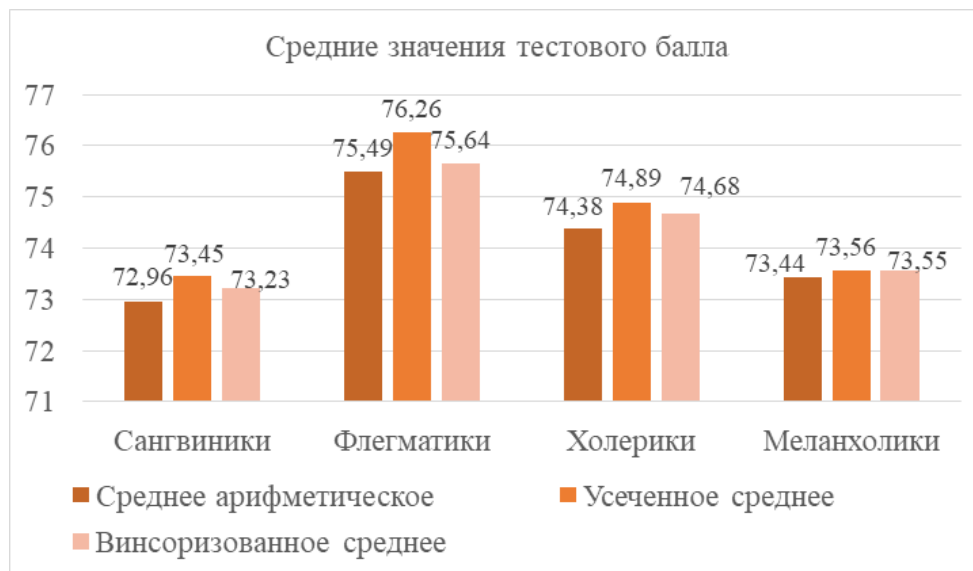

Рисунок 2. Средние значения тестового балла

Figure 2. Mean test scores

Основные параметры распределения тестовых баллов для студентов с разными типами высшей нервной деятельности приведены в Таблице 1. Как видно из данных, средние значения успеваемости (M) в четырёх группах варьируются в узком диапазоне от 72,96 до 75,49 баллов. Наибольшее среднее значение отмечено у флегматиков (75,49), наименьшее - у сангвиников (72,96). Разница между ними составляет всего 2,53 балла. Точность этих выборочных оценок подтверждается рассчитанными 95% доверительными интервалами (ДИ). Ширина этих интервалов (от 5,5 до 6,9 балла) и их близкое расположение на числовой оси указывают на то, что различия в средних значениях между группами статистически малозначимы. Стандартные отклонения (SD), характеризующие разброс индивидуальных результатов вокруг среднего, также сопоставимы во всех группах и находятся в пределах от 11,34 до 13,13 баллов. Коэффициенты вариации (CV), отражающие относительную меру разнобразия, варьируются от 15,4% у меланхоликов до 18,0% у сангвиников, что соответствует умеренной степени вариабельности. Значения медианы близки к среднему арифметическому во всех группах, за исключением флегматиков, где медиана (78,0) несколько превышает среднее (75,49), что может указывать на лёгкую асимметрию распределения в этой группе. Таким образом, по основным описательным показателям группы демонстрируют высокую степень сходства.

Показатели разброса тестовых баллов, детализирующие вариативность успеваемости внутри каждой группы, приведены в Таблице 2. Полный размах результатов, отражающий разницу между минимальным и максимальным баллом, варьируется от 49 баллов у меланхоликов до 61 балла у сангвиников. Однако общий размах является чувствительным к экстремальным значениям, поэтому более информативным показателем является квартильный размах (IQR), охватывающий центральные 50% наблюдений. Величины IQR в группах также

сопоставимы и находятся в диапазоне от 14,0 (меланхолики) до 18,0 баллов (холерики). Относительно небольшие значения IQR свидетельствуют о том, что у большинства студентов в каждой группе результаты достаточно близки к медиане. В то же время значительная разница между общим размахом и IQR указывает на существенный разброс оставшихся 50% данных, что говорит о наличии студентов как с очень низкими, так и с очень высокими результатами в каждой группе. Анализ квартилей показывает, что 25% студентов в каждой группе не превысили уровень в 67-70 баллов (Q1), а 75% студентов показали результат не выше 82-85 баллов (Q3). Сопоставимость этих граничных значений между группами подчёркивает сходство в структуре распределения тестовых баллов независимо от типа высшей нервной деятельности.

Таблица 1. Основные параметры распределения тестовых баллов

Table 1. Main parameters of the test score distribution

Показатель	Сангвиники	Флегматики	Холерики	Меланхолики
n	89	49	73	45
M ± SD	72,96 ± 13,13	75,49 ± 12,01	74,38 ± 12,59	73,44 ± 11,34
95% ДИ для M	70,20 - 75,73	72,04 - 78,94	71,45 - 77,32	70,03 - 76,85
Медиана	72	78	75	73,33
CV, %	18	15,9	16,9	15,4

Примечание: M ± SD - среднее значение с отклонением, ДИ - доверительный интервал, CV - коэффициент вариации.

Таблица 2. Показатели разброса тестовых баллов

Table 2. Measures of test score dispersion

Показатель	Сангвиники	Флегматики	Холерики	Меланхолики
Размах (min-max)	35 - 96 (61)	39 - 93 (54)	40,48 - 96 (55,52)	46 - 95 (49)
Q1 (25-й процентиль)	68	70	67	68
Q3 (75-й процентиль)	82,5	85	85	82
IQR	14,5	15	18	14

Примечание: IQR - квартильный размах.

Для планирования дальнейшего статистического анализа и выбора методов сравнения групп необходимо оценить характер распределения тестовых баллов. Результаты анализа формы распределения и проверки соответствующих статистических предположений представлены в Таблице 3. Проверка нормальности с помощью критерия Шапиро-Уилка показала, что распределение баллов значимо отклоняется от нормального в группах сангвиников ($p=0,012$), флегматиков ($p=0,001$) и холериков ($p=0,025$). В группе меланхоликов гипотеза о нормальности распределения не была отвергнута ($p=0,593$). Это указывает на необходимость использования непараметрических методов при сравнении групп между собой. Коэффициенты асимметрии во всех группах имеют отрицательные значения, что свидетельствует о смещении распределения в сторону более высоких баллов. При этом статистически значимой (приблизительно при $p < 0,01$) асимметрией, где абсолютное отношение коэффициента к его стандартной ошибке ($|As/SE|$) превышает порог 2, характеризуется только группа

флегматиков ($|As/SE| = 3,33$). Остальные группы демонстрируют незначимую асимметрию. Значения эксцесса варьируются, однако ни в одной группе отношение коэффициента эксцесса к его стандартной ошибке не приближается к порогу значимости ($|Ex/SE| < 2$), что указывает на отсутствие статистически существенных отклонений от нормального распределения по этому параметру. Дополнительная проверка с помощью критерия Граббса не выявила статистически значимых выбросов ($p > 0,05$ для всех групп), что означает отсутствие в данных единичных аномальных значений, которые могли бы существенно исказить результаты расчётов описательных статистик.

Таблица 3. Анализ формы распределения тестовых баллов
Table 3. Analysis of the test score distribution shape

Показатель	Сангвиники	Флегматики	Холерики	Меланхолики
Асимметрия	-0,670	-1,133	-0,464	-0,220
Ошибка асимметрии	0,255	0,340	0,281	0,354
Эксцесс	0,157	1,331	-0,279	-0,529
Ошибка эксцесса	0,506	0,668	0,555	0,695
Шапиро-Уилка (p)	0,012	0,001	0,025	0,593
Граббса (p)	0,277	0,070	0,429	0,569

Параметры распределения итоговых оценок за занятие по теме «Кровь» представлены в Таблице 4. Средние итоговые оценки в группах варьируются в узком диапазоне от 3,40 (меланхолики) до 3,73 (флегматики), что соответствует диапазону от «удовлетворительно» до «хорошо». Стандартные отклонения, характеризующие разброс индивидуальных результатов, во всех группах сопоставимы (от 0,82 до 0,92 балла). 95% доверительные интервалы для средних также имеют близкую ширину (около 0,4 балла). Небольшие значения коэффициентов асимметрии, как положительные (у сангвиников, холериков, меланхоликов), так и отрицательные (у флегматиков), и их соотношение со стандартной ошибкой ($|As/SE| < 2$ для всех групп) свидетельствуют об отсутствии статистически значимой асимметрии в распределении оценок. Аналогично, значения эксцесса во всех группах отрицательны, но также не являются статистически значимыми ($|Ex/SE| < 2$), что указывает на отсутствие существенного отклонения от нормальности по данному параметру. В целом, описательные показатели итоговых оценок, как и тестовых баллов, демонстрируют высокую степень сходства между группами с разными типами высшей нервной деятельности.

Оценка силы и статистической значимости линейной связи между тестовым баллом и итоговой оценкой по каждой группе представлена в Таблице 5. Во всех четырёх группах регрессионный анализ выявил статистически значимую ($p < 0,0001$) сильную положительную зависимость. Коэффициенты детерминации R^2 находятся в диапазоне от 0,888 (сангвиники) до 0,964 (флегматики), что означает, что результаты итогового тестирования объясняют от 88,8% до 96,4% вариации итоговой оценки за занятие. Величины стандартизированных коэффициентов регрессии (R), близкие к единице (0,942-0,982), подтверждают практически полное прямое влияние тестового балла на итоговый результат. Нестандартизированные коэффициенты регрессии (B) также очень близки между группами (0,046-0,049), указывая на то, что прирост тестового балла на одну единицу приводит к практически одинаковому среднему приросту ито-

говой оценки (примерно на 0,047 балла) независимо от типа темперамента. Таким образом, ключевым и статистически надёжным результатом является не различия между группами, а сильная и однородная внутренняя связь между двумя формами контроля знаний внутри каждой из них.

Таблица 4. Описательная статистика итоговых оценок
Table 4. Descriptive statistics of final grades

Показатель	Сангвиники	Флегматики	Холерики	Меланхолики
М ± SD	3,52 ± 0,92	3,73 ± 0,86	3,55 ± 0,82	3,4 ± 0,84
95% ДИ для М	3,32 - 3,71	3,49 - 3,98	3,36 - 3,74	3,15 - 3,65
Асимметрия	0,128	-0,061	0,391	0,331
Ошибка асимметрии	0,255	0,340	0,281	0,354
Экссесс	-0,799	-0,708	-0,555	-0,333
Ошибка эксцесса	0,506	0,668	0,555	0,695

Таблица 5. Оценка силы связи
Table 5. Assessment of the strength of association

Показатель	Сангвиники	Флегматики	Холерики	Меланхолики
R ²	0,888	0,964	0,943	0,958
F-критерий (p)	2139,12 (<0,0001)	7315,1 (<0,0001)	4522,6 (<0,0001)	6203,8 (<0,0001)
Коэффициент В	0,046	0,049	0,047	0,046
R	0,942	0,982	0,971	0,979

Для выявления статистически значимых различий в общем балле за тестирование между четырьмя группами студентов с различными типами высшей нервной деятельности (сангвиники, флегматики, холерики, меланхолики) был применён непараметрический критерий Краскела-Уоллиса (H-критерий). Полученное значение статистики составило $H = 3,072$, $p = 0,381$. Поскольку достигнутый уровень значимости (p) существенно превышает стандартный порог $\alpha = 0,05$, нулевую гипотезу об отсутствии различий между медианами групп отвергнуть нельзя. Таким образом, статистически значимых различий в медианных баллах успеваемости между студентами разных типов темперамента не обнаружено.

ВЫВОД

Проведенное исследование было направлено на изучение влияния типа высшей нервной деятельности (темперамента) на академическую успеваемость студентов. Анализ результатов 256 студентов второго курса показал, что распределение типов темперамента в выборке является неравномерным: преобладают лица с сангвиническим и холерическим типами (63,3%), что может косвенно отражать специфику контингента медицинского вуза, где обучение требует высокой активности и скорости реакции.

Основной научный результат работы заключается в том, что, несмотря на ожидаемые различия, не было выявлено статистически значимого влияния типа темперамента на итоговую успеваемость. Средние баллы за тестирование и

итоговые оценки во всех четырех группах (сангвиники, холерики, флегматики, меланхолики) оказались в близких диапазонах, демонстрируя высокую степень сходства распределений. Это согласуется с выводами ряда авторов, которые также не обнаружили прямой связи между успешностью учебной деятельности и типом темперамента (Михеева А.А., Паршикова Ю.С., 2020; Сотников Б. В. и др., 2020), указывая на то, что темперамент влияет скорее на процесс, чем на конечный результат.

Тем не менее, наши данные позволяют участвовать в научной дискуссии о роли отдельных свойств нервной системы. Например, несколько более высокие средние значения у флегматиков (75,49) и их самая высокая итоговая оценка (3,73) могут быть объяснены их способностью к длительной концентрации и устойчивости к монотонии. Это перекликается с данными Булатовой И.А. и Ванюкова В.В. (2023), которые отмечали, что флегматики являются самыми внимательными после пика умственной активности, и с выводами Рютиной Л.Н. и др. (2019) о том, что сила нервной системы влияет на работоспособность и выбор методов подготовки, а не на успеваемость напрямую.

Особый интерес представляет группа меланхоликов. В нашем исследовании они показали самую низкую итоговую оценку (3,40) и наименьший размах баллов. Это может быть косвенным подтверждением выводов Ложковой А.В. и Саперовой Е.В. (2021) о низкой успеваемости меланхоликов из-за быстрой истощаемости, а также данных Немолочной Н.В. (2024) и Пастернак Н.А. (2022) о том, что слабая нервная система с трудом выдерживает длительные и интенсивные нагрузки. Однако, в нашем случае эта разница не достигла статистической значимости, что позволяет предположить, что в условиях систематической подготовки или при определенном индивидуальном стиле деятельности (как отмечают Соколова Д.В., Чубарева М.В. [19]) меланхолики способны компенсировать свои нейродинамические особенности и достигать результатов, сопоставимых с другими группами.

Ключевым фактором, определяющим итоговую оценку, вне зависимости от темперамента, выступил результат текущего тестирования. Выявленная крайне сильная корреляционная связь (R^2 до 0,964) между тестовым баллом и итоговой оценкой во всех группах подтверждает, что объективный контроль знаний нивелирует психофизиологические различия. Это подчеркивает вывод Молокановой Ю.П. и др. (2022) о том, что эффективность обучения зависит не только от задатков (свойств ВНД), но и от методики преподавания и актуализации знаний.

Исследование подтверждает, что тип высшей нервной деятельности является лишь фундаментом, на котором строится индивидуальный стиль учебной деятельности. Он не предопределяет академическую успешность, но задает диапазон психофизиологических возможностей, которые студент может использовать или компенсировать. Это согласуется с общим тезисом о том, что в массовых профессиях, к которым относится и врач, свойства темперамента могут быть успешно компенсированы за счет сформированных навыков, мотивации и организованности [19].

ЛИТЕРАТУРА

1. Булатова, И. А. Зависимость качественных и количественных показателей работоспособности от типа темперамента студентов / И. А. Булатова, В. В. Ванюков // Лучшая исследовательская работа 2023 : сб. статей III Междунар. науч.-исследовательского Конкурса (Петрозаводск, 23 августа 2023 г.). - Петрозаводск : Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И. И.), 2023. - С. 130-141.

2. Гутова, Т. С. Исследование взаимосвязи темперамента студентов медицинского университета с их успеваемостью / Т. С. Гутова, Е. В. Стаценко // Инновации. Наука. Образование.

- 2021. - Т. 1, № 44. - С. 1410-1412.

3. Ерина, И. А. Влияние темперамента на успешность обучения студентов / И. А. Ерина, Е. Н. Фанина // Проблемы современного педагогического образования. - 2021. - № 72-1. - С. 356-359.

4. Жукова, И. С. Исследование влияния темперамента студентов при применении в учебном процессе различных педагогических условий на результативность процесса обучения / И. С. Жукова // Процесс обмена знаниями в условиях научно-технического прогресса : сборник научных трудов. - Казань : ООО «СитИвент», 2021. - С. 60-67.

5. Захарова, Г. А. Психофизиологические аспекты успеваемости студентов, обучающихся по педагогическим специальностям / Г. А. Захарова, И. М. Симонов // Наука - образованию, производству, экономике : сб. материалов 73-й Региональной науч.практ. конф. преподавателей, научных сотрудников и аспирантов (Витебск, 11 марта 2021 г.). - Витебск : Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2021. - С. 558-561.

6. Кашина, Ю. В. Индекс адаптации студентов к учебному процессу в зависимости от типа темперамента / Ю. В. Кашина, И. Л. Чередник, С. В. Полищук // Журнал медико-биологических исследований. - 2022. - Т. 10, № 3. - С. 213-220.

7. Кропова, Ю. Г. Особенности высшей нервной деятельности студентов-биологов МГПУ / Ю. Г. Кропова, Н. К. Коробанова // Вестник МГПУ. Серия: Естественные науки. - 2021. - № 2(42). - С. 18-28.

8. Ложкова, А. В. Влияние силы нервных процессов на качество успеваемости учащихся по учебным дисциплинам в школе / А. В. Ложкова, Е. В. Саперова // Актуальные вопросы современной науки и образования : сб. статей XII Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. (Пенза, 27 июля 2021 г.). Ч. 2. - Пенза : Наука и Просвещение, 2021. - С. 149-150.

9. Маховицкая, Т. П. Периоды адаптации студентов-первокурсников к обучению в вузе / Т. П. Маховицкая // Педагогика и психология: теория и практика. - 2020. - № 1(17). - С. 87-93.

10. Михеева, А. А. Влияние темперамента на успешность учебной деятельности / А. А. Михеева, Ю. С. Паршикова // Молодой исследователь: от идеи к проекту : сб. материалов IV студенческой науч.-практ. конф. (Йошкар-Ола, 15 июня 2020 г.). - Йошкар-Ола : Марийский государственный университет, 2020. - С. 254-255.

11. Молоканова, Ю. П. Показатели памяти студентов первого года обучения в вузе с учётом индивидуальных особенностей их высшей нервной деятельности / Ю. П. Молоканова, А. В. Нефедов, О. К. Шуркалина // Естественнонаучное и географическое образование в условиях обновления учебного содержания и цифровой трансформации процесса обучения : сб. материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Москва, 17-19 февраля 2022 г.). - М. : ООО «ПРИНТИКА», 2022. - С. 281-286.

12. Мухина, Н. В. Влияние физиологических и психологических показателей организма студенток среднего профессионального образования на уровень их успеваемости / Н. В. Мухина // Журнал медико-биологических исследований. - 2024. - Т. 12, № 3. - С. 338-346.

13. Овчинникова, В. С. Влияние темперамента на учебную деятельность подростков / В. С. Овчинникова, Г. Н. Ларина // От мечты к открытию: психологические исследования молодых ученых : сб. материалов региональной науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых преподавателей (Курск, 20 января 2023 г.) / Курский государственный университет. Вып. 3. - Курск : ЗАО «Университетская книга», 2023. - С. 82-84.

14. Пастернак, Н. А. Способность действовать «в уме» как предиктор успешности обучения в высшей медицинской школе / Н. А. Пастернак // Новые психологические исследования. - 2022. - Т. 2, № 2. - С. 52-67.

15. Попова, В. В. Эффективность когнитивной деятельности у студентов с различными типологическими профилями / В. В. Попова // Студенческий научный форум: сб. материалов XIII Международной студенческой научной конференции. - 2021. - URL: <https://scienceforum.ru/2021/article/2018027373?ysclid=mpsoi1ijyu402416689> (дата обращения: 02.02.2026).

16. Развитие личности студента в высшем учебном заведении / Л. Н. Рютина, И. А. Фетисов, Н. С. Агапова, М. А. Дербенева // Colloquium-Journal. - 2019. - № 5-4(29). - С. 7-11.

17. Рослякова, Е. М. Успеваемость студентов медицинского университета в зависимости от высших психофизиологических функций / Е. М. Рослякова, А. Г. Бисерова, Н. С. Байжанова, А. С. Игибаева [и др.] // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. - 2016. - № 12-5. - С. 845-848.

18. Связь между силой нервной системы студентов и их академической успеваемостью / Б. В. Сотников, Т. И. Сологубова, Е. И. Кондратьева, И. А. Тажиматов // Бюллетень науки и практики. - 2020. - Т. 6, № 11. - С. 385-389.

19. Соколова, Д. В. Анализ влияния темперамента на учебную деятельность студента инженерных специальностей вуза и колледжа / Д. В. Соколова, М. В. Чубарева // Актуальные вопросы инженерно-технического и технологического обеспечения АПК : сб. материалов X

Национальной научно-практической конференции с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки и техники РФ, доктора технических наук, профессора И. П. Терских (Молодёжный, 06-08 октября 2022 г.) / редкол.: Н. Н. Дмитриев [и др.]. - Молодёжный : Иркутский государственный аграрный университет им. А. А. Ежевского, 2022. - С. 348-359.

20. Степашина, Н. Н. Влияние темперамента на успеваемость студентов / Н. Н. Степашина, М. Д. Сунцова // Молодой ученый. - 2021. - № 51(393). - С. 484-486.

21. Успешность обучения в образовательном учреждении интернатного типа / Н. В. Немолочная // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. - 2024. - Т. 8, № 4(32). - С. 437- 444.

22. Чельшкова, Т.В. Особенности функционального состояния центральной нервной системы студентов в процессе учебной деятельности / Т. В. Чельшкова, Н. Н. Хасанова, С. С. Гречишкина, А. А. Намитокова [и др.] // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 4: Естественно-математические и технические науки. - 2008. - № 9. – С. 34 – 52.

Получена: 08.02.2026 г.

Принята к публикации: 06.06.2026 г.

ON THE QUESTION OF THE DEPENDENCE OF STUDENTS' ACADEMIC PERFORMANCE ON THE TYPE OF HIGHER NERVOUS ACTIVITY

© Pavel V. Tkachenko, Artem A. Chasovskikh

Pavel V. Tkachenko - Doctor of Medical Sciences, Professor, Head of the Department of Normal Physiology, Kursk State Medical University
e-mail: pwtkachenko@rambler.ru

Artem A. Chasovskikh - student, Kursk State Medical University
e-mail: artm.nigmatzyanov.00@bk.ru
Address: 305041, 3 K. Marx str., Kursk, Russian Federation

ABSTRACT

Relevance. Academic success in higher medical education depends on many factors, including individual psychophysiological characteristics. While temperament influences learning dynamics and professional competence formation, existing data regarding its direct impact on academic performance remain contradictory, especially under high cognitive loads typical for medical universities.

Purpose. To investigate the influence of higher nervous activity types on student academic performance in Normal Human Physiology, specifically assessing test scores and final grades among different temperament groups.

Materials and methods. An anonymous survey involved 256 second-year students at Kursk State Medical University. Temperament type was determined via standardized psychodiagnostic testing (sanguine, choleric, phlegmatic, melancholic). Academic performance indicators included final test scores and grades for the "Blood" topic on a 5-point scale. Statistical analysis utilized descriptive statistics, Shapiro-Wilk, Grubbs, Kruskal-Wallis tests, and linear regression analysis with significance level set at $p < 0.05$.

Results. Sanguine (34.8%) and choleric (28.5%) types prevailed. Mean test scores ranged from 72.96 to 75.49; final grades varied from 3.40 to 3.73. No significant performance differences emerged between temperament groups ($H=3.072$; $p=0.381$). However, a strong positive correlation existed between test scores and final grades across all groups (R^2 up to 0.964; $p < 0.0001$).

Conclusions. Higher nervous activity type does not significantly affect academic performance outcomes. Instead, current testing results are the key determinant of final grades. This suggests standardized assessment methods may minimize the influence of psychophysiological characteristics, allowing students to compensate for temperament traits through organized study and high motivation levels.

KEYWORDS: type of higher nervous activity; temperament; student academic performance; sanguine; choleric; phlegmatic; melancholic.

Conflict of interests. The authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

REFERENCES

1. Bulatova I.A., Vanyukov V.V. Zavisimost' kachestvennykh i kolichestvennykh pokazatelei rabotosposobnosti ot tipa temperamenta studentov // Luchshaya issledovatel'skaya rabota 2023: sbornik statei III Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa (Petrozavodsk, 23 avgusta 2023 g.). - Petrozavodsk: Mezhdunarodnyy tsentr nauchnogo partnerstva «Novaya Nauka» (IP Ivanovskaya I.I.), 2023. - S. 130-141. (In Russ.)
2. Gutova T.S., Statsenko E.V. Issledovanie vzaimosvyazi temperamenta studentov meditsinskogo universiteta s ikh uspevaemost'yu // Innovatsii. Nauka. Obrazovanie. - 2021. - T. 1, № 44. - S. 1410-1412. (In Russ.)
3. Erina I.A., Fanina E.N. Vliyaniye temperamenta na uspeshnost' obucheniya studentov // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. - 2021. - № 72-1. - S. 356-359. (In Russ.)
4. Zhukova I.S. Issledovanie vliyaniya temperamenta studentov pri primenenii v uchebnom protsesse razlichnykh pedagogicheskikh usloviy na rezul'tativnost' protsessa obucheniya // Protsses obmena znaniyami v usloviyakh nauchno-tekhnicheskogo progressa: sbornik nauchnykh trudov. - Kazan': OOO «Sitlvent», 2021. - S. 60-67. (In Russ.)
5. Zakharova G.A., Simonov I.M. Psikhofiziologicheskie aspekty uspevaemosti studentov,

obuchayushchikhsya po pedagogicheskim spetsial'nostyam // Nauka - obrazovaniyu, proizvodstvu, ekonomike: materialy 73-y Regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii prepodavateley, nauchnykh sotrudnikov i aspirantov (Vitebsk, 11 marta 2021 g.). - Vitebsk: Vitebskiy gosudarstvennyy universitet im. P.M. Masherova, 2021. - S. 558-561. (In Russ.)

6. Kashina Yu.V., Cherednik I.L., Polishchuk S.V. Indeks adaptatsii studentov k uchebnomu protsessu v zavisimosti ot tipa temperamenta // Zhurnal mediko-biologicheskikh issledovaniy. - 2022. - T. 10, № 3. - S. 213-220. (In Russ.)

7. Kropova Yu.G., Korobanova N.K. Osobennosti vysshey nervnoy deyatel'nosti studentov-biologov MGPU // Vestnik MGPU. Seriya: Estestvennye nauki. - 2021. - № 2(42). - S. 18-28. (In Russ.)

8. Lozhkova A.V., Saperova E.V. Vliyanie sily nervnykh protsessov na kachestvo uspevaemosti uchashchikhsya po uchebnym distsiplinam v shkole // Aktual'nye voprosy sovremennoy nauki i obrazovaniya: sbornik statey XII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 2 ch. (Penza, 27 iyulya 2021 g.). Ch. 2. - Penza: Nauka i Prosveshchenie, 2021. - S. 149-150. (In Russ.)

9. Makhovitskaya T.P. Periody adaptatsii studentov-pervokursnikov k obucheniyu v vuze // Pedagogika i psikhologiya: teoriya i praktika. - 2020. - № 1(17). - S. 87-93. (In Russ.)

10. Mikheeva A.A., Parshikova Yu.S. Vliyanie temperamenta na uspeshnost' uchebnoy deyatel'nosti // Molodoy issledovatel': ot idei k proektu: materialy IV studencheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Yoshkar-Ola, 15 iyunya 2020 g.). - Yoshkar-Ola: Mariyskiy gosudarstvennyy universitet, 2020. - S. 254-255. (In Russ.)

11. Molokanova Yu.P., Nefedov A.V., Shurkalina O.K. Pokazateli pamyati studentov pervogo goda obucheniya v vuze s uchëtom individual'nykh osobennostey ikh vysshey nervnoy deyatel'nosti // Estestvennonauchnoe i geograficheskoe obrazovanie v usloviyakh obnovleniya uchebnogo soderzhaniya i tsifrovoy transformatsii protsessu obucheniya: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Moskva, 17-19 fevralya 2022 g.). - Moskva: OOO «PRINTIKA», 2022. - S. 281-286. (In Russ.)

12. Mukhina N.V. Vliyanie fiziologicheskikh i psikhologicheskikh pokazateley organizma studentok srednego professional'nogo obrazovaniya na uroven' ikh uspevaemosti // Zhurnal mediko-biologicheskikh issledovaniy. - 2024. - T. 12, № 3. - S. 338-346. (In Russ.)

13. Ovchinnikova V.S., Larina G.N. Vliyanie temperamenta na uchebnuyu deyatel'nost' podrostkov // Ot mechty k otkrytiyu: psikhologicheskie issledovaniya molodykh uchenykh: materialy regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh prepodavateley (Kursk, 20 yanvarya 2023 g.) / Kurskiy gosudarstvennyy universitet. Vyp. 3. - Kursk: ZAO «Universitetskaya kniga», 2023. - S. 82-84. (In Russ.)

14. Pasternak N.A. Sposobnost' deystvovat' «v ume» kak prediktor uspeshnosti obucheniya v vysshey meditsinskoy shkole // Novye psikhologicheskie issledovaniya. - 2022. - T. 2, № 2. - S. 52-67. (In Russ.)

15. Popova V.V. Effektivnost' kognitivnoy deyatel'nosti u studentov s razlichnymi tipologicheskimi profilyami // Materialy XIII Mezhdunarodnoy studencheskoy nauchnoy konferentsii «Studencheskiy nauchnyy forum». - 2021. (In Russ.)

16. Ryutina L.N., Fetisov I.A., Agapova N.S., Derbeneva M.A. Razvitie lichnosti studenta v vysshem uchebnom zavedenii // Colloquium-Journal. - 2019. - № 5-4(29). - S. 7-11. (In Russ.)

17. Roslyakova E.M., Biserova A.G., Bayzhanova N.S., Igibaeva A.S., Alipbekova A.S. Uspevaemost' studentov meditsinskogo universiteta v zavisimosti ot vysshikh psikhofiziologicheskikh funktsiy // Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy. - 2016. - № 12-5. - S. 845-848. (In Russ.)

18. Sotnikov B.V., Sologubova T.I., Kondrat'eva E.I., Tazhimatov I.A. Svyaz' mezhdru siloy nervnoy sistemy studentov i ikh akademicheskoy uspevaemost'yu // Byulleten' nauki i praktiki. - 2020. - T. 6, № 11. - S. 385-389. (In Russ.)

19. Sokolova D.V., Chubareva M.V. Analiz vliyaniya temperamenta na uchebnuyu deyatel'nost' studenta inzhenernykh spetsial'nostey vuza i kolledzha // Aktual'nye voprosy inzhenerno-tekhnicheskogo i tekhnologicheskogo obespecheniya APK: materialy X Natsional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoy 90-letiyu so dnya rozhdeniya Zasluzhennogo deyatelya nauki i tekhniki RF, doktora tekhnicheskikh nauk, professora I.P. Terskiikh (Molodëzhnyy, 06-08 oktyabrya 2022 g.) / redkol.: N.N. Dmitriev [i dr.]. - Molodëzhnyy: Irkutskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet im. A.A. Ezhevskogo, 2022. - S. 348-359. (In Russ.)

20. Stepakhina N.N., Suntsova M.D. Vliyanie temperamenta na uspevaemost' studentov // Molodoy uchenyy. - 2021. - № 51(393). - S. 484-486. (In Russ.)

21. Nemolochnaya N.V. Uspeshnost' obucheniya v obrazovatel'nom uchrezhdenii internatnogo tipa // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. - 2024. - T. 8, № 4(32). - S. 437-444. (In Russ.)

22. Chelyshkova T.V., Khasanova N.N., Grechishkina S.S., Namitokova A.A., Kornik G.G., Frolova

V.A. Osobennosti funktsional'nogo sostoyaniya tsentral'noy nervnoy sistemy studentov v protsesse uchebnoy deyatel'nosti // Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Estestvenno-matematicheskie i tekhnicheskie nauki. - 2008. - № 9. (In Russ.)

Received: 08.02.2026

Accepted: 06.06.2026

РАЗВИТИЕ СИЛОВЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ЛИЦ С НАРУШЕНИЕМ ОПОРНО- ДВИГАТЕЛЬНОГО АППАРАТА СРЕДСТВАМИ ПАРАПАУЭРЛИФТИНГА

© Д.В. Беспалов, Я.В. Киперман, А.В. Непочатых

Беспалов Д.В. – декан факультета физической культуры и спорта ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», кандидат психологических наук, доцент
email: bdw23@list.ru

Киперман Я.В. – доцент кафедры медико-биологических дисциплин, оздоровительной и адаптивной физической культуры ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», кандидат биологических наук, доцент

email: ffks.kgu@yandex.ru

Адрес: 305000, Курск, ул. Радищева, д. 33, Российская Федерация

Непочатых А.В. – доцент кафедры физической культуры и спорта ФГБОУ ВО «Курский государственный аграрный университет им. И.И. Иванова»

e-mail: nepochatykh93@yandex.ru

Адрес: 305021, Курск, ул. Карла Маркса, д.70, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность. Проблема организации необходимых условий средствами адаптивной физической культуры и спорта для восстановления и адаптации лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов различных нозологических групп остается актуальной. Вовлечение лиц с нарушением опорно-двигательного аппарата (ОДА) в различные виды физической активности выступает важной задачей их физической реабилитации и социальной адаптации, что актуализирует востребованность поиска эффективных методов работы средствами адаптивной физической культуры. Лицам с ОДА особенно необходимо непрерывное развитие и совершенствование таких способностей как сила и выносливость, через вовлечение в регулярные занятия адаптивной физической культурой и спортом.

Цель исследования – изучение динамики развития силовых способностей лиц с нарушением ОДА средствами парапауэрлифтинга, реализованного в рамках проекта «Оазис».

Материалы и методы: анализ литературы; анализ документов; тестирование; педагогический эксперимент. Исследование осуществлялось на базе ФГБОУ ВО «Курский государственный университет». В исследовании использовался комплекс методов, направленный на развитие силовых способностей у лиц с нарушением ОДА (инвалидов-колясочников - людей, вынужденных постоянно передвигаться в креслах-колясках, лишенных способности к самостоятельному передвижению и лиц с ДЦП – спастическая диплегия), занимающихся в спортивной секции парапауэрлифтинга в рамках реализации проекта «Оазис». Для изучения мотивационных характеристик занимающихся с нарушением ОДА в спортивной секции парапауэрлифтинга применялась методика «Изучение мотивов занятий спортом» (В. И. Тропников).

Результаты. Комплекс упражнений силовых упражнений специальной физической подготовки, включающий упражнения с дополнительными специальными отягощениями, сочетание нагрузок в статическом и динамическом режимах с постоянными и переменными отягощениями, показал позитивную динамику развития силовых способностей занимающихся с нарушением ОДА по таким показателям, как сгибание и разгибание рук в упоре на брусьях; жим штанги от груди лежа весом 35 кг; подтягивание на высокой перекладине по сравнению с контрольной группой. Включение в комплекс упражнений дыхательной гимнастики Ю. Вилуноса на занятиях с испытуемыми в экспериментальной группе способствовало позитивной динамике по показателю Проба Генчи.

Выводы. В условиях реализации проекта «Оазис» работа секции адаптивного спорта по парапауэрлифтингу для лиц с нарушением ОДА Курской области, обеспечение регулярного процесса занятий с вовлечением обучающихся к занятиям силовыми видами спорта, разработанный комплекс упражнений показал динамику развития силовых способностей лиц с нарушением ОДА, а также выявил социально-психологический эффект данных мероприятий, что будет способствовать социальной реабилитации и интеграции в общество данной категории граждан.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лица с нарушением опорно-двигательного аппарата (ОДА); парапауэрлифтинг; развитие силовых способностей; инвалиды-колясочники; лица с ДЦП; мотивация.

Конфликт интересов. Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

По данным Федеральной службы государственной статистики в Российской Федерации на 2023 год насчитывалось 10 932 620 инвалидов различных нозологических групп. Несмотря на то, что в течение нескольких лет наблюдается снижение инвалидизации в стране, проблема организации необходимых условий для восстановления утраченного контакта и адаптации лиц с отклонениями в состоянии здоровья и инвалидностью, в том числе средствами адаптивной физической культуры и спорта, остается актуальной.

В «Публичном отчете Курской региональной организации ВОИ за 2023 год» количество инвалидов составляет 110 513 человек, из них 44 000 человек – инвалиды с нарушением ОДА, которые являются членами Курской областной организации общероссийской общественной организации «Всероссийское общество инвалидов» (ВОИ) [19]. ВОИ обеспечивает содействие инвалидам в занятиях адаптивной физической культурой и спортом. Следует отметить, что в Курском регионе в адаптивную физическую культуру и спорт вовлечено лишь 20,3 % инвалидов от общей их численности [18]. По данным Министерства спорта Курской области, в спортивных секциях занимаются только 56 лиц с нарушением ОДА, что составляет 1,5 % от общей численности инвалидов данной нозологической группы [16]. Между тем, по мнению специалистов ВОИ и практиков, для лиц с нарушением ОДА адаптивный физический спорт жизненно необходим и вовлечение в данный вид активности такой категории граждан выступает важной задачей их физической реабилитации и социальной адаптации, что актуализирует востребованность организации физкультурно-оздоровительных и спортивных мероприятий для лиц с нарушением ОДА.

Теоретический анализ литературы показал, что, начиная с 1980-х годов, в отечественной науке и практике широко развивается научное направление исследований различных аспектов адаптивной физической культуры и спорта, разработаны концепции адаптивной физической культуры (С.П. Евсеев; Шапкова Л.В.), описан категориальный аппарат адаптивного спорта, разработаны методики спортивной работы с представителями разных нозологических групп, в том числе, для лиц с различными нарушениями опорно-двигательного аппарата.

Рядом специалистов убедительно доказана эффективность адаптивной физической культуры в физической реабилитации, социальной адаптации и интеграции в общество лиц с нарушением ОДА. По мнению исследователей, лицам с нарушением ОДА для эффективности восстановления остаточных возможностей своего организма, создания фонда жизненно важных умений и навыков особенно необходимо непрерывное развитие и совершенствование таких способностей как сила и выносливость, через вовлечение в регулярные занятия адаптивной физической культурой и спортом, в том числе, с учетом региональной специфики (Л.Н. Эйдельман, Н.Л. Волкова; М.С. Образцов и др.) [3].

Таким образом, существует противоречие между потребностью практики в применении различных методик развития физических способностей лиц с нарушением ОДА и недостаточным научным обоснованием их эффективности. В связи с этим цель исследования - изучение динамики развития силовых способностей лиц с нарушением ОДА средствами парапауэрлифтинга, реализованного в рамках проекта «Оазис».

В рамках проекта студенческого спортивного клуба Курского государственного университета «Гепард», поддержанного Фондом президентских грантов, был

создан Клуб адаптивной физической культуры и спорта «Оазис». Деятельность Клуба заключается в создании условий для полноценных занятий адаптивной физической культурой и адаптивным спортом жителей Курской области с ОВЗ и (или) инвалидностью [6].

В условиях реализации проекта расширена секция адаптивного спорта по пауэрлифтингу для лиц с нарушением ОДА Курской области, и обеспечен регулярный процесс занятий с вовлечением обучающихся к занятиям силовыми видами спорта. Особенностью данного вида адаптивного силового спорта для лиц с нарушением ОДА выступает единственная дисциплина - жим штанги лежа от груди, подготовка к которой влияет на развитие силовых способностей инвалидов.

Исследования проводились в рамках сотрудничества с партнером проекта на базе спортивной школы «Атлет».

Материалы и методы исследования – анализ литературы; анализ документов; тестирование; педагогический эксперимент. Исследование осуществлялось на базе ФГБОУ ВО «Курский государственный университет». В исследовании использовался комплекс методов, направленный на развитие силовых способностей у лиц с нарушением ОДА (инвалидов-колясочников - людей, вынужденных постоянно передвигаться в креслах-колясках, лишенных способности к самостоятельному передвижению и лиц с ДЦП – спастическая диплегия), занимающихся в спортивной секции парапауэрлифтинга в рамках реализации проекта «Оазис». Для изучения мотивационных характеристик занимающихся с нарушением ОДА в спортивной секции парапауэрлифтинга применялась методика «Изучение мотивов занятий спортом» (В. И. Тропников).

Исследование осуществлялось в период 2024-2025 уч.г.

Для исследования развития силовых способностей у лиц с нарушением ОДА экспериментальной и контрольной групп использовались апробированные и доступные для данной категории граждан тесты, утвержденные Федеральным стандартом спортивной подготовки по виду спорта спорт лиц с поражением опорно-двигательного аппарата» (I, II, III функциональные группы): 1. сгибание и разгибание рук в упоре на брусьях; 2. жим штанги от груди весом 35 кг (считается базовым силовым упражнением; согласно техническим правилам упражнение выполняется спортсменами с помощью ассистентов); 3. подтягивание из виса на высокой перекладине (ноги фиксируются в положении «угол» специальными ремнями или широкими эластичными бинтами ко второму турнику или к балканской раме или, если удобно занимающемуся – ноги находятся в положении виса, зафиксировав их вместе ремнями в области голеностопа); 4. жим штанги лежа с учетом техники выполнения (фиксируется максимальный вес штанги, который участник может технически грамотно выполнить на один раз жима от груди) [7].

В педагогическом эксперименте участвовали 24 испытуемых с нарушением ОДА, занимающихся в спортивной секции парапауэрлифтинга в рамках реализации проекта «Оазис». Выборка была разделена на контрольную (КГ) и экспериментальную (ЭК) группы равной численностью по 12 человек (два инвалида-колясочника и десять лиц с ДЦП – спастическая диплегия в каждой группе). Подразделение на КГ и ЭГ осуществлялось с согласия испытуемых по равному количеству человек в одной весовой категории – 81-88 кг. В группы были включены испытуемые с нарушением ОДА мужского пола в возрасте 18 - 35 лет.

Все испытуемые были спортсменами секции парапауэрлифтинга и перед зачислением в группы (КГ и ЭГ) для занятий прошли медицинское обследование

на базе физкультурно-спортивного диспансера АУ Курской области «Спортивно-концертный комплекс». По результатам обследования противопоказаний для занятий парапауэрлифтингом у занимающихся выявлено не было.

Объем образовательной программы спортивной подготовки на этапе начальной подготовки занимающихся пауэрлифтингом составляет 4 часа в неделю (в среднем 3 раза в неделю по 90 минут). Занятия проводились согласно Федеральному стандарту (общая физическая подготовка – 20 - 24 %, специальная физическая подготовка – 35 – 40 %, техническая подготовка – 28 – 32 %, тактическая подготовка – 1 – 3 %, психологическая подготовка – 1- 3 %, теоретическая подготовка – 3 – 5 %, медико-биологические мероприятия – 1 - 4 %).

Занятия с испытуемыми в контрольной группе (КГ) и экспериментальной (ЭГ) группах осуществлялись в течение шести месяцев по программе, разработанной спортивной школой «Атлет», в рамках реализации проекта «Оазис». Основными средствами физической подготовки в обеих группах являлись силовые упражнения.

В экспериментальной группе (ЭГ) в тренировочный процесс были включены два комплекса упражнений с сочетанием нагрузок с постоянными и переменными отягощениями, разработанными в рамках реализации проекта «Оазис», и применялись на протяжении шести месяцев в процессе регулярных занятий по пауэрлифтингу для лиц с ПОДА.

Комплексы включали в себя ряд силовых упражнений специальной физической подготовки и отличалась тем, что большинство упражнений в ЭГ выполнялись с дополнительными специальными отягощениями (флюйболы – мячи, наполненные водой 3, 5, 7 и 12 кг, пружины, диски, цепи, брусья с грузом, упражнения на развитие двуглавой мышца рук на парте Скотта и др.). Так же использовалось сочетание нагрузок в статическом и динамическом режимах с постоянными и переменными отягощениями. Кроме того, комплекс упражнений в ЭГ включал в себя упражнения дыхательной гимнастики из оздоровительной методики Ю. Вилуноса для развития дыхательной функции. В данном аспекте, мы исходили из понимания того, что занимающихся с ПОДА возможны деформация и нарушения со стороны экскурсии грудной клетки, что затрудняет процесс задержки дыхания на выдохе и может оказывать влияние на эффективность тренировочного процесса.

Программа теоретической подготовки в КГ и ЭГ были одинаковыми. Теоретический блок содержал в себе вопросы техники безопасности на занятиях, самоконтроля и гигиены спортсмена, основные аспекты истории развития парапауэрлифтинга в России и за рубежом, современные подходы к тренировочному процессу по данному виду спорта.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для оценки динамики силового развития занимающихся с ПОДА были проанализированы результаты тестов в контрольной (КГ) (n=12) и экспериментальной (ЭГ) группах (n=12).

В таблице 1 представлены средние показатели силовой подготовленности лиц с нарушением ОДА КГ и ЭГ, полученными с помощью педагогических тестов до проведения педагогического эксперимента.

Как видно, из таблицы 1 достоверных различий между показателями КГ и ЭГ в начале эксперимента не выявлено.

В таблице 2 представлены показатели физической подготовленности занимающихся с нарушением ОДА в спортивной секции парапауэрлифтинга после реализации программы, разработанной спортивной школой «Атлет», в рамках реализации проекта «Оазис» (Таблица 2).

Таблица 1. Показатели физической подготовленности испытуемых КГ и ЭГ в начале эксперимента ($M \pm m$)
Table 1. Indicators of physical fitness of the subjects of the CG and EG at the beginning of the experiment ($M \pm m$)

Показатели	КГ	ЭГ	Достоверность различий
Сгибание и разгибание рук в упоре на брусках (кол-во раз)	8,0±1,0	8,0±1,0	p>0,95
Жим штанги от груди лежа весом 35 кг (максимальное кол-во раз)	11,0±2,0	11,0±2,0	p>0,05
Подтягивание на высокой перекладине (кол-во раз)	6,0±2,0	6,0±2,0	p>0,05
Жим штанги с учетом техники выполнения на 1 раз (кг)	51,0±8,0	53,0±8,0	p>0,05

Таблица 2. Показатели физической подготовленности испытуемых КГ и ЭГ после эксперимента ($M \pm m$)

Table 2. Indicators of physical fitness of the subjects of the CG and EG after of the experiment ($M \pm m$)

Показатели	КГ	ЭГ	Достоверность различий
Сгибание и разгибание рук в упоре на брусках (кол-во раз)	13,0±2,0	14,0±2,0	p < 0,05
Жим штанги от груди лежа весом 35 кг (максимальное кол-во раз)	22,0±4,0	25,0±7,0	p < 0,05
Подтягивание на высокой перекладине (кол-во раз)	13,0±3,0	14,0±7,0	p < 0,05
Жим штанги с учетом техники выполнения на 1 раз (кг)	83,0±7,0	87,0±8,0	p < 0,05

Как видно из таблицы 2, значимый прирост среднего результата у занимающихся с нарушением ОДА (инвалидов-колясочников и лиц с ДЦП) в экспериментальной группе мы зафиксирован в сгибании и разгибании рук в упоре на брусках (количество раз) на 75 %. В контрольной группе данный показатель составил 62,5 %, что на 12,5 % выше результатов, полученных в экспериментальной группе по сравнению с результатами по данному показателю в контрольной группе.

Выраженный прирост среднего результата в жиме штанги от груди (количество раз), в положении лежа (вес штанги - 35 кг) в экспериментальной группе составил 127 %, в контрольной группе так же наблюдается увеличение показателей на 100 %. Между тем, сравнительный анализ прироста показателей показывает, что в экспериментальной группе на 27 % результат выше, чем в контрольной группе.

Значительный прирост показателей подтягивания на высокой перекладине (кол-во раз) в экспериментальной группе составляет 133 %, у занимающихся

спортсменов с нарушением ОДА контрольной группы – 117 %, что на 16 % выше в экспериментальной группе по сравнению с результатами по данному показателю в контрольной группе.

В тесте специальной физической подготовки жим штанги с учетом техники выполнения на 1 раз (кг) отмечается прирост среднего результата в экспериментальной группе на 64 %, в контрольной группе прирост составил 62 %. В данном тесте наблюдается незначительная разница в приросте данного показателя в экспериментальной и контрольной группах (2 %).

Таким образом, результаты педагогического эксперимента позволяют констатировать, что использованный комплекс упражнений силовых упражнений специальной физической подготовки, включающий упражнения с дополнительными специальными отягощениями, сочетание нагрузок в статическом и динамическом режимах с постоянными и переменными отягощениями, упражнения дыхательной гимнастики из оздоровительной методики Ю. Вилуноса, показал позитивную динамику развития силовых способностей занимающихся с нарушением ОДА по таким показателям, как сгибание и разгибание рук в упоре на брусьях ($p < 0,05$); жим штанги от груди лежа весом 35 кг ($p < 0,05$); подтягивание на высокой перекладине ($p < 0,05$).

С целью подбора интенсивности тренировочных нагрузок и контроля за физическим состоянием испытуемых нами были использованы информативные стандартные тесты: пульсометрия, измерение артериального давления электронным тонометром Omron HEM-7121-RU и проба Генчи по задержке дыхания на выдохе (на устойчивость организма к гипоксии). Проба Генчи проводилась с целью выявления способности задерживать дыхание на выдохе, т.к. у лиц с нарушением ОДА (с травмами позвоночника) возможно недостаточное функционирование экскурсии грудной клетки из-за атрофии тазовых конечностей и параспинальных мышц. Между тем, навык задержки дыхания может

Таблица 3. Показатели функционального состояния испытуемых КГ и ЭГ в начале эксперимента ($M \pm m$)
Table 3. Indicators of the functional state of the subjects of the CG and EG at the beginning of the experiment ($M \pm m$)

Показатели	КГ		ЭГ	
	До нагрузки	После нагрузки	До нагрузки	После нагрузки
ЧСС	80,2±1,2	-	81,4±1,3	-
АД, мм рт. ст	124/35±1,3	-	122/70±1,2	-
Проба Генчи, сек	12±1,4	-	13±1,2	-

оказывать положительное влияние на спортивную подготовку занимающихся и спортивные результаты.

Как видно из таблицы 3, результаты диагностики функционального состояния испытуемых КГ и ЭГ в начале эксперимента не выявили значимых различий. В обеих группах зафиксированы результаты по показателям ЧСС, АД, пробы Генчи.

В таблице 4 представлены результаты функционального состояния испытуемых КГ и ЭГ после эксперимента.

Как видно из таблицы 4, в экспериментальной группе по сравнению с контрольной группой в показателях Проба Генчи зафиксировано их увеличение на 4,7 сек (до нагрузки) и на 4,0 сек (после нагрузки) – на 25,54 % и на 24,69 % соответственно. По нашему мнению, включение в комплекс упражнений дыхательной гимнастики Ю. Вилуноса на занятиях с испытуемыми в экспери-

Таблица 4. Показатели функционального состояния испытуемых КГ и ЭГ после эксперимента ($M \pm m$)
Table 4. Indicators of the functional state of the subjects of the CG and EG after the experiment ($M \pm m$)

Показатели	КГ		ЭГ	
	До нагрузки	После нагрузки	До нагрузки	После нагрузки
ЧСС	80,2±1,2	112±1,8	81,4±1,3	110±1,6
АД, мм рт. ст	124/85±1,3	134/90±1,4	125/70±1,2	138/90±1,4
Проба Генчи, сек	18,4±1,1	16,2±1,4	23,1±1,1	20,2±1,2

ментальной группе способствовало позитивной динамике по данному показателю – Проба Генчи.

Кроме того, в исследовании нами использовалась методика «Изучение мотивов занятий спортом» (В. И. Тропников) для изучения уровня значимости различных условий, способствующих развитию мотивации занятий парапауэрлифтингом спортсменов с нарушением ОДА. Методика применялась для респондентов контрольной и экспериментальной групп до начала эксперимента. После проведения эксперимента была проведена диагностика по данной методике в экспериментальной группе. Полученные результаты в ЭГ сравнивались

Рисунок 1. Результаты, полученные с помощью методики «Изучение мотивов занятий спортом» (В. И. Тропников)

Figure 1. Results obtained using the «Studying Motives for Sports Activities» methodology (V. I. Tropnikov) со среднегрупповыми значениями, полученные до эксперимента. На рисунке представлены результаты исследования по данной методике.

Как видно из рисунка, сравнение среднегрупповых результатов по данной методике выявили позитивную динамику ее показателей. Так, по показателю «улучшение самочувствия и здоровья» зафиксировано увеличение результатов после эксперимента на 1,25 балла (36,76 %). По критерию «физическое совершенство» результат занимающихся после эксперимента увеличился на 0,65 балла (16,67 %). Обращает на себя внимание критерий «приобретение полезных для жизни умений». Так, по данному показателю зафиксировано увеличение результатов после эксперимента в экспериментальной группе на 0,83 балла (39,01 %). Остальные показатели изменились статистически не значимо.

ВЫВОДЫ

Результаты педагогического эксперимента позволяют констатировать, что использованный комплекс упражнений силовых упражнений специальной физической подготовки, включающий упражнения с дополнительными специальными отягощениями, сочетание нагрузок в статическом и динамическом режимах с постоянными и переменными отягощениями, показал позитивную динамику развития силовых способностей занимающихся с нарушением ОДА по таким показателям, как сгибание и разгибание рук в упоре на брусьях ($p < 0,05$); жим штанги от груди лежа весом 35 кг ($p < 0,05$); подтягивание на высокой перекладине ($p < 0,05$). по сравнению с контрольной группой Включение в комплекс упражнений дыхательной гимнастики Ю. Вилуноса на занятиях с испытуемыми в экспериментальной группе способствовало позитивной динамике по показателю – Проба Генчи.

Диагностика мотивированности занятиями спортом выявила позитивную динамику по таким показателям, как «улучшение самочувствия и здоровья»; «физическое совершенство»; «приобретение полезных для жизни умений», что может свидетельствовать о социально-психологическом эффекте разработанного комплекса упражнений в спортивной секции парапауэрлифтинга в рамках реализации проекта «Оазис». Между тем, за рамками исследования остались вопросы исследования компетенций тренеров, работающих с занимающимися с нарушением ОДА в спортивной секции парапауэрлифтинга, что станет предметом нашего дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авилова, И.А. Психологические аспекты реабилитации спортсмена после травмы / И.А. Авилова, Д.В. Швец // Физическая культура, спорт, наука и образование: сб. материалов III Всерос. науч. конф., II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием «Дмитриевские чтения «Наука побеждать», посвящ. 70-летию со дня рождения олимпийского чемпиона Р.М. Дмитриева (Якутск, 7 марта 2019 г.); под ред. С.С. Гуляевой, А.Ф. Сыроватской. – Чурапча: ЧГИФКиС, 2019. – С. 3-6. – URL : qOutWlqakY2L.pdf (дата обращения : 20.04.2025)
2. Беспалов, Д.В. Психологические особенности динамики лидерства и руководства в молодежных группах / Д.В. Беспалов, А.В. Матвеева // Инновационные ресурсы социальной психологии: теории, методы, практики: сб. научных работ; отв. ред. О.В. Соловьева, Т.Г. Стефаненко. – М. : 2017. – С. 54 - 59. – URL : file:///C:/Users/HP/Downloads/Solovevared2017_Innovatsionnyie_resursyi_sotsialnoj_psihologii.pdf (дата обращения : 20.04.2025)
3. Беспалов, Д.В. Особенности психологического и медико-биологического сопровождения физкультурно- спортивной деятельности лиц с ОВЗ и инвалидностью / Д.В. Беспалов, Я.В. Киперман // Современные проблемы теории и практики физической культуры и спорта: сб. статей по материалам Всерос. науч.-практ. конф. - Курск, 2024. – С. 13-18.
4. Бударников, А.А. Пауэрлифтинг : тренировка и соревнование : учебно-методическое пособие / А. А. Бударников, А. В. Козлов, А. М. Шувалов [и др.] Президентская академия. – М. : Дело, 2023. – 128 с. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=719204> (дата обращения: 19.02.2025).
5. Буканова, П.А. Психологическая реабилитация спортсмена после травмы позвоночника / П.А. Буканова, Т.В. Недуруева // Актуальные проблемы физической культуры и спорта: науч.-практ. и учебно-методический аспекты: сб. научных трудов по материалам III Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 88-летию Курского государственного медицинского университета и приуроченной к Году педагога и наставника (Курск, 07–08 декабря 2023 г.). – Курск : КГМУ, 2023. - С. 15-17. – URL : elibrary.ru/download/elibrary_61748939_15866372.pdf (дата обращения : 20.04.2025)
6. Виноградов, Г.П. Атлетизм: теория и методика тренировки: учебник для высших учебных заведений / Г.П. Виноградов. - М.: «Советский спорт». -2009.-412 с.
7. Всемирный Паралимпийский пауэрлифтинг Приложение 11: Руководство по протоколу (март 2022 г.). - URL: <https://paralymp.ru/uplo:ad/iblock/48e/sejamp8gvy7zmkajehorwgkx7b6u2jyv.pdf> (дата обращения : 20.04.2025)
8. Воробьев, С.А. Научно-методическое обеспечение в паралимпийском спорте / С.А.

Воробьев, А.А. Баряев // Теория и практика физической культуры. - 2023. - № 9. - С. 78 – 80. – URL : https://ysru.org/Теория_и_практика_физической_культуры_2023-09?ysclid=mpu9z-3klai603207025 (дата обращения : 20.04.2025)

9. Горбов, А.М. Комплексная подготовка пауэрлифтера. Победа на турнире / А.М. Горбов. - М.: АСТ-Сталкер, 2007. - 176 с.

10. Давыдов, С.С. Актуальные проблемы и перспективы развития физической культуры, спортивной тренировки, рекреации и фитнеса, адаптивной и оздоровительно-восстановительной физической культуры : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Липецк, 11-12 апреля 2024 г.); отв. ред. С. С. Давыдова ; Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского. – Липецк: ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2024. – 385 с.

11. Доронин, А.М. Оптимизация специальной силовой физической подготовки спортсменов с помощью переменного отягощения / А.М. Доронин, А.Р. Мамий, А.В. Коваленко // Вестник Адыгейского государственного университета. - 2008. - № 5. - С. 198-202.

12. Евсеев, С. П. Теория и организация адаптивной физической культуры : учебник : С. П. Евсеев. – М. : Спорт, 2016. – 616 с.

13. Евсеева, О.Э. Технологии физкультурно-спортивной деятельности в адаптивной физической культуре : учебник / авт.-сост. О. Э. Евсеева, С. П. Евсеев ; под общ. ред. С. П. Евсеева. – М. : Спорт, 2016. – 385 с.

14. Киперман, М.А. Мониторинг состояния здоровья студентов с ОВЗ и инвалидностью Курской области в рамках реализации проекта Молодежный центр адаптивной физической культуры и спорта «Импульс», поддержанного Фондом президентских грантов / М.А. Киперман, Д.В. Беспалов, Я.В. Киперман // Медико-биологические аспекты физической культуры и спорта: сб. материалов науч.-практ. конф. с междунар. участием (Курск, 27-28 мая 2022 г.). – Курск : КГУ, 2022. – С. 21-25. – URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49355223&ysclid=mpuacitlkz242052215> (дата обращения : 20.04.2025)

15. Лубышева, Л.И. Современный спорт в системе координат концепта «РАВЕНСТВА-НЕРАВЕНСТВА» / Л.И. Лубышева // Теория и практика физической культуры. - 2024. - № 10. - С. 105 - 119.

16. Адаптивная физическая культура и спорт // Министерство спорта России [официальный сайт] (обновлено 23.05.2025 г.). – URL : <https://minsport.gov.ru/activity/adaptive-physical-culture/?ysclid=mpuahtcrse242692717> (дата обращения : 23.05.2025)

17. Начинская, С.В. Спортивная метрология : учебник для студентов учреждений высшего образования / С.В. Начинская. - 4-е издание. – М. : Издательский центр «Академия», 2012. – 240 с.

18. Отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы Курской области «Развитие физической культуры и спорта в Курской области» (2023 г.). – URL : https://kursk.ru/upload/iblock/05a/aa30qolsbur5csc3sl4ld95heut3w39m/Otchet-o-khode-realizatsii-gosudarstvennoy-programmy-_Razvitie-fizicheskoy-kultury-i-sporta-v-Kurskoy-oblasti-za-2023-god.pdf?ysclid=mpuamm5c5f102639123 (дата обращения : 20.04.2025)

19. Публичный отчет Курской региональной организации ВОИ за 2023 г. / А.Б. Дюкарев. - URL : https://www.voi.ru/images/editor_files/2024/07/fce1a44616612af061a11942ded98ebe.pdf. (дата обращения : 20.04.2025)

20. Стоцкая, Е.С. Частные методики адаптивной физической культуры : учебное пособие : в 2 частях; сост. Е. С. Стоцкая ; Сибирский государственный университет физической культуры и спорта. – Омск : Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, 2020. – Часть 2. Частные методики адаптивной физической культуры у детей с поражением опорно-двигательного аппарата, детей со сложными нарушениями, лиц пожилого возраста. – 245 с.

21. Хотимченко, А.В. Влияние занятий пауэрлифтингом на уровень физического развития подростков с поражением опорно-двигательного аппарата / А.В. Хотимченко // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. – 2023. – № 3 (217). – С. 500 - 503. – URL : https://www.elibrary.ru/download/elibrary_53742789_35887582.pdf (дата обращения : 20.04.2025)

22. Шутова, Т.Н. Моделирование тренировочного процесса квалифицированных пауэрлифтеров : монография / Т. Н. Шутова, А. П. Додонов. – М. : ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2017. – 80 с.

23. Юров, В. В. Теоретические и методические основы пауэрлифтинга : учебное пособие / В. В. Юров. – М.; Берлин : Директ-Медиа, 2019. – 110 с.

DEVELOPMENT OF STRENGTH ABILITIES OF PEOPLE WITH MUSCULOSKELETAL DISORDERS BY MEANS OF PARA-POWERLIFTING

© Dmitry V. Bepalov, Yana V. Kiperman, Anton V. Nepochatykh

Dmitry V. Bepalov – Dean of the Faculty of Physical Education and Sports, Kursk State University, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor
e-mail: bdw23@list.ru

Yana V. Kiperman – Associate Professor of the Department of Biomedical Disciplines, Wellness and Adaptive Physical Education, Kursk State University, Candidate of Biological Sciences, Associate Professor
e-mail: ffks.kgu@yandex.ru
Address: 305000, Kursk, Radishcheva str., 33, Russian Federation

Anton V. Nepochatykh – Associate Professor of the Department of Physical Culture and Sports of the I.I. Ivanov Kursk State Agrarian University
e-mail : nepochatykh93@yandex.ru
Address: 70 Karl Marx St., Kursk, 305021, Russian Federation

ABSTRACT

104

Relevance. Despite the fact that in recent years there has been a downward trend in disability in the Russian Federation, the problem of organizing the necessary conditions by means of adaptive physical culture and sports for the recovery and adaptation of people with disabilities and people with disabilities of various nosological groups remains relevant. The involvement of people with musculoskeletal disorders in various types of physical activity is an important task of their physical rehabilitation and social adaptation, which actualizes the need to find effective methods of work by means of adaptive physical culture. People with MSDS especially need the continuous development and improvement of abilities such as strength and endurance, through involvement in regular adaptive physical education and sports.

The purpose of the study is to study the dynamics of the development of the strength abilities of people with disabilities by means of para-powerlifting, implemented within the framework of the Oasis project.

Materials and methods. literature analysis; document analysis; testing; pedagogical experiment. The research was carried out on the basis of the Kursk State University. The study used a set of methods aimed at developing strength abilities in people with disabilities MSDS (wheelchair users - people who are constantly forced to move in wheelchairs, deprived of the ability to move independently, and people with cerebral palsy - spastic diplegia) involved in the para-powerlifting sports section as part of the Oasis project. To study the motivational characteristics of those involved in disability in the sports section of para-powerlifting, the method of "Studying the motives of sports" (V. I. Trotnikov) was used.

Results. The used set of strength exercises for special physical training, including exercises with additional special weights, a combination of loads in static and dynamic modes with constant and variable weights, showed a positive trend in the development of strength abilities of students with impaired MSDS in such indicators as flexion and extension of arms resting on the uneven bars; bench press from the chest with a weight of 35 kg; pull-up on a high crossbar compared to the control group. The inclusion of breathing exercises in the complex of exercises Yu. Vilunosa in the classroom with the subjects in the experimental group contributed to the positive dynamics in terms of the Gencha test. The diagnosis of motivation to engage in sports revealed positive dynamics in such indicators as "improvement of well-being and health"; "physical perfection"; "acquisition of life-enhancing skills", which may indicate the socio-psychological effect of the developed set of exercises in the para-powerlifting sports section within the framework of the Oasis project.

Conclusions. In the context of the Oasis project, the work of the adaptive sports section on parapowerlifting for people with disabilities in the Kursk region, ensuring a regular training process involving students in strength sports, the developed set of exercises showed the dynamics of the development of strength abilities of people with disabilities, and also revealed the socio-psychological effect of these activities, which will contribute to social rehabilitation and integration into society of this category of citizens.

KEYWORDS: people with musculoskeletal disorders; para-powerlifting; development of strength abilities; wheelchair users; people with cerebral palsy; motivation.

Conflict of interests. The authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

REFERENCES

1. Avilova, I.A. Psychological aspects of athlete's rehabilitation after injury / I.A. Avilova, D.V. Shvets // Physical culture, sport, science and education: collection of materials of the III All-Russian Scientific Conference, II All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation with the participation of "Dmitrievsky readings "The Science of winning", dedicated to 70th anniversary of the birth of Olympic champion R.M. Dmitriev (Yakutsk, March 7, 2019); edited by S.S. Gulyaeva, A.F. Syrovatskaya. – Churapcha: Chgifkis, 2019. – pp. 3-6. – URL : [qOutWlqaKY2L.pdf](#) (accessed : 04/20/2025)
2. Bespalov, D.V. Psychological features of leadership dynamics and leadership in youth groups / D.V. Bespalov, A.V. Matveeva // Innovative resources of social psychology: theories, methods, practices: collection of scientific papers; edited by O.V. Solovyov, T.G. Stefanenko. – Moscow: 2017. pp. 54-59. – URL : [file:///C:/Users/HP/Downloads/solvevared2017_innovatsionnyie_resursyi_sotsialnoj_psihologii.pdf](#) (accessed : 04/20/2025)
3. Bespalov, D.V. Features of psychological and medical-biological support of physical culture and sports activities of persons with disabilities / D.V. Bespalov, Ya.V. Kiperman // Modern problems of theory and practice of physical culture and sports: collection of articles based on materials of the All-Russian scientific and practical Conference, Kursk, 2024, pp. 13-18.
4. Budarnikov, A.A. Powerlifting : training and competition : an educational and methodical manual / A. A. Budarnikov, A.V. Kozlov, A.M. Shuvalov [et al.] Presidential Academy. – M. : Delo, 2023. – 128 p. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=719204> (date of request: 02/19/2025).
5. Bukanova, P.A. Psychological rehabilitation of an athlete after spinal injury / P.A. Bukanova, T.V. Neduruyeva // Actual problems of physical culture and sports: scientific and practical and educational and methodological aspects: collection of scientific papers based on the materials of the III All-Russian Scientific and Practical conf., dedication. 88th anniversary of Kursk State Medical University and dedicated to the Year of the Teacher and Mentor (Kursk, December 07-08, 2023). – Kursk : KSMU, 2023. – pp. 15-17. – URL: [elibrary.ru/download/elibrary_61748939_15866372.pdf](#) (date of request : 04/20/2025)
6. Vinogradov, G.P. Athleticism: theory and methodology of training: textbook for higher educational institutions / G.P. Vinogradov. – M.: "Soviet sport". -2009.-412 p.
7. World Paralympic Powerlifting Appendix 11: Protocol Guidelines (March 2022). – URL: <https://paralymp.ru/uplo:ad/iblock/48e/sejamp8gvy7zmkajehorwgkx7b6u2jjv.pdf> (date of request : 04/20/2025)
8. Vorobyov, S.A. Scientific and methodological support in Paralympic sports / S.A. Vorobyov, A.A. Baryaev // Theory and practice of physical culture. – 2023. – No. 9. – pp. 78-80. – URL : https://yspu.org/Теория_и_практика_физической_культуры_2023-09 ?ysclid=mpu9z3klai603207025 (accessed : 04/20/2025)
9. Gorbov, A.M. Comprehensive training of a powerlifter. Victory at the tournament / A.M. Gorbov. – M.: AST-Stalker, 2007. – 176 p.
10. Davydov, S.S. Actual problems and prospects of development of physical culture, sports training, recreation and fitness, adaptive and health-improving and restorative physical culture : materials of the All-Russian Scientific and practical conference with the international with participation (Lipetsk, April 11-12, 2024); ed. by S. S. Davydov; Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky. Lipetsk: LGPU named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky, 2024. 385 p.
11. Doronin, A.M. Optimization of special strength physical training of athletes using variable weights / A.M. Doronin, A.R. Mamiy, A.B. Kovalenko // Bulletin of the Adygea State University. – 2008. – No. 5. – pp. 198-202.
12. Evseev, S. P. Theory and organization of adaptive physical culture : textbook : S. P. Evseev. – M. : Sport, 2016. – 616 p.
13. Evseeva, O.E. Technologies of physical culture and sports activity in adaptive physical culture : textbook / author.-comp. O. E. Evseeva, S. P. Evseev ; under the general editorship of S. P. Evseev. – M. : Sport, 2016. – 385 p.
14. Kiperman, M.A. Monitoring the health status of students with disabilities and disabilities in the Kursk region within the framework of the project Youth Center for Adaptive Physical Culture and Sports "Impulse", supported by the Presidential Grants Foundation / M.A. Kiperman, D.V. Bespalov, Ya.V. Kiperman // Medical and biological aspects of physical culture and sports: collection of scientific and practical materials. conference with the international (Kursk, May 27-28, 2022). – Kursk : KSU, 2022. – pp. 21-25. – URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49355223&ysclid=mpuac-itlkz242052215> (date of request : 04/20/2025)

15. Lubysheva, L.I. Modern sport in the coordinate system of the concept of "EQUALITY-IN-EQUALITY" / L.I. Lubysheva // Theory and practice of physical culture. - 2024. - No. 10. - pp. 105-119.
16. Adaptive physical culture and sport // Ministry of Sports of Russia [official website] (updated 05/23/2025). – URL: <https://minsport.gov.ru/activity/adaptive-physical-culture/?ysclid=mpuaht-crse242692717> (accessed : 05/23/2025)
17. Nachinskaya, S.V. Sports metrology : a textbook for students of institutions of higher education / S.V. Nachinskaya. - 4th edition. – M. : Publishing center "Academy", 2012. – 240 p.
18. Report on the implementation and evaluation of the effectiveness of the Kursk Region State program "Development of Physical Culture and Sports in the Kursk region" (2023). – URL: https://kursk.ru/upload/iblock/05a/aa30qolsbur5csc3sl4ld95heut3w39m/Otchet-o-khode-realizatsii-gosudarstvennoy-programmy-_Razvitie-fizicheskoy-kultury-i-sporta-v-Kurskoy-oblasti-za-2023-god.pdf?ysclid=mpuamm5c5f102639123 (date of request : 04/20/2025)
19. Public report of the Kursk Regional VOI Organization for 2023 / A.B. Dyukarev. - URL : https://www.voi.ru/images/editor_files/2024/07/fce1a44616612af061a11942ded98ebe.pdf. (date of request : 04/20/2025)
20. Stotskaya, E.S. Private methods of adaptive physical culture : textbook : in 2 parts; comp. E. S. Stotskaya ; Siberian State University of Physical Culture and Sports. Omsk : Siberian State University of Physical Culture and Sports, 2020. Part 2. Specific methods of adaptive physical education in children with musculoskeletal disorders, children with complex disabilities, and the elderly. - 245 p.
21. Khotimchenko, A.V. The influence of powerlifting on the level of physical development of adolescents with damage to the musculoskeletal system / A.V. Khotimchenko // Scientific notes of the P.F. Lesgaft University. – 2023. – № 3 (217). – Pp. 500 - 503. – URL : https://www.elibrary.ru/download/elibrary_53742789_35887582.pdf (date of reference : 04/20/2025)
22. Shutova, T.N. Modeling of the training process of qualified powerlifters : a monograph / T. N. Shutova, A. P. Dodonov. Moscow : PRUE named after G. V. Plekhanova", 2017. – 80 p.
23. Yurov, V. V. Theoretical and methodological foundations of powerlifting : a textbook / V. V. Yurov. – M.; Berlin : Direct-Media, 2019. – 110 p.

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕКУЛЬТУРНЫХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ДИСЦИПЛИНЫ «ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК» (РАЗДЕЛ КЛИНИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ)

© С.И. Гальченко, Т.А. Костромина

Гальченко С.И. - кандидат исторических наук, преподаватель медико-фармацевтического колледжа Курского государственного медицинского университета
email: galchenkosi@kursksmu.net

Костромина Т.А. – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой латинского языка и основ терминологии Курского государственного медицинского университета
email: kostrominata@kursksmu.net
Адрес: 305041, Курск, ул. К. Маркса, д. 3, Российская Федерация

107

АННОТАЦИЯ

Актуальность. Формирование общекультурных и профессиональных компетенций в процессе профессионального становления и совершенствования личности будущего врача служит одним из основополагающих факторов современного медицинского образования. Авторы отмечают исключительную роль учебной дисциплины «Латинский язык» в становлении личности врача и его профессиональной компетентности. Отмечаются особые возможности латинского языка для связи учебного процесса с будущей практической профессиональной деятельностью студентов. Основные **цели** представленной работы: выявить характерные трудности, с которыми сталкиваются студенты медицинских специальностей, равно как и преподаватели, при формировании общекультурных и профессиональных компетенций у студентов, а также систематизировать способы преодоления этих трудностей в процессе становления компетенций.

Методы исследования: методы дефиниционного анализа, синтеза и сопоставления; наблюдение; эксперимент; ситуативное моделирование.

Результаты исследования. Авторами подчеркивается роль клинической терминологии в приобретении студентами первичных знаний относительно наиболее часто употребляемых клинических терминов, обозначающих наименования различных клинических специальностей, симптомы заболеваний, методы их лечения, диагностики и профилактики, хирургические приемы, названия приборов, инструментов и т.д. Особое значение уделяется умению провести структурно-семантический анализ термина, на чем основывается клиническая терминология. В исследовании проводится разграничение клинических терминов по их структуре и выделяются три группы: немотивированные термины-простые слова, термины-словосочетания, мотивированные термины-сложные слова. Каждая из этих групп имеет свои грамматические и структурно-семантические особенности, которые должны быть учтены при ознакомлении студентов с данным разделом и предусмотрены в тренировочных практических упражнениях для предупреждения возможных трудностей при освоении материала на занятиях во избежание ошибочных суждений и интерпретаций медицинской профессиональной лексики в будущей практической деятельности студентов.

Выводы. На основании проведенного анализа можно сделать вывод о высокой частотности сложных лексических единиц в исследуемом сегменте медицинской терминологии, семантика которых обусловлена их словообразовательной структурой. Для обеспечения компетентного и целенаправленного применения клинических терминов в профессиональной практике, студентам необходимо овладеть знанием греко-латинских корневых и аффиксальных элементов, а также пониманием моделей терминообразования. В качестве конечного результата освоения клинической терминологии студенты должны приобрести навыки структурно-семантического анализа клинических терминов с последующим определением их значения на основе значений терминологических элементов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: латинский язык; клиническая терминология; терминологический элемент; медицина; компетенция; профессиональная деятельность.

Конфликт интересов. Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Владение профессиональным языком является обязательным условием успешной реализации специалиста в его профессиональной деятельности. Профессиональный язык представляет собой четкую организованную структуру, состоящую из установленных дефиниций.

Медицинская терминология в ее актуальном состоянии – одна из наиболее комплексных совокупностей научных понятий, характерным признаком которой в соответствии с устоявшейся многовековой традицией служит практика использования латинского языка [10].

«Латинский язык» как обязательная учебная дисциплина играет роль базового образовательного фундамента, от которого зависит не только продуктивность учебного процесса, но и результативность успешной личностной и профессиональной самореализации будущего специалиста в его практической деятельности. Она призвана содействовать формированию терминологической компетентности будущего врача, совершенствованию его профессиональной языковой грамотности [1].

Роль латинского языка в данном процессе не случайна. В то время, как существующие национальные языки непрерывно динамично эволюционируют, преобразовываются, адаптируясь к потребностям современных лингвистических и социокультурных реалий, латинский язык сохраняет закрепленные за ним четкие канонические исторически обусловленные грани, консервируя зафиксированные в нем языковые модели, не утратив при этом своей неординарности и элитарности [11].

Обучению элементам грамматики латинского языка уделяется достаточно значительное внимание. При этом процесс обучения осуществляется в строгой взаимосвязи с основами медицинской терминологии, что подразумевает активное овладение фундаментальными знаниями в области языка будущей профессии. Латинский язык в данном случае приобретает качественно новый статус, играя роль посредника при передаче общекультурных и профессиональных знаний [12].

Выше перечисленные факторы определяют актуальность настоящего исследования, из которой закономерно вытекают цели представленной работы: выявить, проанализировать и систематизировать характерные трудности, с которыми сталкиваются студенты медицинских специальностей, равно как и преподаватели, при формировании общекультурных и профессиональных компетенций у студентов, а также способы преодоления этих трудностей в процессе становления компетенций.

Для достижения обозначенных целей в качестве анализируемого материала использовались источники медицинской направленности: учебники, медицинские справочники, учебно-методические пособия и другая академическая медицинская литература. При их обработке авторы прибегали к научной методологической базе исследования, отдавая несомненный приоритет теоретическим методам, таким как, методы дефиниционного анализа, синтеза и сопоставления, используя наряду с ними практические методы исследования: наблюдение, эксперимент, ситуативное моделирование.

В качестве факторологической базы был выбран раздел клинической терминологии, поскольку именно этот комплекс медицинской профессиональной лексики готовит студентов непосредственно к их практической деятельности, в связи с чем именно этот раздел и вызывает у студентов наибольший интерес к выбранной ими профессии.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основой клинической терминологии является терминология патологической анатомии, то есть науки, изучающей материальную и структурную основу любого заболевания, его морфологическую сущность.

Медицинская терминология строится на базе двух ключевых областей: патологической анатомии и патологической физиологии. Помимо этого, в нее входят понятия из различных клинических дисциплин. Эти термины охватывают широкий спектр информации: от симптомов болезней и способов их лечения, диагностики и профилактики до хирургических техник, названий медицинского оборудования и инструментов.

Для студентов-медиков клинические термины являются неотъемлемой частью учебного процесса. Они встречаются на лекциях, при работе с учебниками и справочниками, при написании научных работ и, что особенно важно, во время практической работы с пациентами. В дальнейшем эти знания становятся фундаментом для профессиональной деятельности.

Работа с клиническими терминами часто требует не только перевода, но и глубокого понимания их значения. Это означает, что ключевым навыком в области клинической терминологии является способность проводить структурно-семантический анализ. Такой анализ включает в себя:

1. Определение типа клинического термина.
2. Для сложных терминов – выявление и объяснение значения составляющих их терминологических элементов.
3. Объяснение общего смысла всего термина.

Клинические термины различаются по своей структуре и могут быть объединены в три основные группы:

1. Немотивированные термины: Это простые слова, включая те, что образованы с помощью приставок и суффиксов.

2. Термины-словосочетания: Они описывают патологические состояния (например, медицинские диагнозы) и формируются путем соединения согласованных и несогласованных определений.

3. Мотивированные термины-сложные слова: Эти термины состоят из терминологических элементов, преимущественно греческого происхождения. Понимание значения этих элементов позволяет провести структурно-семантический анализ и определить общий смысл термина [5].

Немотивированные термины подразделяются на:

1. Простые корневые слова: Состоят из одного корня, например, "caries".
2. Простые производные термины: Образуются путем добавления аффиксов (приставок и суффиксов) к основе слова. Производящая основа – это основа, от которой с помощью аффиксов формируется другая, более сложная основа. Эта производная основа, в свою очередь, мотивирует, то есть определяет значение образованного от нее слова, и сама называется мотивированной основой [2].

В качестве примера простых корневых слов можно привести *caries, ei f* – кариес, (патологическое разрушение тканей зуба, костоеда); *collapsus, us m* – коллапс (остро развивающаяся сосудистая недостаточность); *coma, atis n* – кома (глубокое бессознательное состояние); *trauma, atis n* – травма (повреждение организма, вызванное внешним воздействием). Суффиксальным способом от мотивирующей основы образован термин *traumaticus, a, um – traumat* (основа) + *is* (суффикс) + *us, a, um* (окончания) – травматический. Если уже к имеющемуся простому производному термину присоединить приставку, например *post*, то получится другой термин, образованный префиксально-суффиксальным способом: *posttraumaticus, a, um* – посттравматический [6].

Следует пояснить, почему данная группа называется «немотивированные

термины». Опираясь только на название термина нельзя понять его смысл, то есть причину, по которой этот или иной термин получил данное название. Для этого нужно иметь или соответствующее профессиональное образование, или прибегнуть к помощи специализированного медицинского словаря. Так, если взять термин *coma, atis n* со значением кома, то для простого обывателя может быть непонятно, что это значит. Для этого нужно взять медицинский словарь, где будет дано толкование данного термина: кома – глубокое бессознательное состояние. Или для термина *syncope, es, f* – синкопе, обморок – в медицинском словаре приводится его значение – внезапная, кратковременная потеря сознания [9].

Вторая группа – термины-словосочетания. Подобного рода термины, как правило, обозначают медицинские диагнозы. Для того чтобы составить и перевести такого рода термин, стоит прибегнуть к знаниям грамматики латинского языка, полученные студентами ранее при изучении раздела «Анатомическая терминология». Особенно стоит обратить внимание на согласование между именем существительным и прилагательным. Согласно правилам формирования латинских медицинских терминов, их начальный компонент всегда представлен именем существительным в именительном падеже, независимо от числа (единственного или множественного). Этот корневой элемент несет в себе смысловую нагрузку, обозначая патологический процесс или определенное состояние. Последующие элементы термина, служащие для его детализации, чаще всего выражены именами прилагательными или именами существительными, выступающими в роли согласованного или несогласованного определения.

Их роль заключается в детализации информации или указании на локализацию патологического процесса. Примером подобных терминов может служить *pyelonephritis acuta* – острый пиелонефрит, где *pyelonephritis* обозначает «воспаление почки и почечной лоханки», а прилагательное *acuta* говорит об остром или внезапном характере данного патологического состояния. В качестве ещё одного примера можно привести следующий термин: *hernia oesophagi* – грыжа пищевода, где *hernia* обозначает «грыжа или выпячивание», а *oesophagi* – имя существительное в родительном падеже указывает на локализацию данного процесса, а именно пищевода [2].

Для корректного перевода на латинский язык, как согласованных, так и несогласованных определений, требуется владение словарными формами существительных и прилагательных. Так, существительное пиелонефрит в латинском языке имеет словарную форму *pyelonephritis, itidis, f*. Словарная форма имени прилагательного острый – *acutus, a, um*. *Pyelonephritis* является существительным женского рода, правильный перевод термина острый пиелонефрит на латинский язык будет *pyelonephritis acuta*. Соответствующим образом переведем на латинский язык термин грыжа пищевода. Грыжа – *hernia, ae, f*; пищевод – *oesophagus, i m*. Берем первый термин в именительном падеже, с вопросом «что?» *hernia* (грыжа), второй термин в родительном падеже с вопросом «чего?» *oesophagi* (пищевода). В результате получаем перевод на латинский язык: грыжа пищевода – *hernia oesophagi* [3].

Трудность для студентов представляет третья группа клинических терминов – мотивированные сложные термины, состоящие из двух и более основ и полностью мотивированные. Большинство этих терминов имеют греческое происхождение и состоят из двух или более частей, которые называются терминологическими элементами. Различают начальные и конечные терминологические элементы. В конечном терминологическом элементе заключён смысл всего термина, и он выполняет классифицирующую функцию. Большинство из них заканчивается на суф-

фикс *-ia*, который обозначает «процесс, состояние или условие». Начальный ТЭ несет в себе, как правило, анатомический смысл всего термина. В составе термина терминологические элементы соединяются с помощью соединительной гласной, как правило, *-o*, реже *-e*. Трудность в освоении материала обусловлена необходимостью различать два аспекта работы с латинскими терминами: прямое транскрибирование на русский язык и интерпретацию их смыслового значения. Процесс транскрипции, в свою очередь, предполагает перенос слова из латыни в русский язык с минимальными фонетическими и орфографическими изменениями.

При переводе термина на русский язык термин транскрибируется с одного языка на другой без существенных изменений. Исключения составляют окончания, которые изменяются согласно правилам русской грамматики [8]. При толковании смысла термина его следует разбить на терминологические элементы и к последнему терминологическому элементу нужно поставить вопрос «что описывает термин?». Конечный терминологический элемент играет определяющую роль при толковании всего смысла термина. Затем следует толковать последовательно термины от конечного к начальному, ставя вопрос «чего?», «где?», «о чём?». Так, *cardiomegalia*: «что?» увеличение в размерах (*-megalia*), «чего?» сердца (*cardio-*); *nephrotomia*; «что?» рассечение (*-tomia*), «чего?» почки (*nephro-*); *osteomalacia*; «что?» размягчение (*-malacia*), «чего?» костной ткани (*osteo-*) [4].

Особое затруднение у студентов может вызывать многозначность терминологических элементов при определении значения терминов. Подробней хочется остановиться на термине «лечение». Русскому термину «лечение» соответствуют три греческих терминологических элемента:

Таблица 1. Разница в значении и в употреблении термина «лечение»
Table 1. Differences in the meaning and usage of the term «treatment»

<i>лечение</i>		
- therapia метод лечения тем, что названо в основе	- iatria лечение больших групп людей и заболеваний, характерных для них	-paedia Коррекционное лечение, исправления недостатков
thermotherapia logotherapia haemotherapia	paediatrica geriatrica neuriatrica	orthopaedia logopaedia

Довольно часто студенты эти три термина путают. Так, возьмем термин «*logotherapia*» — лечение речевым воздействием. То есть, в русском языке используется творительный падеж: лечение чем? Следующий термин — «*logopaedia*», который имеет значение: коррекционное лечение чего? — речевых расстройств, то есть используется родительный падеж.

Возьмем следующую пару терминов: *psychotherapia* и *psichiatria*. Исходя из грамматического управления терминологических элементов, *-therapia* – лечение чем? (творительный падеж) и терминологического элемента *-iatria* – лечения чего? (родительный падеж). Толкование терминов будет следующее: *psychotherapia* – лечение психическим воздействием, *psichiatria* – это лечение больших групп людей с психическими отклонениями [5].

Немаловажным в формировании грамотного профессионального тезауруса является способность адекватно определять контекстное окружение того или иного терминологического контента и находить правильное его применение.

В этой связи отдельно хочется остановиться на конечных терминологических элементах *-lysis*, *-lyt (-icus)* - лиз, - лит (-литический) – соответственно имя существи-

тельное/ имя прилагательное, за которым закреплены следующие значения: 1– растворение, разрушение, расщепление (ткани); 2) — хирургическая операция освобождения органа от спаек, сращения, рубцов. Вышеупомянутые значения зависят от сочетания с начальным терминоэлементом. В случае, если начальный терминоэлемент обозначает название ткани или вещества, то в данном контексте актуальным значением терминоэлемента *-lysis, -lyt (-icus)* будет первое: растворение, расщепление (ткани). Пример: *haemolysis* – процесс разрушения кровяных телец, *histolysis* – процесс разрушения ткани. В случае же, когда первая часть сложного термина представлена названием органа, следует говорить о хирургической операции освобождения органа от спаек, сращений, рубцов. Примером могут служить *enterolysis* – оперативное освобождение тонкой кишки от спаек; *salpingolysis* – оперативное освобождение маточной трубы от спаек или. Причем в ситуации с *salpingolysis* нужно иметь в виду, что сам терминоэлемент *salpingo-* может обозначать и маточную трубу, и слуховую трубу. Поэтому при толковании вышеупомянутых терминов необходимо учитывать локализационный аспект хирургического вмешательства. Анализируя особенности употребления и толкования терминоэлемента *-lysis*, считаем целесообразным отдельно рассмотреть сложный мотивированный термин *neurolysis* [6]. Согласно алгоритму смыслового разбора клинических терминов, определяющим компонентом с классифицирующей функцией в данной конструкции является конечный терминоэлемент *-lysis*, который отвечает на вопрос «что?». В сочетании с начальным терминоэлементом *neuro-* у терминоэлемента *-lysis* будут актуальны оба закрепленные за ним значения, поскольку сам ТЭ *neuro-, neuro-* имеет два значения: 1) – нерв; 2) – клетка нервной ткани. Поэтому термин *neurolysis* можно толковать как разрушение клеток нервной ткани, так и как хирургическая операция по освобождению нерва от рубцовых сращений. Таким образом, перевод и толкование некоторых терминов детерминируется контекстным окружением конкретной медицинской терминологической единицы [7].

Еще одним наглядным примером для подтверждения тезиса о важности окружающего содержания может служить терминоэлемент *cysto-*, традиционное закрепленное значение которого пузырь, мочевого пузырь. Так, в комбинации с терминоэлементами, обозначающими «заболевание, хирургическая операция, обследование» упомянутый терминоэлемент трактуется как: заболевание мочевого пузыря, хирургическая операция на мочевом пузыре, инструментальное обследование мочевого пузыря соответственно. Примерами могут служить: *cystalgia* – боль в мочевом пузыре; *cystectomy* – хирургическая операция по иссечению мочевого пузыря; *cystourethrographia* – инструментальный осмотр стенок мочевого пузыря и мочеиспускательного канала. Однако в сочетании с терминологическим суффиксом *-oma* основное значение анализируемого компонента *cysto-* как пузыря трансформируется, приобретая значение «киста – патологическая полость в органе. *Cystoma* –доброкачественная опухоль, содержащая кисты. Семантическое обоснование возможности подобной интерпретации данного термина кроется во внешней схожести кисты как патологического состояния с пузырем. По сути, киста представляет собой ограниченную шарообразную сферу заполненную воздухом, жидкостью, гноем или другим патологическим экссудатом. Наконец, в терминологической конфигурации с наименованием какой-либо ткани и терминологического суффикса *-oma* значение всего термина снова модифицируется в доброкачественную опухоль, развившуюся из упомянутой в мотивирующей основе ткани и содержащую кисты. *cystofibroma* – доброкачественная опухоль, состоящая из участков волокнистой ткани с кистозными полостями, *cystadenocarcinoma* – это

злокачественная опухоль, которая возникает из железистых эпителиальных клеток и образует кистозные структуры [3].

В особую группу типичных затруднений при переводе медицинских понятий можно отнести термины, основанные на визуально-графических и аудио-фонетических ассоциациях. Часто такие термины-элементы, как: *-algia* (боль болезненная чувствительность) и *-logia* (раздел научной дисциплины); *-rrhagia* (кровотечение из какого-либо органа), *-rrhaphia* (хирургическая операция наложения шва), *-graphia* (процесс записывания изображения, процесс записывания сигналов, рентгенография); *-metria* (измерение, измеряющий, определяющий) и *-metra* (что-то содержащееся в матке) могут ввести студентов в заблуждение. Таким образом, следующие паронимы: *cardialgia* – боль в области сердца и *cardiologia* – раздел медицины, занимающийся изучением сердечно-сосудистой системы человека; *gastrorrhagia* (желудочное кровотечение), *gastrorrhaphia* (хирургическая операция по ушиванию дефекта стенки желудка), *gastrographia* (рентгенография желудка; методы графической регистрации различных функций желудка: моторной, секреторной, эвакуаторной) могут вызвать сложности в их понимании, что приведет к некорректному толкованию терминов. Подобные ошибки чаще всего наблюдаются у студентов ММИ, что обусловлено особенностями фонетики английского языка [4].

При тренировке навыков построения клинических терминов и для предупреждения возможных ошибок и затруднений, а также при составлении заданий применяется принцип редукционизма, согласно которому сложные явления могут быть полностью объяснены с помощью законов, свойственных явлениям более простым [12].

Первые задания ознакомительного плана, где нужно выбрать правильный ответ из предложенных вариантов, затем метод подстановки и только затем студентам самим требуется составить термин целиком, проанализировать его и перевести с латинского языка на русский или с русского на латинский.

I. 1. Укажите правильный ответ: приставка – покровная оболочка, ткань, капсула, покрывающая орган.

- а) para-
- б) peri-

2. Укажите правильный ответ: суффикс в названии воспалений

- а) -itis
- б) -osis
- в) -oma

3. Укажите правильный ответ: ТЭ – недостаточное количество клеток крови:

- а) micro-
- б) oligo-
- в) –penia

II. 1. Укажите несколько правильных ответов: ТЭ, имеющие отношение к спланхнологии:

- б) gastro-
- в) rhino-
- г) colo-
- д) oesophago-

2. Укажите несколько правильных ответов : ТЭ, имеющие отношение к оперативной хирургии:

- а) -ectomy
- б) -pexia
- в) -stomia

г) –plasia

3. Укажите правильный ответ: разрушение клеток

а) haemolysis

б) cytolysis

в) histolysis

III.

1. Укажите соответствие:

1) arthropathia

2) arthrosis

2. Укажите соответствие:

1. haematoma

2. haemarhrosis

3. Укажите соответствие:

1. cyanosis

2. cyanuria

а) болезнь сустава

б) хроническое дегенеративное заболевание сустава

а) ограниченное скопление крови в тканях

б) скопление крови в полости сустава

а) синяя окраска мочи

б) синюшный оттенок кожи

IV.

1. Составьте термин - сложное слово (выберите нужные ТЭ):
процесс зарождения и развитие тканей

cyto-

histo-

-plasia

-genesis

2. Составьте термин - сложное слово (выберите нужные ТЭ):
скопление жидкости в полости сустава

hydr-

hidr-

-arthr-

-osis

3. Составьте термин - сложное слово (выберите нужные ТЭ):
скопление воздуха в полости перикарда

aëro-

pneumo-

-pericardium

V. Составьте однословные термины с заданным значением:

1. Процесс кроветворения (haemopoësis)

2. Наличие жидкости в суставе (hydrarthrosis)

3. Воспаление потовых желез (hidradenitis)
4. Пониженное содержание лейкоцитов в крови (leuco(cyto)penia)
5. Создание анастомоза (соустья) между слезным мешком и полостью носа (dacryocystorhinostomia)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из вышеизложенного, следует заключить, что в анализируемом сегменте медицинской терминологии наблюдается высокая частотность сложных лексических единиц, семантика которых детерминирована их словообразовательной структурой. Для обеспечения компетентного и целенаправленного применения клинических терминов в профессиональной практике, студентам необходимо овладеть знанием греко-латинских корневых и аффиксальных элементов, а также пониманием моделей терминообразования. В качестве конечного результата освоения клинической терминологии студенты должны приобрести навыки структурно-семантического анализа клинических терминов с последующим определением их значения на основе значений терминологических элементов (ТЭ). Кроме того, предполагается формирование умений конструирования терминов-сложных слов в соответствии с заданным определением и осуществления перевода терминологических словосочетаний с русского языка на латинский и обратно. При этом на уровне долговременной памяти студентам необходимо усвоить минимальный корпус предложенных частотных терминологических элементов. Рационально выбранная тактика в обучении, представляющая собой синтез базовых теоретических знаний и практических умений и навыков может значительно сократить количество ошибок и способствовать успешному овладению медицинской профессиональной терминологией.

Таким образом, общекультурные и профессиональные компетенции, сформированные на занятиях латинского языка в ходе освоения клинической лексики, должны быть пролонгированы и трансформированы для дальнейшего изучения и применения их при изучении клинических дисциплин и непосредственно в будущей практической деятельности. Знания клинической терминологии, полученные на занятиях по латинскому языку, готовят базу для дальнейшего совершенствования профессиональных компетенций в процессе изучения других специальных дисциплин, предусмотренных учебным планом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахрушина, Л. А. Латинско-русский и русско-латинский словарь наиболее употребительных анатомических терминов: учебное пособие для студентов медицинских вузов / Л. А. Бахрушина; Л. А. Бахрушина; под ред. В. Ф. Новодрановой. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2007. – 288 с.
2. Бегларян, Л.А. Эволюция профессионального языка врача: от истоков до современности / Л.А. Бегларян, М.П. Исмаилов, С.И. Гальченко // Языки международного общения: культурно-исторические и профессиональные аспекты: сб. науч. трудов по материалам Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием, приуроченной к празднованию Дня славянской письменности и культуры, Курск, 24 мая 2023 года / Под редакцией В.А. Липатова. – Курск: Курский государственный медицинский университет, 2023. – С. 31-34.
3. Буров, Г. Л. Классификация кардиологических терминов по способу образования. / Г. Л. Буров, И. С. Архипова // Актуальные вопросы современной медицинской науки и здравоохранения: сб. статей V Междунар. (75 Всероссийской) науч.-практ. конференции. – 2020. – №3. – С. 808-812. - URL: <http://elib.usma.ru/handle/usma/3551> (дата обращения: 3.12.2025).
4. Гальченко, С.И. Латинский язык как фактор становления профессиональной и межкультурной компетенций студентов-медиков в высшей школе / С.И. Гальченко // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2023. – Т. 13, № 3. – С. 147-157.
5. Костромина, Т.А. К вопросу о практико-ориентированном обучении: Обучение основам латинского языка и медицинской терминологии // Язык медицины: материалы всероссийской

научно-методической конференции «методические и лингвистические международной медицинской терминологии». – Самара: ООО «Порто-принт», 2013. – 220 с.

6. Костромина Т.А. Маркова Н.И. Сравнительный анализ терминов двух изданий международной анатомической номенклатуры. В сб. «Инновационная парадигма развития современных гуманитарных и общественных наук// сб. статей III международной научно-практической конференции. Петрозаводск, 2021. С.133-138.

7. Костромина, Т.А., Маркова, Н.И. Мультимедийный учебный комплекс по подготовке к практическим занятиям по дисциплине «Латинский язык». Учебно-методический комплекс в мультимедийной форме iSpring. - Курск: Изд-во КГМУ Информрегистр, 2015.

8. Костромина, Т.А. Язык медицины как средство профессионального обучения. Учебное пособие по латинскому языку для студентов международного факультета (специальность «Лечебное дело») (на английском языке). – Издание 5-е. исправленное и дополненное. – Курск, КГМУ. – 2018. – 280 с.

9. Костромина, Т.А. Использование интерактивных образовательных технологий на кафедре латинского языка и основ терминологии / Т.А. Костромина // Сборник: Язык. Образование. Культура / Сборник научных трудов по материалам XV Всероссийской научно-практической электронной конференции с международным участием, Курск, 2021. – С. 254-258.

10. Костромина, Т.А., Маркова, Н.И., Новикова, О.М. Латинский язык и основы медицинской терминологии. Учебное пособие для студентов стоматологического факультета. Издание 3-е, исправленное и дополненное. – Курск: ФГБОУ ВО КГМУ Минздрава России, 2025. – 208 с.

11. Новикова, О. М. Метафоры в анатомической терминологии/О.М. Новикова // Балтийский гуманитарный журнал. - 2020. - №1 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafory-v-anatomicheskoy-terminologii> (дата обращения: 29.04.2026)

12. Новодранова, В. Ф. Именное словообразование в латинском языке и его отражение в терминологии / *Laterculi vocum Latinarum et terminorum* / В.Ф. Новодранова. - М.: Языки славянской культуры, 2022. - 328 с.

13. Новодранова, В.Ф. Именное словообразование в латинском языке и его отражение в терминологии / В.Ф. Новодранова. - М.: Языки славянских культур, 2024.- 474 с.

14. Петрова, Г.В. Латинская терминология в медицине: справочно-учебное пособие / Г.В. Петрова, В.И. Ермичева. – М.: Издательство «Астрель», 2002. – 160 с.\

15. Сокол А.Ф., Шурупова Р.В. О значении латинского языка в формировании профессиональной и общей культуры врача / А.Ф. Сокол, Р.В. Шурупова // Хирург. – 2016. – №6. – С.167-181.

16. Чернявский М.Н. Латинский язык и основы медицинской терминологии: Учебник. – М.: АО «Шико», 2021. – 448с.

17. Энциклопедический словарь медицинских терминов / под редакцией Петровского Б.В., 1-е издание, том 2. – 2019.

18. Эффективные методы преподавания в медицинском вузе – Методические рекомендации. Изд. 1 / А.О. Абдрахманова, М.А. Калиева, А.А. Сыздыкова и др. – Астана. – 2015. – 55 с.

19. Юрковская, И.В. Особенности изучения медицинских терминов в процессе преподавания профессиональных дисциплин / И.В. Юрковская, Ж.П. Попадина, А.А. Галкин // Социальная педагогика в России. Научно-методический журнал. – 2023. – № 5. – С. 35-40.

Получена: 23.01.2026 г.

Принята к публикации: 06.06.2026 г.

FORMATION OF MEDICAL STUDENTS' GENERAL CULTURAL AND PROFESSIONAL COMPETENCIES WHILE STUDYING THE DISCIPLINE "LATIN LANGUAGE" (CLINICAL TERMINOLOGY SECTION)

© Svetlana I. Galchenko, Tatiana A. Kostromina

Svetlana I. Galchenko - Candidate of History, Lecturer of the Medical and Pharmaceutical College of Kursk State Medical University
e-mail: galchenkosi@kursksmu.net

Tatiana A. Kostromina - Candidate of Sociology, Associate Professor, Head of the Department of Latin Language and Fundamentals of Terminology of Kursk State Medical University
e-mail: kostrominata@kursksmu.net
Address: 305041, Kursk, K. Marx str., 3, Russian Federation

ABSTRACT

Relevance. The formation of general cultural and professional competencies in the process of professional development and improvement of the personality of a future doctor is one of the fundamental factors of modern medical education. The authors focus attention on the exceptional role of the discipline "Latin language" in the development of a doctor's personality and professional competence. They also highlight the special opportunities of the Latin language for connecting the educational process with the future practical professional activities of students.

Materials and methods. To achieve these goals, the authors used a scientific methodological framework, giving priority to theoretical methods such as definition analysis, synthesis, and comparison, as well as practical research methods such as observation, experiment, and situational modeling.

Results. The authors emphasize the role of clinical terminology in providing students with basic knowledge of the most commonly used clinical terms, which include names of various clinical specialties, symptoms of diseases, methods of their treatment, diagnostics and prevention, surgical techniques, names of devices and instruments, etc. Special attention is given to the ability for conducting structural and semantic analysis of a term, which is the foundation of clinical terminology. The study distinguishes clinical terms by their structure and identifies three groups: unmotivated terms - simple words, terms - phrases, motivated compound terms. Each of these groups has its own grammatical and structural-semantic features, which should be taken into account when introducing this section to the students. They are provided with practical training exercises to prevent possible difficulties in mastering the material in the classroom and to avoid erroneous judgments and interpretations of medical professional vocabulary in the future practical activities. For this purpose, practical tasks have been compiled, where attention is drawn to the combinatoriality of Combining Forms.

Conclusions. Based on the analysis conducted, it can be concluded that complex lexical units are highly frequent in the studied segment of medical terminology, and their semantics are determined by their word-building structure. To ensure the competent and purposeful use of clinical terms in professional practice, students need to acquire knowledge of Greek and Latin root and affix elements, as well as an understanding of term-building models. As a final result of mastering clinical terminology, students should acquire the skills of structural and semantic analysis of clinical terms, followed by determining their meaning based on the meanings of term elements.

KEYWORDS: Latin language; clinical terminology; Combining Form; structural and semantic analysis; medicine; competence; professional activity.

Conflict of interests. The authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

REFERENCES

1. Bakhrushina, L. A. Latin-Russian and Russian-Latin Dictionary of the Most Common Anatomical Terms: A Textbook for Medical Students / L. A. Bakhrushina; L. A. Bakhrushina; edited by V. F. Novodranova. – Moscow: GEOTAR-Media, 2007. – 288 p.
2. Beglaryan, L.A. Evolution of the Professional Language of a Doctor: From Origins to the Present / L.A. Beglaryan, M.P. Ismailov, S.I. Galchenko // Languages of International Communication:

Cultural, Historical, and Professional Aspects: Collection of Scientific Papers Based on the Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Dedicated to the Celebration of the Day of Slavic Writing and Culture, Kursk, May 24, 2023 / Edited by V.A. Lipatov. – Kursk: Kursk State Medical University, 2023. – Pp. 31-34.

3. Burov, G. L. Classification of cardiological terms by the method of formation. / G. L. Burov, I. S. Arkhipova // Actual issues of modern medical science and healthcare: collection of articles of the V International (75 All-Russian) scientific and practical conference. – 2020. – No. 3. – Pp. 808-812. [Electronic resource] URL: <http://elib.usma.ru/handle/usma/3551> (accessed: 3.12.2025).

4. Galchenko, S.I. Latin as a factor in the formation of professional and intercultural competencies of medical students in higher education / S.I. Galchenko // *Izvestiya of the South-Western State University. Series: Linguistics and Pedagogy*. – 2023. – V. 13, No. 3. – Pp. 147-157.

5. Kostromina, T.A. On the issue of practice-oriented training: Teaching the basics of Latin and medical terminology // *Language of Medicine: Materials of the All-Russian Scientific and Methodological Conference "Methodological and Linguistic Aspects of International Medical Terminology"* – Samara: Porto-print LLC, 2013. – 220p. – (issue 4) pp. 23 – 26.

6. Kostromina T.A. Markova N.I. Comparative analysis of the terms of two editions of the international anatomical nomenclature. In the collection "Innovative paradigm of the development of modern humanities and social sciences// collection of articles of the III international scientific and practical conference. Petrozavodsk, 2021. P.133-138.

7. Kostromina, TA, Markova, N.I. Multimedia training complex for preparation for practical classes in the discipline "Latin language". Educational and methodological complex in multimedia form iSpring. – Kursk: KSMU Informregister Publishing House, 2015.

8. Kostromina, T.A. The Language of Medicine as a Means of Professional Training. A Textbook on Latin for Students of the International Faculty (Major in Medicine) (in English). – 5th Edition. Revised and Expanded. – Kursk, KSMU. – 2018. – 280 p.

9. Kostromina, T.A. The Use of Interactive Educational Technologies at the Department of Latin and Terminology / T.A. Kostromina // *Collection: Language. Education. Culture / Collection of scientific papers based on the materials of the XV All-Russian Scientific and Practical Electronic Conference with International Participation, Kursk, 2021. – Pp. 254-258.*

10. Kostromina, T.A., Markova, N.I., Novikova, O.M. Latin and the Basics of Medical Terminology. Textbook for Students of the Faculty of Dentistry. 3rd Edition, Revised and Expanded. Kursk: Kursk State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, 2025. – 208 p.

11. Novikova, O.M. Metaphors in Anatomical Terminology/O.M. Novikova // *Baltic Humanitarian Journal*.- 2020.- №1 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafory-v-anatomicheskoy-terminologii> (date of reference: 04/29/2026)

12. Novodranova, V. F. Nominal word formation in the Latin language and its reflection in terminology / *Laterculi vocum Latinarum et terminorum / V.F. Novodranova. – M.: Languages of Slavic culture, 2022. – 328 p.*

13. Novodranova, V.F. Nominal word formation in Latin and its reflection in terminology / V.F. Novodranova. Moscow: Languages of Slavic cultures, 2024.- 474 p.

14. Petrova, G.V. Latin terminology in medicine: a reference textbook / G.V. Petrova, V.I. Ermicheva. – M.: Astrel Publishing House, 2002. 160 p.\

15. Sokol A.F., Shurupova R.V. On the Significance of the Latin Language in the Formation of a Doctor's Professional and General Culture / A.F. Sokol, R.V. Shurupova // *Surgeon*. – 2016. – No. 6. – Pp. 167-181.

16. Chernyavsky, M.N. Latin Language and the Fundamentals of Medical Terminology: Textbook. – Moscow: Shiko JSC, 2021. – 448 p.

17. *Encyclopedic Dictionary of Medical Terms / edited by B.V. Petrovsky, 1st edition, volume 2. – 2019.*

18. *Effective Methods of Teaching in a Medical University – Methodological Recommendations. Edition 1 / A.O. Abdrakhmanova, M.A. Kalieva, A.A. Syzdykova, et al. – Astana. – 2015. – 55 p.*

19. Yurkovskaya, I.V. Features of studying medical terms in the process of teaching professional disciplines / I.V. Yurkovskaya, Zh.P. Popadina, A.A. Galkin // *Social Pedagogy in Russia. Scientific and Methodological Journal*. – 2023. – No. 5. – Pp. 35-40

DOI: 10.21626/j-chr/2026-2(47)/10
УДК: 376:316.613

Педагогическая психология

ДИНАМИКА МОТИВИРОВАННОСТИ И ОБЩЕЙ И СПЕЦИАЛЬНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ВУЗА, ЗАНИМАЮЩИХСЯ ДЗЮДО

© А.В. Непочатых

Непочатых А.В. – доцент кафедры физической культуры и спорта ФГБОУ ВО «Курский государственный аграрный университет им. И.И. Иванова»
e-mail: nepochatykh93@yandex.ru
Адрес: 305021, Курск, ул. Карла Маркса, д.70, Российская Федерация

119

АННОТАЦИЯ

Актуальность. В современных условиях и сложившейся социальной ситуации в обществе занятия силовыми видами спорта и единоборствами (дзюдо) в условиях вуза будут способствовать формированию здоровой и зрелой личности, имеющей ценностные установки и ориентиры патриотической направленности и сформированной гражданской идентичности, так и личностном плане - саморазвития, сохранения здоровья, ведения здорового образа жизни, наличия знаний и навыков самообороны, формирования силовых способности и т.д.

Цель исследования – изучение динамики мотивированности и общей и специальной физической подготовки студентов вуза, занимающихся дзюдо..

Материалы и методы. В исследовании применялся анализ литературы, анализ статистических данных, методы опроса, тестирование. Исследование осуществлялось на базе ФГБОУ ВО «Курский государственный аграрный университет им. И.И. Иванова». В исследовании приняли участие студенты первых курсов агротехнологического факультета и факультета ветеринарной медицины. Общий объем выборки составил 59 человек. Среди них 42 юноши, 17 девушек. Исследование осуществлялось в период формирования групп спортивного совершенствования по избранным видам спорта (контрольная группа) и после первого года обучения (экспериментальная группа; n = 12).

Результаты. Существует определенная динамика по показателям общей и специальной физической подготовки студентов, занимающихся в группе спортивного совершенствования по индивидуальным видам спорта («дзюдо»), после первого года обучения. Сравнение с нормативами и результатами замеров студентов, полученных по показателям общей и специальной физической подготовки, показали, что студенты после эксперимента имеют результаты, соответствующие нормативам и даже превышающие результаты. Между тем, замер по результатам упражнения «наклон вперед из положения стоя на гимнастической скамье (от уровня скамьи) / см» незначительно уменьшился (на 0,92 см), что может свидетельствовать о недостаточном развитии гибкости спортсменов.

В большинстве своем студенты после эксперимента имеют также внешнюю мотивацию. Однако, содержание мотивационных факторов в структуре внешних и внутренних мотивов изменилось, что, по нашему мнению, имеет социально-психологический эффект («заниматься заодно с другими студентами» - внешняя мотивация, «получить опыт в спортивной деятельности» - внутренняя мотивация).

Выводы. В целом, лабораторный эксперимент показал эффективность разработанной нами Программы. Между тем, в процессе лабораторного эксперимента возникли определенные проблемы организационно-методического характера, которые необходимо будет учитывать в дальнейшем исследовании.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: мотивированность; общая и специальная физическая подготовка; студенты; дзюдо.

Конфликт интересов. Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

В современных условиях развития общества, общественных и производственных отношений, особые требования предъявляются к современному профессиональному образованию, способному адаптироваться к быстро меняющимся требованиям на рынке труда и подготовить конкурентно способного специалиста, владеющего как профессиональными и общекультурными компетенциями, так и социально активного человека, имеющего установки на ведение здорового образа жизни, высокий духовно-нравственный потенциал [7; 11].

На сегодняшний день решению данной проблемы в научном поле посвящено множество междисциплинарных исследований. Так, специалисты в области профессионального образования изучают современные подходы к подготовке специалистов как ресурса решения кадрового дефицита (); описывают педагогические условия и механизмы формирования профессиональных компетенций студентов вузов (); исследуют инновационные технологии, эффективные методы и методики в рамках преподавания конкретных дисциплин, направленные на решение данной проблемы [8].

В контексте данной статьи представляют интерес работы в области физического воспитания студентов, основной целью которых выступает формирование общей культуры будущего специалиста, всесторонне развитой и здоровой личности средствами различных видов спорта, в том числе, единоборств [1]. Анализ литературы показал, что существует ряд исследований, в которых изучены психологические и физические ресурсы обучения единоборствам в условиях высшего профессионального образования. Специалистами описываются технологии формирования здоровья студентов на основе дзюдо (О.С. Понарина, 2010); исследуются функциональные особенности организма студентов, занимающихся дзюдо (А.Л. Юрченко, С.Ю. Завалишина, А.В. Доронцев, А.Ю. Шевелева, 2022) и рукопашным боем (С.Ю. Завалишина, А.Л. Юрченко, А.В. Доронцев, О.А. Разживин, 2022). Группой исследователей было установлено, что, в целом, наблюдается позитивное влияние занятиями единоборствами (дзюдо, рукопашный бой) на физическое развитие студентов, повышение общей устойчивости организма, активизации координационных характеристик спортсменов, увеличивается выносливость организма, активизируются двигательные ресурсы организма, происходит укрепление мышечной и нервной систем организма [7].

В ряде исследований изучаются различные аспекты физической культуры как учебной дисциплины. Так, в работах разных авторов описаны мотивационные эффекты занятий дзюдо, которые могут проявляться в улучшении посещаемости студентами занятий физической культурой и их академической успеваемости, активности участия в спортивно-массовых мероприятиях и соревнованиях (О.В. Долганов, 2006).

В работе Н.А. Перец отмечается, что мотивация к занятиям дзюдо может определяться типом преобладающего мотива у студентов - внешнего («навязанного») или внутреннего (смыслообразующего). По мнению исследователя, при разработке методов и методик работы в группах спортивного совершенствования по избранным видам спорта необходимо учитывать преобладающий тип мотивов студентов, что позволит добиться поставленных задач, определенных результатов и сохранить стабильность контингента студентов, занимающихся в группах спортивного совершенствования [12].

Существуют исследования по изучению отношения студентов к учебной

дисциплине «Физическая культура». По мнению ряда исследователей, изучение представлений студентов о физической культуре как учебной дисциплины достаточно противоречивое [20]. В большинстве своем студенты ориентированы на занятия физической культурой и спортом, подчеркивают значимость ведения здорового образа жизни и роль физической подготовки в современной жизни [8]. В ряде работ отмечается негативное отношение студентов вузов к занятиям по физической культуре, обусловленное отсутствием контроля динамики физического развития студентов; однообразием из года в год ведения занятий преподавателями данной дисциплины; низким владением профессиональными компетенциями преподавателями по физической культуре и др.

По мнению Н.А. Перец, наиболее острой остается проблема формирования групп спортивного совершенствования по избранным видам спорта. По мнению специалистов, если в 1980-е годы обучающимися таких групп были наиболее физически развитые студенты, часто после опыта спортивной подготовки в ДЮСШ, стремящиеся к спортивному совершенствованию и участию в соревновательной деятельности, то за последние 25 лет ситуация кардинально изменилась [12]. Одним из факторов сложившейся ситуации может выступать развитие альтернативных видов деятельности (цифровые технологии, интернет, социальные сети), последствиями которого являются гиподинамия, низкий уровень физической подготовленности, отсутствие приоритета физического развития и спортивного совершенствования, а также появление новых видов спорта и восточных единоборств. В связи с этим, по мнению специалистов, необходим поиск механизмов, направленных на реализацию эффективных форм работы с учетом возможностей вуза и индивидуальных предпочтений обучающихся, а также с учетом изменившихся условий реализации физической культуры как учебной дисциплины, а также социальной ситуации и включения студентов в альтернативные виды деятельности [12].

Как показал анализ результатов исследований, представленных в работах разных авторов, наиболее востребованными среди студентов вуза являются такие командные виды спорта, как волейбол, баскетбол, а также легкая атлетика: в силу универсальности ее применения [7]. Также имеются сведения о том, что в зависимости от специфики и направленности вуза предпочтения студентов в выборе видов физической активности разнятся [4]. Так, студенты технических вузов предпочитают силовые виды спорта (пауэрлифтинг, гиревой спорт), а также различные виды единоборств (дзюдо, самбо и др.).

Следует отметить, что в последние годы в условиях сложившейся ситуации занятия силовыми видами спорта и единоборствами востребованы как в социальном контексте, связанном с формированием здоровой и зрелой личности, имеющей ценностные установки и ориентиры патриотической направленности и сформированной гражданской идентичности, так и личностном плане - саморазвития, сохранения здоровья, ведения здорового образа жизни, наличия знаний и навыков самообороны, формирования силовых способности и т.д. [18]. Как считают исследователи, в основе единоборств заложены базовые основы сохранения жизни, уважения к сопернику, преодоления трудностей, развитие собственных возможностей, что может выступать фундаментом формирования ценностных установок и поведенческих ориентиров современного человека [13; 16].

Таким образом, существует противоречие между наличием научно обоснованных подходов и методов физического воспитания и потребностью практики, в расширении применения эффективных форм и методов работы на занятиях по физической культуре в условиях вуза с целью формирования здоровой и зрелой личности, имеющей ценностные установки и ориентиры

патриотической направленности и сформированной гражданской идентичности, а также высоком потенциале различных видов единоборств (дзюдо) в достижении данной цели.

Цель исследования - изучение динамики мотивированности и общей и специальной физической подготовки студентов вуза, занимающихся дзюдо.

Объектом исследования выступали мотивированность и общая и специальная физическая подготовка студентов вуза, занимающихся дзюдо. Предметом исследования - динамика мотивированности и общей и специальной физической подготовки студентов вуза, занимающихся дзюдо.

Материалы и методы

В исследовании применялся анализ литературы, анализ статистических данных, методы опроса, тестирование. Исследование осуществлялось на базе ФГБОУ ВО «Курский государственный аграрный университет им. И.И. Иванова». В исследовании приняли участие студенты первых курсов агротехнологического факультета и факультета ветеринарной медицины. Общий объем выборки составил 59 человек. Среди них 42 юноши, 17 девушек. Исследование осуществлялось в период формирования групп спортивного совершенствования по избранным видам спорта (контрольная группа) и после первого года обучения (экспериментальная группа; $n = 12$).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В ФГБОУ ВО «Курский государственный аграрный университет им. И.И. Иванова» преподавание физической культуры осуществляется в объеме 400 часов в рамках двух дисциплин, одна из которых («Физическая культура и спорт») входит в цикл базовых (обязательных) дисциплин в объеме 72 часа, другая – в элективный цикл дисциплин по выбору в объеме 328 часов: спортивное совершенствование по избранному виду спорта; общая физическая подготовка; адаптивная физическая культура [3].

При формировании групп спортивного совершенствования по избранным видам спорта традиционно проводится диагностика общей и специальной физической подготовки студентов. Результаты замеров общей и специальной физической подготовки студентов 1 курса агротехнологического и ветеринарного факультетов сравнивались с нормативами общей физической и специальной физической подготовки и уровень спортивной квалификации (спортивные разряды) на учебно-тренировочном этапе по виду спорта «дзюдо» [13] (таблица 1).

Как видно из таблицы 2, по разным показателям студенты имеют разный уровень общей физической и специальной подготовки. Так, результаты исследования общей физической подготовки у юношей соответствуют нормативам по следующим выполненным упражнениям: «подтягивание из виса лежа на низкой перекладине 90 см» (факт. – 17,94; норматив – не менее 16); «наклон вперед из положения стоя на гимнастической скамье (от уровня скамьи) / см» (факт. – + 8,54; норматив – не менее + 5). Результаты исследования специальной физической подготовки у юношей соответствуют нормативам по следующим выполненным упражнениям: «челночный бег 3 x 10 м» (факт. – 6,58; норматив – не более 10,0); «поднимание туловища из положения лежа на спине (за 30 с)» (факт. – 13,08; норматив – не менее 12). Результат замера упражнения «сгибание и разгибание рук в упоре лежа на полу (кол-во раз)» (факт. – 13,42; норматив – не менее 18,0) может свидетельствовать о недостаточном развитии мышечной силы в верхней части тела, что требует определенного внимания к решению данной проблемы в условиях тренировочного процесса, так как

Таблица 1. Нормативы общей физической и специальной физической подготовки и уровень спортивной квалификации (спортивные разряды) для зачисления и перевода на учебно-тренировочный этап (этап спортивной специализации) по виду спорта «дзюдо»*

Table 1. Standards of general physical and special physical training and the level of sports qualification (sports ranks) for enrollment and transfer to the training stage (stage of sports specialization) in the sport of «judo»*

№ п/п	Упражнения	Единица измерения	Норматив	
			Юноши	Девушки
1. Нормативы общей физической подготовки для возрастной группы 13 лет и старше				
1.1	Подтягивание из виса лежа на низкой перекладине 90 см	количество раз	не менее	
			16	13
1.2	Сгибание и разгибание рук в упоре лежа на полу	количество раз	не менее	
			18	14
1.3	Наклон вперед из положения стоя на гимнастической скамье (от уровня скамьи)	см	не менее	
			+5	+6
2. Нормативы специальной физической подготовки				
2.1	Челночный бег 3 x 10 м	с	не более	
			10,0	10,6
2.2	Поднимание туловища из положения лежа на спине (за 30 с)	количество раз	не менее	
			12	10

*Источник: Приказ от 14 августа 2025 г. № 655 «Об утверждении федерального стандарта спортивной подготовки по виду спорта «дзюдо» // КонсультантПлюс. – URL : file:///C:/Users/HP/Downloads/dzjudo.pdf (дата обращения: 12.03.2026)

Таблица 2. Результаты исследования общей физической и специальной физической подготовки студентов при формировании групп спортивного совершенствования по индивидуальным видам спорта («дзюдо»)

Table 2. The results of the study of general physical and special physical training of students in the formation of groups of sports improvement in individual sports («judo»)

№ п/п	Упражнения	Юноши	Девушки
1. Общая физическая подготовка			
1.1	Подтягивание из виса лежа на низкой перекладине 90 см (кол-во раз)	17,94	7,37
1.2	Сгибание и разгибание рук в упоре лежа на полу (кол-во раз)	13,42	16,17
1.3	Наклон вперед из положения стоя на гимнастической скамье (от уровня скамьи) / см	+8,54	+12,79
2. Специальная физическая подготовка			
2.1	Челночный бег 3 x 10 м	6,58	8,73
2.2	Поднимание туловища из положения лежа на спине (за 30 с)	13,08	11,50

овладение техниками и приемами дзюдо развитие мышечной силы в верхней части тела является одним из детеминирующих факторов [2].

Сравнительный анализ результатов исследования общей физической подготовки у девушек также выявил соответствие нормативам по следующим

упражнениям: «сгибание и разгибание рук в упоре лежа на полу (кол-во раз)» (факт. – 16,17; норматив – не менее 14); «наклон вперед из положения стоя на гимнастической скамье (от уровня скамьи) / см» (факт. – + 12,79; норматив – не менее + 6). Сравнение результатов исследования специальной физической подготовки у девушек выявило также соответствие нормативам по выполненным упражнениям: «челночный бег 3 x 10 м» (факт. – 8,73; норматив – не более 10,6); «поднимание туловища из положения лежа на спине (за 30 с)» (факт. – 11,50; норматив – не менее 10). Результат замера упражнения «подтягивание из виса лежа на низкой перекладине 90 см» (факт. – 7,37; норматив – не менее 13) может свидетельствовать о недостаточной силе мышц рук, спины и пресса, что требует определенного внимания к решению данной проблемы в условиях тренировочного процесса, так как овладение техниками и приемами дзюдо развитие силы мышц рук, спины и пресса также выступает одним из детерминирующих факторов успешности в данном виде спорта.

Таким образом, исследование показало, что у студентов первого курса, планирующих заниматься в группе спортивного совершенствования по избранным видам спорта, уровень общей и специальной физической подготовки по определенным показателям соответствует нормативам для зачисления на учебно-тренировочный этап по виду спорта «дзюдо». Между тем, результат замеров упражнений «сгибание и разгибание рук в упоре лежа на полу (кол-во раз)» (юноши), «подтягивание из виса лежа на низкой перекладине 90 см» (девушки) может свидетельствовать о недостаточной силе мышц рук, спины и пресса, что требует определенного внимания к решению данной проблемы в условиях тренировочного процесса, так как овладение техниками и приемами дзюдо развитие силы мышц рук, спины и пресса также выступает одним из детерминирующих факторов успешности в данном виде спорта.

Нами была разработана анкета по изучению мотивированности студентов заниматься в группе спортивного совершенствования по избранному виду спорта («дзюдо»). Анкета содержала два блока вопросов. В первый блок вошли утверждения, связанные с внешней мотивацией студентов («возможность получить зачет»; «заниматься заодно с другими студентами»; «повысить свой статус»). Во второй блок вошли утверждения, связанные с внутренней мотивацией студентов («возможность получить навыки самообороны»; «улучшить свой спортивный результат»; «получить опыт в спортивной деятельности») (Рисунок 1).

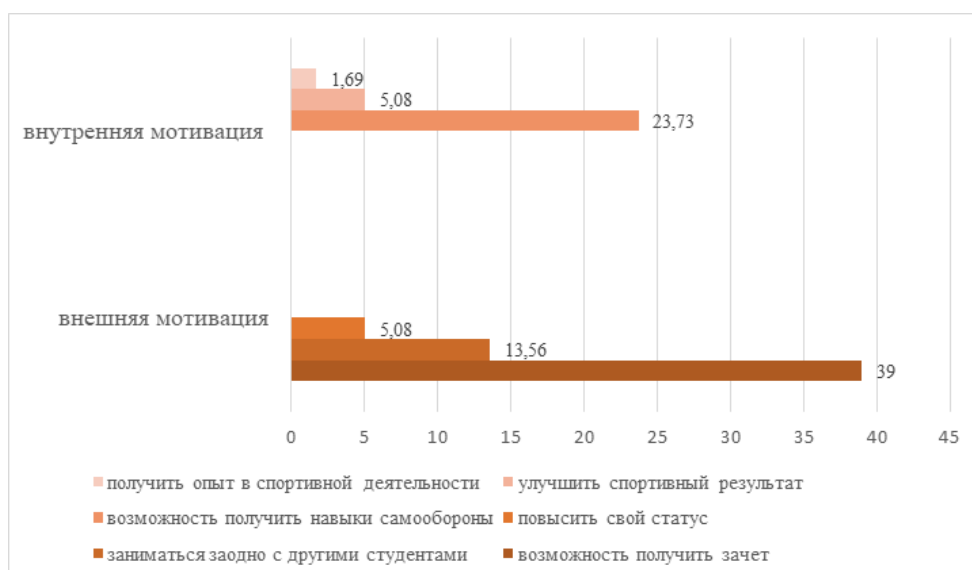

Рисунок 1. Результаты опроса, направленного на изучение мотивации студентов, в %
Figure 1. Results of a survey aimed at studying students' motivation, in %

Исследование показало, что в большинстве своем студенты имеют внешнюю мотивацию (57,63 %; n = 34). Внутренняя мотивация зафиксирована у 30,51 % (n = 18) респондентов. Девять респондентов (19,25 %; n = 9) затруднились с ответом. Как видно из рисунка, около четверти опрошенных (23,73 %; n = 14) имеют внутреннюю мотивацию (утверждение «возможность получить навыки самообороны»), около 40 % респондентов (n = 23) (утверждение «возможность получить зачет»), а также 13,56 % респондентов (n = 8) (утверждение «заниматься заодно с другими студентами») имеют внешнюю мотивацию. Мы разделяем точку зрения исследователей, связанную с предположением о том, что различия в типах мотивации оказывает влияние на процесс деятельности и его результат [19]. В связи с этим, необходимо учитывать при разработке программы спортивной подготовки данный факт.

Следует отметить, что существует определенная разница в организационно-методических характеристиках занятий дзюдо в спортивных секциях ДЮСШ и вузов. Анализ требований к реализации дополнительной образовательной программы спортивной подготовки показал, что на учебно-тренировочном этапе допускается 10-14 часов в неделю продолжительностью одного тренировочного занятия не более трех часов. Студенты занимаются два раза в неделю по 90 минут (три часа в неделю), многие не имеют предшествующего опыта и, зачастую, ограничены в возможности посещать элективные занятия по виду спорта одним учебным годом. Все это указывает на целесообразность разработки методических подходов к совершенствованию показателей общей и специальной физической подготовки, развитию силовых способностей, формированию двигательных и технических навыков по виду спорта дзюдо в условиях лимита времени, разнородности физической подготовленности студентов и различной мотивированности студентов к занятиям по дзюдо.

Нами была разработана программа по включению элементов единоборств (дзюдо) на занятиях физической культуры в вузе. Теоретическое обоснование модели данной программы описано в статье [15]. Концептуальным обоснованием разработки данной модели выступают компетентностный подход, личностно-ориентированный подход, концепция физического воспитания, концепция спортивной физики физического воспитания [9].

Организационно-методическое сопровождение включает в себя практико-ориентированный блок (участие в соревнованиях; спортивно-ориентированных мероприятиях; участие в мастер-классах с выдающимися дзюдоистами Курска и Курской области); мотивационно-ценностный блок (применение состязательно-игрового метода; выполнение символики этики дзюдо); методический блок (физическая подготовка, технико-тактическая подготовка, обучение технике дзюдо в последовательности – от базовых элементов – к отдельным техническим приемам); теоретико-концептуальный блок (знакомство с особенностями истории дзюдо; созданием курской школы дзюдо; спецификой тренировочного процесса). Процессуальный блок включает такие формы организации обучения, как учебно-тренировочные занятия, соревновательная деятельность, индивидуальная и групповая работа, самостоятельная работа под руководством тренера. В качестве методов использованы традиционные и активные методы; методы физической, технико-тактической, психологической подготовки [15].

На базе ФГБОУ ВО «Курский государственный аграрный университет им. И.И. Иванова» был проведен лабораторный эксперимент, в котором приняли участие студенты группы спортивного совершенствования по избранным видам спорта («дзюдо») в количестве 12 человек (юноши) после первого года обучения. Результаты диагностики общей и специальной физической подготовки студентов сравнивались с нормативами, а также с результатами, полученными

ми у них на этапе формирования групп спортивного совершенствования по избранным видам спорта.

Таблица 3. Динамика общей физической и специальной физической подготовки студентов, занимающихся в группе спортивного совершенствования по индивидуальным видам спорта («дзюдо»)

Table 3. Dynamics of general physical and special physical training of students engaged in the group of sports improvement in individual sports ("judo")

№ п/п	Упражнения	Юноши		Норматив
		До эксперимента	После эксперимента	
3. Общая физическая подготовка				
1.1	Подтягивание из виса лежа на низкой перекладине 90 см (кол-во раз)	17,94	19,40	Не менее 16
1.2	Сгибание и разгибание рук в упоре лежа на полу (кол-во раз)	13,42	18,21	Не менее 18
1.3	Наклон вперед из положения стоя на гимнастической скамье (от уровня скамьи) / см	+8,54	+7,62	не менее + 5
4. Специальная физическая подготовка				
2.1	Челночный бег 3 x 10 м	6,58	6,12	не более 10,0
2.2	Поднимание туловища из положения лежа на спине (за 30 с)	13,08	14,23	не менее 12

Как видно из таблицы 3, существует определенная динамика по показателям общей и специальной физической подготовки студентов, занимающихся в группе спортивного совершенствования по индивидуальным видам спорта («дзюдо»), после первого года обучения. Так, сравнение с нормативами и результатами замеров студентов, полученных по показателям общей физической подготовки, показали, что студенты после эксперимента имеют результаты, соответствующие нормативам и даже превышающие результаты. Так, результаты замеров, полученные при выполнении упражнения «подтягивание из виса лежа на низкой перекладине 90 см» до эксперимента и после эксперимента были выше установленных нормативов. Между тем, после эксперимента в экспериментальной группе результаты улучшились на 1,46 раз. Результаты замеров, полученные при выполнении упражнения «сгибание и разгибание рук в упоре лежа на полу» до эксперимента были ниже установленных нормативов: при норме «не менее 18» результат в контрольной группе составлял 13,42 раз. Между тем, после эксперимента в экспериментальной группе результаты улучшились на 4,79 раз. Результаты замеров, полученные при выполнении упражнения «наклон вперед из положения стоя на гимнастической скамье (от уровня скамьи)» до и после эксперимента, выше установленного норматива. Однако, после эксперимента в ЭГ данный результат незначительно уменьшился (на 0,92 см), что может свидетельствовать о недостаточном развитии гибкости спортсменов.

Сравнение с нормативами и результатами замеров студентов, полученных по показателям специальной физической подготовки, показали, что студенты

после эксперимента имеют результаты по двум упражнениям («челночный бег 3 x 10 м», «поднимание туловища из положения лежа на спине (за 30 с)»), соответствующие нормативам и даже превышающие результаты: по первому упражнению результат улучшился на 0,46 сек., по второму упражнению результат улучшился на 1,15 раз соответственно.

Результаты динамики мотивированности на продолжение занятий по дзюдо были получены с помощью анкеты, использованной нами на этапе формирования групп спортивного совершенствования по избранному виду спорта (Рисунок 2).

Рисунок 2. Динамика результатов опроса, направленного на изучение типов мотивации студентов после эксперимента, в %

Figure 2. Dynamics of the survey results aimed at studying the types of motivation of students after the experiment, in %

Как видно из Рисунка 2, что в большинстве своем студенты после эксперимента имеют также внешнюю мотивацию (58,33 %; n = 7). Внутренняя мотивация зафиксирована у 41,66 % (n = 5) респондентов. Однако, содержание мотивационных факторов в структуре внешних и внутренних мотивов изменилось. Так, четверть опрошенных респондентов (25,00 %; n = 3) имеют внутреннюю мотивацию (утверждение «получить опыт в спортивной деятельности»), а также 33,00 % респондентов (n = 4) (утверждение «заниматься заодно с другими студентами») имеют внешнюю мотивацию.

ВЫВОДЫ

Таким образом, существует определенная динамика по показателям общей и специальной физической подготовки студентов, занимающихся в группе спортивного совершенствования по индивидуальным видам спорта («дзюдо»), после первого года обучения. Сравнение с нормативами и результатами замеров студентов, полученных по показателям общей и специальной физической подготовки, показали, что студенты после эксперимента имеют результаты, соответствующие нормативам и даже превышающие результаты. Между тем, замер по результатам упражнения «наклон вперед из положения стоя на гимнастической скамье (от уровня скамьи) / см» незначительно уменьшился (на 0,92 см), что может свидетельствовать о недостаточном развитии гибкости спортсменов.

В большинстве своем студенты после эксперимента имеют также внешнюю мотивацию. Однако, содержание мотивационных факторов в структуре

внешних и внутренних мотивов изменилось, что, по нашему мнению, имеет социально-психологический эффект («заниматься заодно с другими студентами» - внешняя мотивация, «получить опыт в спортивной деятельности» - внутренняя мотивация).

Кроме того, в процессе лабораторного эксперимента возникли определенные проблемы организационно-методического характера, которые необходимо будет учитывать в дальнейшем исследовании. Например, по результатам эксперимента нами были выявлены критерии (посещаемость занятий, академическая успеваемость), которые необходимо использовать при оценке эффективности реализованной Программы. Также в экспериментальной группе занимались студенты, которые имели опыт спортивной подготовки ($n = 3$) и мотивированные на спортивное совершенствование и результат, что требовало внесения изменений в учебно-тренировочный процесс и др. С учетом выявленных факторов, необходимо внесение корректировок в Программу и проведения дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашкинази, С.М. Единоборства в мире спортивной науки / С.М. Ашкинази. – Текст : электронный // ТиПФК. - 2015. - №11. - URL: elibrary_24842324_16594216.pdf (дата обращения: 07.10.2024).

2. Блеер, А.Н. Спортивные и прикладные единоборства как основа государственного стандарта по физической культуре / А.Н. Блеер, А.А. Передельский. - Текст : электронный // Теория и практика прикладных и экстремальных видов спорта. Научно-метод. журнал. – 2010. - № 1 (16). - С. 18-24. – URL : <http://lib.sportedu.ru/press/TPPEVS/2010N1/p18-24.htm> (дата обращения: 07.10.2024).

3. Дисциплины. Кафедра физической культуры и спорта // Курский государственный аграрный университет им. И.И. Иванова : официальный сайт. – URL : <https://kursksau.ru/education/faculties/agrotechnological-faculty/faculty-departments/physical-culture-and-sports/disciplines/> (дата обращения : 12.04.2026)

4. Долганов, О.В. Организация физкультурно-спортивной деятельности студентов вузов в процессе занятий борьбой дзюдо: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук по специальности 13.00.04 - Теория и методика физического воспитания, спортивной тренировки, оздоровительной и адаптивной физической культуры / Олег Владиславович Долганов. – Тюмень, 2006. – 24 с. – URL : <https://www.dissercat.com/content/organizatsiya-fizkulturno-sportivnoi-deyatelnosti-studentov-vuzov-v-protssesse-zanyatii-borbo/read> (дата обращения: 03.06.2026).

5. Завалишина, С.Ю. Функциональные особенности организма студентов, регулярно занимающихся рукопашным боем / С.Ю. Завалишина, А.Л. Юрченко, А.В. Доронцев, О.А. Разживин // Ученые записки университета Лесгафта. - 2022. - № 5 (207). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalnye-osobennosti-organizma-studentov-regulyarno-zanimayushchysya-rukopashnym-boem> (дата обращения: 03.06.2026).

6. Зуб, И.В. Дзюдо. Теоретические и практические основы тренировки: учеб. пособие / И.В. Зуб, В.И. Дейч, А.Ж. Берекенов. - Текст : электронный – СПб.: Научное издание, 2019. – 154 с. – URL : https://elibrary.ru/download/elibrary_37332673_47425973.pdf (дата обращения : 15.09.2024).

7. Козлов, А.В. Общекультурные компетенции по физической культуре в образовательных стандартах современных профессий / А.В. Козлов, А.А. Бударников, О.В. Шиманский. - Текст : электронный // Ученые записки университета Лесгафта. - 2016. - № 5 (135). - URL: <4D6963726F736F667420576F7264202D20D3F7E5EDFBE520E7E0EFE8F1EAE820313335> (дата обращения: 03.10.2024).

8. Латибова, Л.В. Особенности процесса обучения студентов элементам борьбы дзюдо / Л.В. Латибова. - Текст : электронный // Fan-Sportga. - 2021. - № 1. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-protssessa-obucheniya-studentov-elementam-borby-dzyudo> (дата обращения: 05.10.2025).

9. Лубышева, Л.И. Новый концептуальный подход к современному пониманию социальной природы спорта / Л.И. Лубышева, В.П. Моченов // ТиПФК. - 2015. - № 4. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-kontseptualnyy-podhod-k-sovremenному-ponimaniyu-sotsialnoy-prirody-sporta>

du-sporta (дата обращения: 06.10.2024).

10. Муслимов, Р.Р. Концепция физического воспитания в высших учебных заведениях / Р.Р. Муслимов, С.В. Шарохина, И.Я. Красноруцкий. - Текст : электронный // Интернет-журнал «Мир науки». - 2018. - № 6. - URL : <https://mir-nauki.com/PDF/129PDMN618.pdf> (дата обращения : 15.09.2024).

11. Непочатых, А.В. Особенности субъективных представлений студентов-первокурсников о самочувствии и собственном здоровье в период адаптации к условиям обучения в вузе / А.В. Непочатых. - Текст : электронный // Коллекция гуманитарных исследований. - 2023. - № 3 (36). - С. 71-75. - URL : <https://www.j-chr.com/jour/article/view/325> (дата обращения 03.09.2024).

12. Перец, Н.А. Мотивация студентов Белорусско-Российского университета к занятиям дзюдо и самбо / Н.А. Перец // Веснік МДПУ імя І. П. Шамякіна. - 2014. - № 2 (43). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-studentov-belorussko-rossiyskogo-universiteta-k-zanyatiyam-dzyudo-i-sambo> (дата обращения: 03.04.2026).

13. Приказ от 14 августа 2025 г. № 655 «Об утверждении федерального стандарта спортивной подготовки по виду спорта «дзюдо» // КонсультантПлюс. - URL : <file:///C:/Users/HP/Downloads/dzjudo.pdf> (дата обращения: 12.04.2026)

14. Селиванов, О.И. Спортивно-боевые единоборства в современной культуре: проблема соотношения традиции и новации / О.И. Селиванов // Дискуссия. - 2015. - № 5 (57). - URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23817072_25688149.pdf (дата обращения: 06.02.2024).

15. Суворов, Н.С. Развитие компетенций студентов на занятиях по физической культуре в условиях высшего профессионального образования / Н.С. Суворов, А.В. Непочатых // Коллекция гуманитарных исследований. - 2025. - № 1 (42). - С. 100-114. - URL : <https://www.j-chr.com/jour/article/view/576/332> (дата обращения: 21.09.2025).

16. Туманян, Г.С. Спортивная борьба : теория, методика, организация тренировки: учебное пособие в четырех книгах. Книга 1. Пропедевтика / Г.С. Туманян. - М.: Советский спорт, 1997. - URL : file:///C:/Users/HP/Downloads/wrestling_theory_methodology.pdf (дата обращения : 12.04.2026)

17. Фёдорова, Т.Ю. Особенности преподавания учебной дисциплины «Физическая культура» в техническом университете / Т.Ю. Фёдорова, Л.П. Морозова. - Текст : электронный // Мир науки. Педагогика и психология. - 2017. - № 4. - URL: <https://mir-nauki.com/PDF/29PDMN417.pdf?ysclid=m909x4902b239367538> (дата обращения: 04.10.2024).

18. Чевычелов, Д.А. Совершенствование специальной физической подготовки дзюдоистов с применением игры в регби / Д.А. Чевычелов // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. - 2013. - № 1 (25). - URL : file:///C:/Users/HP/Downloads/pdf_029-023.pdf (дата обращения : 12.04.2026)

19. Шихшабеков, Ш.Ю. О философии восточных единоборств и боевых искусств / Ш.Ю. Шихшабеков, Г.К. Магомедов, С.У. Чихов. - Текст : электронный // Вестник СПИ. - 2019. - № 1 (29). - URL: [Vestnik_1\(29\)_2019.pdf](Vestnik_1(29)_2019.pdf) (дата обращения: 06.10.2024).

20. Sprake, A. and pupils (2014) «I've got my kit for PE Sir, but what else is missing? Perceptions of Physical Education in a Secondary school (Chapter 60, pp. 337-348). In, Palmer, C. (Ed.) The sports monograph: critical perspectives on socio-cultural sport, coaching and Physical Education. SSTO Publications, Preston, UK.

Получена: 23.04.2026 г.

Принята к публикации: 06.06.2026 г.

DYNAMICS OF MOTIVATION AND GENERAL AND SPECIAL PHYSICAL TRAINING OF UNIVERSITY STUDENTS ENGAGED IN JUDO

© Anton V. Nepochatykh

Anton V. Nepochatykh – Associate Professor of the Department of Physical Culture and Sports of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Kursk State Agrarian University named after I.I. Ivanov

e-mail: nepochatykh93@yandex.ru

Address: 305021, Kursk, Karl Marks Street, 70, Russian Federation

ABSTRACT

Relevance. In the current conditions and the current social situation in society, practicing power sports and martial arts (judo) at a university will contribute to the formation of a healthy and mature personality with values and orientations of a patriotic nature and a developed civic identity, as well as in terms of personal development, maintaining health, leading a healthy lifestyle, having knowledge and skills of self-defense, developing strength abilities, etc.

The purpose of the study is to examine the dynamics of motivation and general and special physical training among university students.

Results. There is a certain dynamics in terms of general and special physical training of students engaged in the group of sports improvement in individual sports (judo), after the first year of study. Comparison with the standards and the results of measurements of students obtained on the indicators of general and special physical training showed that students after the experiment have the results corresponding to the standards and even exceeding the results. Meanwhile, the measurement of the results of the exercise "forward bend from a standing position on a gymnastic bench (from the level of the bench) / cm" decreased slightly (by 0.92 cm), which may indicate insufficient flexibility development in athletes. In most cases, students also have external motivation after the experiment. However, the content of motivational factors in the structure of external and internal motives has changed, which, in our opinion, has a socio-psychological effect ("to study together with other students" - external motivation, "to gain experience in sports activities" - internal motivation).

Conclusions. In general, the laboratory experiment showed the effectiveness of the program we developed. However, during the laboratory experiment, certain organizational and methodological issues arose that will need to be taken into account in further research.

KEYWORDS: motivation; general and special physical training; students; judo.

Conflict of interests. The authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

REFERENCES

1. Ashkinazi, S.M. Martial arts in the world of sports science / S.M. Ashkinazi. – Text : electronic // TIPK. - 2015. - No. 11. - URL: elibrary_24842324_16594216.pdf (accessed: 07.10.2024).
2. Bleer, A.N. Sports and applied martial arts as the basis of the state standard for physical culture / A.N. Bleer, A.A. Peredelsky. - Text : electronic // Theory and practice of applied and extreme sports. Scientific method. The magazine. – 2010. - № 1 (16). - Pp. 18-24. – URL : <http://lib.sportedu.ru/press/TPPEVS/2010N1/p18-24.htm> (date of request: 07.10.2024).
3. Disciplines. Department of Physical Culture and Sports // Kursk State Agrarian University named after I.I. Ivanov : official website. – URL : <https://kursksau.ru/education/faculties/agrotechnological-faculty/faculty-departments/physical-culture-and-sports/disciplines/> (date of request : 04/12/2026)
4. Dolganov, O.V. Organization of physical culture and sports activities of university students in the process of judo wrestling: abstract of the dissertation for the degree of candidate of pedagogical sciences in specialty 13.00.04 - Theory and methodology of physical education, sports training, recreational and adaptive physical culture / Oleg Vladislavovich Dolganov. – Tomen, 2006. – 24 p. – URL : <https://www.dissercat.com/content/organizatsiya-fizkulturno-sportivnoi-deyatelnosti-studentov-vuzov-v-protssesse-zanyatii-borbo/read> (date of request: 06/03/2026).
5. Zavalishina, S.Y. Functional features of the body of students who regularly engage in

hand-to-hand combat / S.Y. Zavalishina, A.L. Yurchenko, A.V. Dorontsev, O.A. Razzhivin // Scientific notes of Lesgaft University. - 2022. - № 5 (207). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalnye-osobennosti-organizma-studentov-regulyarno-zanimayuschih-sya-rukopashnym-boem> (date of request: 06/03/2026).

6. Zubov, I.V. Judo. Theoretical and practical foundations of training: studies. consent / I.V. Zubov, V.I. Deich, A.J. Berekenov. – St. Petersburg: Science-intensive technologies, 2019. - 154 p. – URL : https://elibrary.ru/download/elibrary_37332673_47425973.pdf (date of request : 09/15/2024).

7. Kozlov, A.V. General cultural competencies in physical culture in the educational standards of modern professions / A.V. Kozlov, A.A. Budarnikov, O.V. Shimansky. - Text : electronic // Scientific notes of Lesgaft University. - 2016. - № 5 (135). - URL: <4D6963726F736F667420576F7264202D20D3F7E5EDFB520E7E0EFE8F1EAE820313335> (accessed 03.10.2024).

8. Latibova, L.V. Confidence in the success of learning in the studio "Borby day" / L.V. Latibova. - Text : electronic // Fan-Sports. - 2021. - No. 1. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-protsesta-obucheniya-studentov-elementam-borby-dzyudo> (date of access: 05.10.2025).

9. Lubysheva, L.I. A new conceptual approach to the modern understanding of the social nature of sports / L.I. Lubysheva, V.P. Mochenov // TiPFK. - 2015. - No. 4. - Address: <https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-kontseptualnyy-podhod-k-sovremennomu-ponimaniyu-sotsialnoy-prirody-sporta> (date of request: 06.10.2024).

10. Muslimov, R.R. The concept of physical education in higher educational institutions / R.R. Muslimov, S.V. Sharokhina, I.Ya. Krasnorutsky. - Text : electronic // Mir Nauki online magazine. – 2018. - No. 6. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/129PDMN618.pdf> (date of request : 09/15/2024).

11. Nepochatykh, A.V. Features of the subjective perceptions of first-year students about their own well-being and health during the period of adaptation to the conditions of study at the university / A.V. Nepochatykh // Collection of humanitarian studies. - 2023. - № 3 (36). – Pp. 71-75. – URL : <https://www.j-chr.com/jour/article/view/325> (accessed 03.09.2024).

12. Pere, N.A. Development by a student of the White Russian University for sports together / N.A. Pere // Vesnik MDPU named after I.P. Shamakin. - 2014. - № 2 (43). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-studentov-belorusko-rossiyskogo-universiteta-k-zanyatiyam-dzyudo-i-sambo> (date of application: 06/03/2026).

13. Order No. 655 dated August 14, 2025 "On approval of the Federal standard of sports training in the sport of Judo" // ConsultantPlus. – URL : <file:///C:/Users/HP/Downloads/dzhudo.pdf> (accessed: 04/12/2026)

14. Selivanov, O.I. Sports and martial arts in modern culture: the problem of the correlation of tradition and innovation / O.I. Selivanov // Discussion. - 2015. - № 5 (57). - URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23817072_25688149.pdf (date of reference: 06/02/2024).

15. Suvorov, N.S. The development of students' competencies in physical education classes in higher professional education / N.S. Suvorov, A.V. Nepochatykh // Collection of Humanitarian Studies. - 2025. - № 1 (42). - Pp. 100-114. – URL : <https://www.j-chr.com/jour/article/view/576/332> (date of request: 09/21/2025).

16. Tumanyan, G.S. Wrestling : theory, methodology, organization of training: a textbook in four books. Book 1. Propaedeutics / G.S. Tumanyan. Moscow: Soviet Sport, 1997. URL: file:///C:/Users/HP/Downloads/wrestling_theory_methodology.pdf (accessed: 04/12/2026)

17. Fedorova, T.Y. Features of teaching the discipline «Physical culture» in technical University / T.Y. Fedorova, L.P. Morozova // The world of science. Psychology. - 2017. - No. 4. - URL: <https://mir-nauki.com/PDF/29PDMN417.pdf?ysclid=m909x4902b239367538> (date of request: 04.10.2024).

18. Chevychelov, D.A. Improving the special physical training of judoists using the game of rugby / D.A. Chevychelov // Scientific notes: electronic scientific journal of Kursk State University. - 2013. - № 1 (25). - Page address : file:///with:/Users/LS/downloads/pdf_029-023.PDF format (accessed : 04/12/2026)

19. Shikhshabekov, Sh.Yu. On the philosophy of martial arts and martial arts / Sh.Yu. Shikhshabekov, G.K. Magomedov, S.U. Chikhov // Herald of SLEEP. - 2019. - № 1 (29). - Address: [Vestnik_1\(29\)_2019.PDF](Vestnik_1(29)_2019.PDF) format (accessed: 06.10.2024).

20. Sprake, A. and the students (2014) "I have a gym kit, but what else is missing?" Perception of physical education in secondary schools (chapter 60, pp. 337-348). In, Palmer K. (ed.) Sports monograph: critical views on socio-cultural sports, coaching and physical education. SSTO Publishing House, Preston, UK.

DOI: 10.21626/j-chr/2026-2(47)/11
УДК: 159.9.07

Молодежная наука

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ВОЛЕВОЙ СФЕРЫ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА, ПЕРЕНЕСШИХ ТРУДНУЮ ЖИЗНЕННУЮ СИТУАЦИЮ

132

© А.М. Гаджиева, А.А. Богушевская, В.Г. Николаева

Гаджиева А.М. – студент, ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: gadzievanasta060@mail.ru

Богушевская А.А. – студент, ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России.
E-mail: anna.bog2020@yandex.ru

Николаева В.Г. – студент, ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: nikolayeva.04@list.ru
Адрес: 305041, Курск, ул. К. Маркса, д. 3, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность.

Цель: изучить особенности эмоционально-волевой сферы детей, перенесших трудную жизненную ситуацию.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 20 детей, которые имели в своей жизни опыт психологической травматизации, связанный с неблагоприятной средой в семье, с проживанием на приграничных территориях в условиях начала военного конфликта и вынужденным переселением в более безопасные районы. Их средний возраст составил 10 ± 2 лет. Исследование проводилось на базе Курского регионального отделения общероссийской общественной организации «Российский Красный Крест» (КРО РКК). Для исследования эмоциональной сферы детей были использованы проективные методики Д. Бака «Дом, дерево, человек» и К. Махвер «Нарисуй человека». Статистическая обработка полученных результатов проводилась с помощью STATISTICA 10.0 StatSoft.

Результаты. В ходе исследования было выявлено следующее. У испытуемых наиболее выраженными симптомами выступили чувство незащищенности, тревожность и недоверие к себе. Симптомы неполноценность, враждебность, конфликтность, трудности в общении и депрессивность были выражены в меньшей степени.

Заключение. Проведённое исследование позволило выявить, что у детей, перенесших трудную жизненную ситуацию, эмоционально-волевая сфера характеризуется повышенным уровнем тревожности, чувством незащищенности и сниженным доверием к себе. Полученные результаты подтверждают значимость создания и реализации программы психологического сопровождения, направленной на восстановление чувства безопасности и укрепление позитивного образа «Я» у детей данной категории.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дети младшего школьного возраста; трудная жизненная ситуация; эмоционально-волевая сфера; психологическая травматизация.

Конфликт интересов. Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Современные социально-экономические условия нередко сопровождаются стрессовыми и травмирующими ситуациями, оказывающими значительное влияние на развитие личности ребёнка. Дети младшего школьного возраста особенно уязвимы перед внешними воздействиями, так как именно в этот период формируются базовые эмоционально-волевые качества и представления о себе и мире. Переживание трудных жизненных ситуаций может привести к нарушению эмоционального равновесия, повышенной тревожности, неуверенности в себе и затруднениям в общении со сверстниками и взрослыми. Отсутствие своевременной психологической поддержки способно закрепить негативные эмоциональные состояния, затрудняя последующую социализацию ребёнка. Изучение особенностей эмоционально-волевой сферы детей, перенесших трудные жизненные обстоятельства, имеет важное значение для разработки эффективных программ коррекции и психологической помощи. [10, 17]

В психологической литературе для обозначения трудных жизненных ситуаций используется широкий спектр терминов, что неизбежно порождает различия в их концептуализации и определениях. Так, одни авторы, опираясь на понятие «кризисные ситуации», трактуют их как состояния повышенного риска, создающие предпосылки для дезадаптационных реакций и собственно кризисных состояний. [11] Т.М. Титаренко акцентирует внимание на функционировании личности на пределе её адаптационных ресурсов, что сопровождается утратой субъектности. В свою очередь, Л.И. Анцыферова подчёркивает недостаточность подобных определений без учёта ценностного измерения: именно разрушение или угроза значимым ценностям превращает событие в подлинно критическое. [5, 19]

Ряд исследователей определяют трудную жизненную ситуацию через несоответствие между потребностями, целями и ценностями личности, с одной стороны, и реальными возможностями их удовлетворения или особенностями характера, с другой. Ф.Е. Василук предлагает следующую формулировку: кризис возникает тогда, когда становится невозможной реализация «внутренних потребностей» жизнедеятельности личности, что вынуждает её к активному поиску смыслов и психологической переработке опыта. [7]

При всём разнообразии подходов большинство авторов сходятся в описании ключевых признаков трудных жизненных ситуаций: высокий уровень психического напряжения, нарушающий саморегуляцию и эффективность решения задач; глубокие личностные переживания, связанные с необходимостью преодоления; трансформация самооценки и мотивационной структуры; потребность во внешней психологической поддержке и внутренней личностной перестройке.

В жизни детей это могут быть: ситуации длительного, хронического действия, связанные, как правило, с семейной обстановкой; ситуации, возникающие под влиянием факторов эмоциональной депривации; кратковременные, но чрезвычайно значимые и острые ситуации. Ребенок, оказавшийся в тяжелой ситуации, не может благополучно функционировать в среде, отсюда и появляются проблемы, приходится изменять привычные нормы поведения. Ребёнок перестаёт видеть выход из трудного положения, считает его бесконечным и неконтролируемым, что усиливает чувство беспомощности и отчаяния. [2, 8, 13]

Т.Н. Гудкова особо отмечает, что кризисные процессы захватывают не только психическую, но и соматическую сферу, существенно влияя на телесное

самочувствие и общее функционирование человека. В традиции Л.С. Выготского кризис трактуется не как патология или случайное затруднение, а как закономерный этап развития, концентрированная точка перелома, открывающая переход на качественно новый уровень психической организации. [3, 16]

Анализ трудных ситуаций, как правило, строится с учётом взаимодействия объективных обстоятельств, субъективной интерпретации события, доминирующих эмоциональных состояний и поведенческих стратегий. [10]

В младшем школьном возрасте ребёнок уже способен к переживанию сложных и противоречивых эмоций, вызванных не только внутрисемейными, но и более широкими драматическими событиями. По сравнению с дошкольным периодом существенно возрастает роль эмпатии и зачатков эмоционального интеллекта: дети начинают тоньше дифференцировать чувства окружающих и свободнее выражать собственные, в том числе негативные и амбивалентные. [6]

У детей, перенесших ТЖС, низкая способность рефлексии и несформированность самосознания, а также высокая степень зависимости от значимых взрослых. Особенно тяжёлые последствия вызывает ранняя психическая травма. Травматические переживания «записываются» в телесной и аффективной памяти и в дальнейшем проявляются в виде телесных симптомов, фобий, повторяющихся кошмаров, флэшбеков и деструктивных сценариев отношений. Ребёнок может бессознательно воспроизводить травмирующую ситуацию в играх, рисунках или отношениях со сверстниками. Дети, длительно находящиеся в ТЖС, живут в состоянии постоянного внутреннего напряжения и ожидания новой угрозы. Даже нейтральные ситуации начинают восприниматься как потенциально опасные. Данные проявления являются защитными реакциями на невыносимый внутренний стресс. [1, 12, 14, 15, 18]

В ходе проведенного исследования, К. Ю. Меньшикова описала, что у детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, было выявлено негативное психическое состояние, связанное с вынужденным переселением из зоны вооруженных конфликтов, зафиксированы негативные тенденции, такие как страх и тревожность [9]

Жизнестойкость выступает важным личностным ресурсом, способствующим преодолению последствий травмы и сохранению целостности личности. Дети и подростки с высоким уровнем жизнестойкости демонстрируют значительно меньшую выраженность тревожно-депрессивных симптомов даже в крайне сложных условиях. Низкая жизнестойкость ограничивает способности личности к адаптации и усиливает внутренние конфликты. [4, 20]

Данные зарубежных исследований убедительно демонстрируют, что чрезмерное навязчивое прокручивание травматического опыта (руминация) обладает выраженным неадаптивным потенциалом и усиливает тревожную симптоматику. Именно руминация часто выступает медиатором между посттравматическими реакциями и развитием коморбидных тревожных и депрессивных расстройств. Поведенческое избегание и снижение общей активности также устойчиво коррелируют с ростом апатии, тревожности и депрессивных проявлений, существенно снижая уровень психического благополучия. [21]

Цель исследования - изучение особенностей эмоционально-волевой сферы детей младшего школьного возраста, переживших трудную жизненную ситуацию.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В исследовании приняли участие 20 детей, которые имели в своей жизни опыт психологической травматизации, связанный с неблагоприятной средой в семье, с проживанием на приграничных территориях в условиях начала во-

енного конфликта и вынужденным переселением в более безопасные районы. Их средний возраст составил 10 ± 2 лет. Исследование проводилось на базе Курского регионального отделения общероссийской общественной организации «Российский Красный Крест» (КРО РКК). Для изучения эмоциональной сферы детей были использованы проективные методики Д. Бака «Дом, дерево, человек» и К. Махвер «Нарисуй человека». Статистическая обработка полученных результатов проводилась с помощью STATISTICA 10.0 StatSoft.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

При анализе полученных результатов было выявлено следующее. У 93% детей были выявлены высокие показатели по показателю тревожности, что указывает на выраженное внутреннее напряжение, эмоциональную неустойчивость и ощущение небезопасности. Это может отражать пережитый стресс, неуверенность в себе и трудности в адаптации к изменившимся жизненным условиям. Высокий уровень тревожности нередко сопровождается повышенной чувствительностью к внешним стимулам, ожиданием угрозы и склонностью к избеганию потенциально стрессовых ситуаций.

У 80% испытуемых были выявлены высокие показатели ощущения небезопасности, что говорит об снижении базового чувства защищённости и доверия к окружающему миру. Для детей с подобными проявлениями характерны настороженность, повышенная чувствительность к изменениям в окружении и затруднения в установлении устойчивых эмоциональных связей с другими людьми.

У 47% детей были выявлены высокие показатели по критерию «Недоверие к себе», что может говорить о сниженной самооценке, неуверенности в собственных силах и затруднениях при принятии самостоятельных решений. Такие дети, как правило, испытывают сомнения в правильности своих действий, зависят от внешней оценки и одобрения взрослых, склонны к самообвинению и избеганию ситуаций, требующих проявления инициативы.

По критериям «Неполноценность», «Враждебность», «Конфликтность», «Трудности в общении» были выявлены результаты средней степени выраженности у 20-26% детей, что говорит о наличии у детей отдельных признаков неустойчивого эмоционального состояния и сложностей в межличностных отношениях, однако без ярко выраженных дезадаптивных проявлений.

Наименее свойственным для детей данной возрастной категории стала депрессивность. Всего у 13% детей были выявлены показатели средней степени выраженности.

На основании полученных результатов была создана модель программы клинико-психологического сопровождения для детей младшего школьного возраста, перенесших трудную жизненную ситуацию.

Мишенями воздействия выступили тревожность, агрессивность, чувство внутренней опоры и безопасности, страхи, межличностное взаимодействие с окружающими.

Целью программы стало воздействие на аффективную сферу с целью снижения симптоматики.

Задачами программы выступают снижение тревожности, агрессивности и внутреннего напряжения, развитие чувства безопасности и доверия к миру, формирование навыков саморегуляции, восстановление позитивного отношения к самому себе и повышение самооценки, развитие социальных умений и коммуникативных навыков.

Критериями эффективности выступают снижение аффективной симптоматики, что будет проявляться в уменьшении уровня тревожности, снижение

агрессивного поведения по результатам психодиагностических методик; повышение ощущения внутренней опоры и безопасности, что будет проявляться в увеличении количества индикаторов уверенности в собственных силах в поведении и в рассказах, в поведенческие наблюдениях, проявлении большей самостоятельности в принятии решений, взаимодействии и организации деятельности, в появлении признаков «безопасного поведения»: снижение гипервозбудимости, реакций избегания, чрезмерной настороженности; улучшение межличностного взаимодействия, что будет проявляться в повышении качества контактов со сверстниками, в увеличении случаев совместной игры, сотрудничества, позитивного общения, в снижении конфликтности, повышение способности к конструктивному разрешению споров, в развитии коммуникативных навыков: инициативность, умение обращаться за помощью, выражать эмоции приемлемым способом, освоение детьми знаний о природе собственных эмоций, понимание детьми базовых эмоциональных состояний (страх, тревога, злость) и факторов, их вызывающих, в способности различать и вербализовать свои чувства в рамках занятий.

Форма проведения: групповая с возможностью для индивидуальных встреч с психологами. Рассчитана на 9 встреч.

В таблице 1 приведен пример возможной программы клинико-психологического сопровождения.

Таблица 1. Пример содержания программы клинико-психологического сопровождения.

Table 1. An example of the content of the clinical and psychological support program.

№	Название	Цели и задачи	Применяемые упражнения	Время
1.	«Знакомство. Диагностическая встреча».	Провести диагностику с целью выявления аффективно-личностных нарушений.	1. Упражнение «Снежный ком»; 2. Методика «Дом-дерево человек»; 3. Методика «Нарисуй человека»	1.5-2 ч.
2.	«Тревога и страхи».	Снижение уровня тревожности, опредмечивание страхов.	1. Упражнение «Корабль и ветер»; 2. Упражнение «Коробка переживаний» 3. Упражнение «Безопасное место»	1.5-2 ч.
3.	«Супергерои спокойствия».	Через физическую активность снизить уровень внутреннего напряжения и тревоги.	1. Разминка; 2. Упражнение «Дыхательные техники»; 3. Упражнение «Подвижные упражнения на расслабление»; 4. Упражнение «Игровые подвижные активности».	1.5-2 ч.
4.	«Что такое гнев и с чем его едят?».	Разобрать понятие гнева, его ощущения в теле и обучение экологичным способам выхода гнева.	1. Разминка. 2. Упражнение «Релаксационные техники»; 3. Упражнение «Мой гнев»; 4. Упражнение «Карточки эмоций»; 5. Упражнение «Ролевые сценарии».	1.5-2 ч.
5.	«Управляй своей яростью».	Снижение уровня агрессии и обучение адекватным способам выхода агрессии.	1. Разминка; 2. Упражнение «Сейсмограф гнева»; 3. Упражнение «Гневный комок vs Шар спокойствия»; 4. Упражнение «Кнопка стоп»; 5. Упражнение «След обиды»	1.5-2 ч.
6.	«Охотники за страхами».	Снижение уровня тревожности и помощь в преодолении страхов через их изучение, принятие и трансформацию.	1. Упражнение «Шепот смелости»; 2. Упражнение «Нарисуй своего страховозверя»; 3. Упражнение «Секрет страховозверя»; 4. Упражнение «Создай защитника»; 5. Упражнение «Паутина смелости».	1.5-2 ч.

7.	«Внутренняя опора и чувство безопасности».	Разобрать понятие внутренней опоры и материализовать ее в арт пространстве.	1. Упражнение «Карта моих опор»; 2. Упражнение «Моя суперсила».	1.5-2 ч.
8.	«Активация внутреннего щита».	Аналогичны предыдущему занятию.	1. Упражнение «Сканер безопасности»; 2. Упражнение «Радар спокойствия»; 3. Упражнение «Карта моего безопасного мира» 4. Упражнение «Сигнал готовности».	1.5-2 ч
9.	Оценка эффективности.	Оценить эффективность проведенной программы на данном этапе.	1. Методика «Дом-дерево-человек»; 2. Методика «Нарисуй человека».	1-1.5 ч.

Результаты проведенных занятий свидетельствуют о выраженной положительной динамике в эмоциональном и поведенческом состоянии детей.

На начальном этапе диагностики высокий уровень тревожности отмечался у 95% участников, однако после завершения программы у 60% детей наблюдался средний уровень тревожности, а у 40% — низкий. Показатели незащищенности также значительно снизились: с 80% высоких значений до 50% средних и 50% низких. Уровень недоверия к себе уменьшился с 45% до 20% средних и 80% низких значений, чувство неполноценности — с 35% до 15% и 85% соответственно. Аналогичная динамика наблюдалась по показателям конфликтности, трудностей в общении, враждебности и депрессивности, где большинство детей перешли в зону низких значений. Эти результаты подтверждают эффективность реализованных мероприятий, направленных на снижение тревожности, повышение чувства безопасности, развитие уверенности в себе и восстановление внутреннего равновесия. В процессе сопровождения отмечалась положительная динамика по многим направлениям.

Дети становились более спокойными, уравновешенными, улучшалась способность контролировать импульсивные реакции. Снижался уровень тревожности и эмоционального напряжения, появлялись элементы саморегуляции. Постепенно дети начинали проявлять инициативу, охотнее вступали в контакт со взрослыми и сверстниками, легче выражали свои эмоции, стали более открытыми и доверчивыми. Некоторые участники, изначально замкнутые и отстраненные, к концу программы активно включались в групповые формы работы, с интересом делились своими впечатлениями и чувствами.

ВЫВОДЫ

Таким образом, проведенный анализ результатов исследования показал, что большинство детей младшего школьного возраста, переживших трудные жизненные ситуации, характеризуются выраженным уровнем тревожности и сниженным чувством безопасности. Это свидетельствует о наличии у них внутреннего эмоционального напряжения, неустойчивости, повышенной чувствительности к стрессовым воздействиям и недостатке базового доверия к миру и окружающим людям. Средняя степень выраженности таких характеристик, как неполноценность, враждебность, конфликтность и трудности в общении, отражает частичную дезадаптацию, связанную скорее с особенностями эмоционального реагирования, чем с устойчивыми личностными нарушениями. Низкий уровень депрессивности указывает на наличие адаптационного потенциала и возможности успешной психологической коррекции при своевременной поддержке. Полученные результаты подтверждают необходимость систематической работы по развитию и стабилизации эмоционально-волевой сферы и укреплению чувства безопасности у данной категории детей. На основании

данного исследования рекомендуется создание программы психологического сопровождения для данной категории населения. Это позволит своевременно и качественно оказать необходимую помощь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белобрыкина, О. А. Проблема выявления «трудного» ребенка: объективные критерии и субъективные оценочные установки / О.А. Белобрыкина // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2018. – № 3. – С. 17–42..
2. Битюцкая, Е. В. Трудная жизненная ситуация: критерии когнитивного оценивания / Е.В. Битюцкая // Психологическая наука и образование. – 2007. – Т. 12, № 4. – С. 87–93.
3. Гудкова, Т. Н. Понятие кризиса. Функции кризиса в развитии. Виды кризисов / Т. Н. Гудкова // Universum: психология и образование. – 2024. – № 4(118). – С. 18–21.
4. Кайипбекова, И. У. Жизнестойкость как основание преодоления трудных жизненных ситуаций подростками из семей мигрантов / И. У. Кайипбекова, В. В. Гагай // Мир науки. Педагогика и психология. – 2021. – Т. 9, № 2. – EDN ZHYZQX.
5. Кошкин, К. А. Стратегии и методы оказания кризисной психологической помощи подросткам в зависимости от психологического состояния и личностных особенностей / К. А. Кошкин, Г. С. Банников, Т. С. Павлова // Вестник новых медицинских технологий. Электронное издание. – 2015. – № 4. – С. 40. – DOI 10.12737/17078. Текст: электронный.
6. Кузнецова, А.А. Особенности личностного развития детей младшего школьного возраста в процессе адаптации к школьному обучению / А.А. Кузнецова, В.В. Воробьева, И.В. Золотарева, Моренко И.М. [и др.] // Коллекция гуманитарных исследований. – 2019. – № 1. – С. 12–20.
7. Кузьменко, В. В. Личностный кризис: особенности, критерии, понятие / В. В. Кузьменко, С. В. Манахов // Социокультурная детерминация субъектов образовательного процесса: сб. материалов Междунар. конф. XI Левитовские чтения в МГОУ (Москва, 20–21 апреля 2016 г.). – М.: Московский государственный областной университет, 2016. – С. 264–268.
8. Лакреева, А. В. Трудная жизненная ситуация как фактор социально-психологической дезадаптации подростка / А. В. Лакреева, М. В. Хомутова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – № 24. – С. 135–140.
9. Меньшикова, К. Ю. Особенности психоэмоционального состояния детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации / К. Ю. Меньшикова, Ю. В. Богушевская // Психология здоровья и болезни: клиничко-психологический подход (с использованием дистанционных технологий): материалы XII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Курск, 17–18 ноября 2022 г.) – Курск: Курский гос. мед. ун-т, 2022. – С. 251–254.
10. Морозова, Н. Н. Особенности психологической адаптации подростков к трудным жизненным ситуациям / Н. Н. Морозова, С. Н. Никишов, И. С. Осипова, С. И. Баляев // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2022. – Т. 22, № 4(60). – С. 459–476. – DOI 10.15507/2078-9823.060.022.202204.459-476.
11. Мышко, В. В. Теоретические подходы к изучению понятия трудной жизненной ситуации в психологии / В. В. Мышко, С. И. Баляев // Наука в жизни человека. – 2023. – № 3. – С. 95–101.
12. Однолетко, Е. А. Проблема развития эмоционального интеллекта у младших школьников / Е. А. Однолетко // Педагогический форум. – 2024. – № 1(13). – С. 141–143.
13. Родионова, Е. А. Социально-психологические и педагогические аспекты семейных конфликтов / Е. А. Родионова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. – 2005. – № 3. – С. 130–137.
14. Русских, Н. И. К вопросу о психической травме в детском возрасте / Н. И. Русских // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. – 2014. – Т. 7. – С. 53–58.
15. Ситак, Л. А. Дети, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации, и их социально-педагогическая характеристика / Л. А. Ситак, Е. Г. Ларионова // Гуманитарный научный журнал. – 2017. – № 1. – С. 71–76.
16. Сладкова, Ю. Д. Кризисы детского возраста и их преодоление / Ю.Д. Сладкова // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2021. – № 19/4. – С. 5–16. – DOI 10.21702/ncpb.2021.4.1.
17. Тонкушина, К. В. Влияние трудной жизненной ситуации на формирование психологических защит личности / К.В. Тонкушина // Вестник Совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. – 2014. – № 5. – С. 139–143.
18. Турко, Д. В. Проблема социально-психологической адаптации детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации / Д. В. Турко, Н. М. Хахутадзе // Молодежная наука и современность: сб. материалов 87-й Междунар. науч. конф. студентов и молодых ученых(Курск, 20–21 апреля 2022 г.). Том III. – Курск: Курский гос. мед. ун-т, 2022. – С. 219–222.

19. Харламенкова, Н. Е. Личность и преодоление трудных жизненных ситуаций / Н. Е. Харламенкова // Прикладная юридическая психология. – 2014. – № 3. – С. 10–18.

20. Чебан, Е. С. Связь уровня жизнестойкости и нарушения «Я» у людей, переживших травму / Е. С. Чебан, И. Н. Земзюлина // Молодежная наука и современность: материалы 90-й Междунар. науч. конф. студентов и молодых ученых, посвящ. 90-летию КГМУ (Курск, 23–25 апреля 2025 г.). – Курск: Курский гос. мед. ун-т, 2025. – С. 308–309.

21. Gilboa-Schechtman E., Azoulay R. Treatment of Social Anxiety Disorder: Mechanisms, Techniques, and Empirically Supported Interventions // Clinical Psychology and Special Education. – 2022. – Vol. 11, No. 2. – P. 1–21. – DOI 10.17759/cpse.2022110201.

Получена: 23.02.2026 г.

Принята к публикации: 06.06.2026 г.

FEATURES OF THE EMOTIONAL AND VOLITIONAL SPHERE OF PRIMARY SCHOOL CHILDREN WHO HAVE EXPERIENCED A DIFFICULT LIFE SITUATION

© Anastasiya M. Gadzhieva, Anna A. Bogushevskaya, Vladislava G. Nikolaeva

Anastasiya M. Gadzhieva – student, Kursk State Medical University, Ministry of Health of the Russian Federation

E-mail: gadzievanasta060@mail.ru

Anna A. Bogushevskaya – student, Kursk State Medical University, Ministry of Health of the Russian Federation

E-mail: anna.bog2020@yandex.ru

Vladislava G. Nikolaeva – student, Kursk State Medical University, Ministry of Health of the Russian Federation

E-mail: nikolayeva.04@list.ru

Address: 3 Karl Marx St., Kursk, 305041, Russian Federation

ABSTRACT

Relevance.

Purpose: To study the characteristics of the emotional and volitional sphere of children who have experienced a difficult life situation.

Materials and methods. The study involved 20 children who had experienced psychological traumatization associated with an adverse family environment, living in border areas during the onset of armed conflict, and forced relocation to safer regions. Their mean age was 10 ± 2 years. The study was conducted at the Kursk Regional Branch of the All-Russian Public Organization "Russian Red Cross" (KRB RRC). To assess the children's emotional sphere, the projective techniques "House, Tree, Person" by D. Buck and "Draw-a-Person" by K. Machover were used. Statistical processing of the obtained results was performed using STATISTICA 10.0 (StatSoft).

Results. The study revealed that the most pronounced symptoms among the participants were feelings of insecurity, anxiety, and self-distrust. Symptoms of inferiority, hostility, conflict proneness, communication difficulties, and depression were less pronounced.

Conclusions. The study showed that children who have experienced a difficult life situation are characterized by a high level of anxiety, feelings of insecurity, and reduced self-confidence. The obtained results confirm the importance of timely psychological support and corrective interventions aimed at restoring a sense of safety and strengthening a positive self-image in this category of children.

KEYWORDS: primary school children; difficult life situation; emotional and volitional sphere;

Conflict of interests. The authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

REFERENCES

1. Belobrykina, O.A. The problem of identifying a "difficult" child: objective criteria and subjective evaluative attitudes // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2018. – No. 3. – P. 17–42. Text: direct.
2. Bityutskaya, E.V. Difficult life situation: criteria of cognitive evaluation // Psychological Science and Education. – 2007. – Vol. 12, No. 4. – P. 87–93. Text: direct.
3. Gudkova, T.N. The concept of crisis. Functions of crisis in development. Types of crises // Universum: Psychology and Education. – 2024. – No. 4(118). – P. 18–21. Text: direct.
4. Kaiypbekova, I.U., Gagai, V.V. Hardiness as a basis for overcoming difficult life situations by adolescents from migrant families // World of Science. Pedagogy and Psychology. – 2021. – Vol. 9, No. 2. Text: direct.
5. Koshkin, K.A., Bannikov, G.S., Pavlova, T.S. Strategies and methods of providing crisis psychological assistance to adolescents depending on their psychological state and personality characteristics // Bulletin of New Medical Technologies. Electronic edition. – 2015. – No. 4. – P. 40. – DOI 10.12737/17078. Text: electronic.
6. Kuznetsova A.A., Vorobyova V.V., Zolotareva I.V., Morenko I.M., Ushakova N.I. Features of

personal development of children of primary school age in the process of adaptation to school education // The Collection of Humanitarian Studies, 2019, no. 1. – P. 12–20. (In Russ.)

7. Kuzmenko, V.V., Manakhov, S.V. Personal crisis: features, criteria, concept // Sociocultural determination of subjects of the educational process: Collection of materials of the international conference XI Levitov Readings at MSOU, Moscow, April 20–21, 2016. – Moscow: Moscow State Regional University, 2016. – P. 264–268. Text: direct.

8. Lakreeva, A.V., Khomutova, M.V. Difficult life situation as a factor of socio-psychological maladaptation of adolescents // Scientific and Methodological Electronic Journal "Koncept". – 2016. – No. T24. – P. 135–140. Text: electronic.

9. Menshikova, K.Yu., Bogushevskaya, Yu.V. Features of the psycho-emotional state of children in difficult life situations // Psychology of health and illness: clinical-psychological approach (using distance technologies): Materials of the XII All-Russian scientific-practical conference with international participation, Kursk, November 17–18, 2022. – Kursk: Kursk State Medical University, 2022. – P. 251–254. Text: direct.

10. Morozova, N.N., Nikishov, S.N., Osipova, I.S., Balyaev, S.I. Features of psychological adaptation of adolescents to difficult life situations // Humanitarian: topical issues of humanitarian science and education. – 2022. – Vol. 22, No. 4(60). – P. 459–476. – DOI 10.15507/2078-9823.060.022.202204.459-476. Text: direct.

11. Myshko, V.V., Balyaev, S.I. Theoretical approaches to the study of the concept of difficult life situation in psychology // Science in human life. – 2023. – No. 3. – P. 95–101. Text: direct.

12. Odnoletko, E.A. The problem of developing emotional intelligence in primary school children // Pedagogical Forum. – 2024. – No. 1(13). – P. 141–143. Text: direct.

13. Rodionova, E.A. Socio-psychological and pedagogical aspects of family conflicts // Bulletin of Saint Petersburg University. Series 6. Philosophy, Political Science, Sociology, Psychology, Law, International Relations. – 2005. – No. 3. – P. 130–137. Text: direct.

14. Russkikh, N.I. On the issue of mental trauma in childhood // Proceedings of Irkutsk State University. Series: Psychology. – 2014. – Vol. 7. – P. 53–58. Text: direct.

15. Sitak, L.A., Larionova, E.G. Children in difficult life situations and their socio-pedagogical characteristics // Humanitarian Scientific Journal. – 2017. – No. 1. – P. 71–76. Text: direct.

16. Sladkova, Yu.D. Crises of childhood and ways to overcome them // North Caucasian Psychological Bulletin. – 2021. – No. 19/4. – P. 5–16. – DOI 10.21702/ncpb.2021.4.1. Text: direct.

17. Tonkushina, K.V. The influence of a difficult life situation on the formation of psychological defenses of the individual // Bulletin of the Council of Young Scientists and Specialists of the Chelyabinsk Region. – 2014. – No. 5. – P. 139–143. Text: direct.

18. Turko, D.V., Khakhutadze, N.M. The problem of socio-psychological adaptation of children in difficult life situations // Youth science and modernity: Materials of the 87th International scientific conference of students and young scientists, Kursk, April 20–21, 2022. Vol. III. – Kursk: Kursk State Medical University, 2022. – P. 219–222. Text: direct.

19. Kharlamenkova, N.E. Personality and coping with difficult life situations // Applied Legal Psychology. – 2014. – No. 3. – P. 10–18. Text: direct.

20. Cheban, E.S., Zemzyulina, I.N. The relationship between the level of hardiness and disturbances of the "Self" in people who have experienced trauma // Youth science and modernity: Materials of the 90th International scientific conference of students and young scientists dedicated to the 90th anniversary of KSMU, Kursk, April 23–25, 2025. – Kursk: Kursk State Medical University, 2025. – P. 308–309. Text: direct.

21. Gilboa-Schechtman, E., Azoulay, R. Treatment of Social Anxiety Disorder: Mechanisms, Techniques, and Empirically Supported Interventions // Clinical Psychology and Special Education. – 2022. – Vol. 11, No. 2. – P. 1–21. – DOI 10.17759/cpse.2022110201. Text: direct.